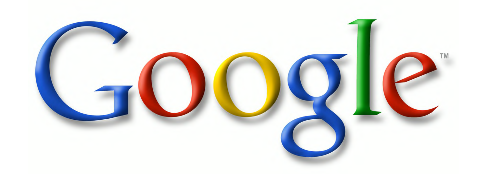
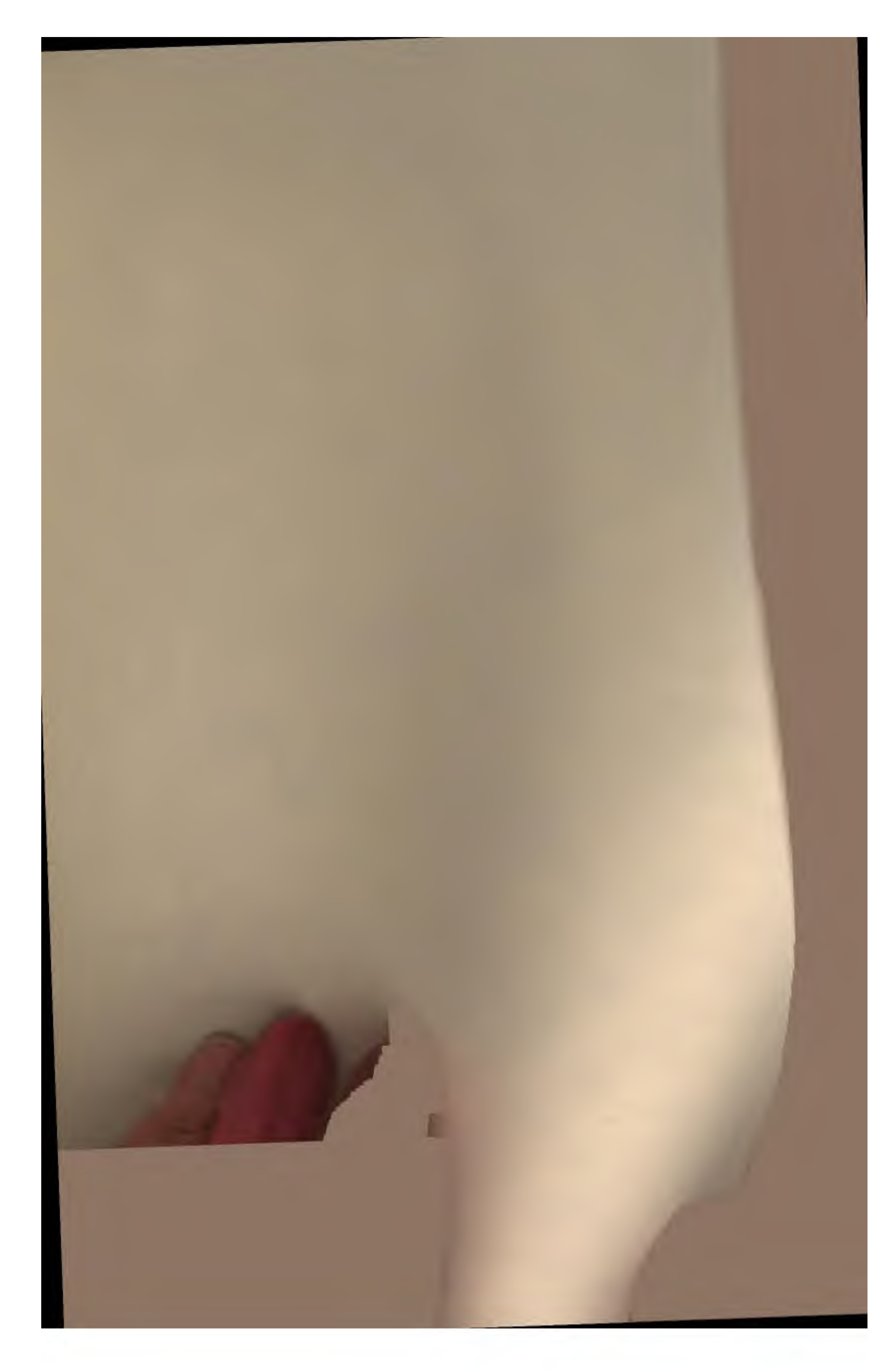

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

А. Н. Аксаковъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ ОБЪ

АВТОМАТИЧЕСКОМЪ ПИСЬМѢ

(ИЗЪ ЛИЧНАГО ОПЫТА)

и

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ О МАТЕРІАЛИЗАЦІИ

Съ двумя фототипіями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1899.

[redacted]

А. Н. Аксаковъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ ОБЪ

АВТОМАТИЧЕСКОМЪ ПИСЬМѢ

(ИЗЪ ЛИЧНАГО ОПЫТА)

И

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ О МАТЕРІАЛИЗАЦІИ.

Съ двумя фототипіями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1899.

[redacted]

А. Н. Аксаковъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ ОБЪ

АВТОМАТИЧЕСКОМЪ ПИСЬМѢ

(ИЗЪ ЛИЧНАГО ОПЫТА)

И

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ О МАТЕРІАЛИЗАЦІИ.

Съ двумя фототипіями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1899.

Спб. Типографія В. Демакова,
Новый пер., д. № 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Матеріалы для сужденія объ автоматическомъ письмѣ	1—113
Вмѣсто предисловія. *А. Аксакова*	1—5
Отчеты о сеансахъ: I—XXIV, 1882—1885 гг.	6—113
Матеріалы для сужденія о матеріализаціи	114—235
А. Рѣдкій случай дематеріализаціи части тѣла медіума [1]).	
I. Теоретическія соображенія	114—131
II. Описаніе сеанса въ Гельсингфорсѣ 11-го декабря 1893 г. съ медіумомъ г-жей д'Эсперансъ, на которомъ удостовѣрено явленіе частичной дематеріализаціи тѣла медіума	132—133
Показаніе г-жи Ельтъ	134
Показаніе г. Топпеліусъ	145
Показаніе профессора Сейлингъ	146
Показаніе г-жи Сейлингъ	150
Показаніе г-жи Тавашерна	151
Показаніе генерала Топпеліусъ	155
Показаніе д-ра Герцберга	157
Показаніе генерала Седергольма	159
Показаніе самого медіума	161—167

[1]) Подробный французскій переводъ этой статьи изданъ особой книжкой подъ заглавіемъ: Un cas de dématerialisation partielle du corps d'un medium. Par A. Aksakow. Paris, 1896.

СТРАН.

Письмо А. Н. Аксакова г-жѣ д'Эсперансъ съ вопросами по поводу ея показанія . . . 168—169
Отвѣты г-жи д'Эсперансъ на вопросы А. Н. Аксакова. . . . . 170—173
III. Разслѣдованіе, произведенное лично А. Н. Аксаковымъ въ Гельсингфорсѣ . . . . 174—201
IV. Личныя ощущенія медіума во время матеріализаціоннаго сеанса по его собственнымъ показаніямъ . . . . 202—223
V. Дальнѣйшія теоретическія соображенія и выводы . . . . 223—235

Б. Рѣдкій случай признанной матеріализованной фигуры.

I. Отчетъ г-жи Антоніи фонъ Билле-Даль о сеансѣ съ м-съ д'Эсперансъ 25 ноября 1895 года въ Готенбургѣ. . . . . 236—240
II. Письмо А. Н. Аксакова къ г-жѣ Билле-Даль 240—245
III. Отвѣтъ А. Н. Аксакову г-жѣ Билле-Даль . 245—250
IV. Отчетъ о томъ же сеансѣ камергера Крогъ. 250—255
V. Отчетъ о томъ же сеансѣ баронессы Анны Пейронъ . . . . 255—260
VI. Отчетъ г. Отто Е. Эриксона о томъ же сеансѣ . . . . 260—263
VII. Отчетъ самого медіума . . . . 263—265
VIII. Замѣтки А. Н. Аксакова . . . . . . 265—272

В. Письмо А. Н. Аксакова къ г-жѣ д'Эсперансъ по поводу ея книги: „Міръ призрачный“, напечатанное при этой книгѣ вмѣсто „предисловія“ . . . . . . 273—280

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ СУЖДЕНІЯ ОБЪ АВТОМАТИЧЕСКОМЪ ПИСЬМѢ.

«Мнѣ жаль тебя, вотъ и достояніе».
(Изъ сообщеній «экс-человѣка»).

Въ сочиненіи моемъ «Анимизмъ и Спиритизмъ» я не разъ упоминалъ о сообщеніяхъ получавшихся мною въ совершенно интимномъ кружкѣ, состоявшемъ всего изъ трехъ лицъ: двухъ близкихъ родственниковъ (пожилой дамы и молодого человѣка) и меня самого. Цѣлью были не физическія явленія, которыхъ я видѣлъ достаточно, а умственныя, для сужденія о нихъ по существу. Вопросъ о поддѣлкѣ, для меня лично, тутъ не существовалъ; поэтому и способъ экспериментированія былъ самый примитивный, удающійся въ значительномъ большинствѣ случаевъ. Помянутые родственники мои никогда до этого въ качествѣ медіумовъ не упражнялись и нисколько не знали — есть ли у нихъ какія-либо медіумическія способности; это была первая попытка; я посадилъ ихъ за столикъ, не зная, выйдетъ ли что изъ этого; въ результатѣ они оказались медіумичными; сперва получались наклоны стола, говорилась азбука и требуемая буква указывалась ударомъ ножки стола объ полъ. Но такъ какъ этотъ способъ крайне мѣшкотенъ, то мы вскорѣ

перешли къ другому: на картонѣ была наклеена крупная, печатная азбука, на нее клалась маленькая дощечка, съ одного конца заостренная для указанія буквъ; двое участвующихъ клали на нее по одной рукѣ; она приходила въ движеніе и указывала требуемыя буквы. Самъ я нисколько не медіумиченъ; поэтому мое участіе состояло только въ томъ, что, сидя за другимъ столомъ, я записывалъ буквы, которыя мнѣ диктовали, и ставилъ вопросы. Это происходило, разумѣется, при свѣтѣ.

Сеансы эти въ общемъ результатѣ дали очень интересный матеріалъ. Очевидно, вся цѣль сидѣній состояла въ томъ, чтобы выяснить, насколько получаемыя такъ называемыя сообщенія могутъ быть отнесены къ нашей собственной безсознательной дѣятельности, или требуютъ допущенія участія посторонней разумной силы. Получалось не мало вздору, иногда и ничего не получалось, но были и весьма замѣчательныя вещи. Нѣкоторыя изъ такихъ сообщеній я напечаталъ въ своемъ нѣмецкомъ журналѣ «Psychische Studien» подъ заглавіемъ: «Филологическія загадки, заданныя медіумическимъ путемъ» (См. гг. 1883—84).

Отъ времени до времени намъ приходилось получать сообщенія, которыя рѣзко отличались отъ другихъ, какъ по умственному содержанію, такъ и по складу рѣчи и по способу правописанія: неизвѣстный авторъ ихъ вскорѣ сталъ опускать твердый знакъ, двойныя согласныя, замѣнять *ѣ* простымъ *е*, и вообще упрощать свое писаніе сколь возможно. Допытываясь, съ кѣмъ мы тутъ имѣли дѣло, мы постоянно получали отвѣты какъ отъ разумной самостоятельной личности, но назвать себя она никогда не хотѣла, и только иронически относилась ко всѣмъ моимъ попыткамъ выяснить ея индивидуальность.

Вотъ этотъ рядъ сообщеній я и намѣреваюсь предать

теперь гласности. Нѣкоторые отрывки, представлявшіе спеціальный интересъ и имѣвшіе прямое отношеніе къ полемикѣ моей съ Гартманомъ, были уже помѣщены въ моемъ отвѣтѣ ему; напр., нашъ опытъ съ чтеніемъ при закрытыхъ глазахъ; сообщенія на неизвѣстныхъ медіумамъ языкахъ и т. д. Но помимо этихъ выдержекъ, и всѣ остальныя сообщенія, исходившія отъ имени той же личности, представляютъ нѣчто весьма оригинальное и поучительное. Поэтому я и рѣшаюсь представить всю эту серію цѣликомъ, дословно, подобравъ ее въ хронологическомъ порядкѣ.

Эти сеансы происходили шестнадцать лѣтъ тому назадъ. Невольно подумаешь, какъ далеко впередъ за это время подвинулось дѣло психизма. Такъ называемыя «психическія явленія» — гипнотизмъ, телепатія, ясновидѣніе, медіумизмъ — добрались, наконецъ, до пороговъ храма науки, а первый изъ нихъ уже и твердо возсѣлъ въ этомъ храмѣ; остальныя тянутся вереницей; изъ рукъ послѣдняго кандидата благосклонно приняты факты такъ называемыхъ «спиритическихъ сообщеній» и окрещены именемъ «автоматическаго писанія». Жане, Ришэ, Майерсъ исписали цѣлыя книги и трактаты на эту тему. Возникшее въ 1882 г. Лондонское общество психическихъ изслѣдованій провозгласило и установило фактъ телепатіи, т. е. передачи мысли и чувства на разстояніи; для толкованія помянутыхъ сообщеній оно долгое время пробавлялось теоріями «вторичнаго *я*», «подпорожнаго сознанія» (secondary self, subliminal consciousness), и т. д.; а для болѣе сложныхъ случаевъ присоединяло и телепатію; какъ вдругъ, за послѣднее время, въ лицѣ своего секретаря Р. Ходжсона, бывшаго яраго противника всѣхъ спиритическихъ явленій, какъ физическихъ, такъ и умственныхъ, услыхало вынужден-

вое, неотразимыми фактами, признаніе необходимости допущенія и спиритической гипотезы.

Въ прошломъ году, въ Италіи, въ засѣданіи неаполитанской королевской академіи наукъ была читана, членомъ ея Туріалло, пространная записка подъ заглавіемъ «Итальянскій спиритизмъ и наука», въ которой онъ указывалъ на необходимость дальнѣйшихъ опытовъ въ этомъ направленіи (см. XXIX томъ «Актовъ» этой академіи). Особымъ оттискомъ: «Lo spiritismo italiano e la scienza», Napoli, 1897.

А вотъ совсѣмъ недавно, въ октябрѣ прошлаго года, во Франціи, академія наукъ въ Монпелье была озадачена докладомъ своего профессора Грассэ о необыкновенно удачномъ опытѣ ясновидѣнія — прочтенія на большомъ разстояніи нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ и запечатанныхъ имъ въ конвертѣ; опытъ этотъ произвелъ сенсацію даже здѣсь и встрепенулъ нашего почтеннаго профессора Тарханова, ратовавшаго прежде противъ всего подобнаго. Тѣмъ болѣе ему чести за объективное отношеніе къ совершившемуся факту.

Все это знаменательно, и собирающійся въ нынѣшнемъ году, въ Лондонѣ, международный конгрессъ въ память пятидесятилѣтія спиритизма, можетъ по истинѣ поздравить себя съ значительнымъ поворотомъ умовъ въ сторону распознанія той чудесной области, которая нѣдрится въ самомъ человѣкѣ!

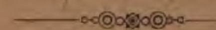
Возвращусь, однако, къ своимъ матеріаламъ. Итакъ вотъ серія автоматическихъ сообщеній, какъ читатель увидитъ, несомнѣнно однохарактерныхъ. Они выбраны мною изъ цѣлой сотни разныхъ сообщеній, полученныхъ нами все въ томъ же кружкѣ въ 1882 и 1883 годахъ, и относятся преимущественно до перваго; въ 1883 г. они стали рѣже и скоро вовсе прекратились. Они пе-

реданы мною здѣсь всѣ, безъ выпусковъ, съ точнымъ сохраненіемъ ороографіи. Разумѣется, для полнаго сужденія о ихъ характерности, и насколько они выдѣлялись изъ другихъ, слѣдовало-бы привести и остальной матеріалъ; но этого добра слишкомъ довольно въ спиритизмѣ, чтобы еще печатать его. Совершенно будетъ достаточно, если я буду приводить образцы того вздора, которымъ иногда начинались и сеансы этой серіи. Вѣдь это матеріалъ, а не избранныя мѣста.

Для объясненія вздора, столь часто получающагося на сеансахъ, удобно, разумѣется, держаться той теоріи, что онъ можетъ исходить только изъ нашей безсознательной психической дѣятельности; но допустивъ это, мы должны допустить, что мы можемъ точно также безсознательно произносить и что-либо хорошее, очень хорошее, даже превосходящее норму нашего обычнаго умственнаго уравненія. Такъ и утверждаютъ приверженцы теоріи автоматизма. Но есть-ли предѣлъ, за которымъ наше безсознательное, облекаясь въ разныя формы сознанія, перестаетъ быть *нашимъ*? Для обсужденія вопроса о подобномъ предѣлѣ предлагаемый матеріалъ сочтется, быть можетъ, не безполезнымъ. Какъ-бы то ни было, слово, приведенное мною выше, въ качествѣ эпиграфа, хотя-бы и рожденное, какъ могутъ утверждать, подъ порогомъ нашего сознанія, останется золотымъ, и, какъ таковое, пропадать не должно. Блаженъ, кто будетъ его держаться.

А. Аксаковъ.

С.-Петербургъ, 2-го января 1898 г.

56-ое сидѣніе, 3-го февраля 1882 г.

(Первое этой серіи).

Послѣ долгаго ожиданія указка задвигалась по азбукѣ и началась диктовка. Стало складываться нѣчто, занявшее много времени, а потомъ оказавшееся чѣмъ-то въ родѣ стиховъ. Вотъ начало:

«Чего желаніемъ достичь не удается, того умомъ найти не сможешь; ни бурныхъ дней, ни жгучаго томленія, сама душа не въ силахъ превозмочь», и т. д.

Вотъ конецъ:

«Плетеніе стиховъ моя вѣдь спеціальность; я васъ потѣшить прихожу, и если вамъ моя оригинальность не по душѣ, то я уйду. Александръ Сергѣевичъ, только не Пушкинъ, а Ивановъ».

Ничего лучшаго не желая, какъ остановить подобныя изліянія, мы прервали сеансъ и пошли пить чай; думали — отдѣлались отъ стихоплета и присѣли въ обычномъ порядкѣ: медіумы къ азбукѣ, я особо для записыванія; сложилось:

«Какъ-бы не такъ, держи карманъ».

Картонную азбуку отложили, свѣчку потушили, и, погодя, всѣ присѣли къ столику; пятью рѣзкими ударами его ножки (условный знакъ) потребовалась азбука. Я перебралъ всѣ языки — отказъ. Опять пять ударовъ,

опять перечислилъ всѣ азбуки — отказъ. Наконецъ, по-русски, ударами сложилось: «картонную». Зажегъ свѣчку и подложилъ ее; складывается:

— Ну ужъ азбука, тоже наклеилъ.

— Милая рѣчь, замѣчаю, видно, что прямо изъ балагана (была масляница).

— То есть прямо, это вздоръ, а былъ и на балаганахъ. Вотъ вы не были и не знаете, что тамъ былъ пожаръ.

— Сегодня?

— Да.

— Навѣрное вранье, отвѣтилъ я.

Нашъ собесѣдникъ не остался въ долгу; дощечка забѣгала; посыпались шутки, остроты, всякій вздоръ; я этого не записывалъ.

— Ну, хоть назовитесь, сказалъ я.

— Спиридонъ, да не онъ.

— Опять шутки. Спрашиваю, чтобы знать, наконецъ, что̀ вы такое: домовой, лѣшій, духъ что-ли, или кикимора, какъ утверждаетъ Блаватская?

— Вотъ вамъ все названіе нужны, а у насъ и безъ названій понимаютъ.

— А позвольте узнать, что такое это «у насъ»?

— Въ мірѣ не вашихъ законовъ. Намъ все равно — духъ или кикимора; суть важна. Что духъ, что кикимора, вы все равно не знаете.

— А что же такое эта «суть»?

— Духовное достояніе. На этой лѣстницѣ и вы стоите, и Сократъ, только ступени разныя; а вотъ я все же въ барышахъ и больше вашего вижу.

— Опредѣлите, что такое «духовное достояніе»?

— Мнѣ жаль тебя — вотъ и достояніе.

— Вотъ это — отвѣтъ; надъ нимъ можно и заду-
ься [1]). Для чего сначала такой вздоръ городили?
— Все въ вашемъ муравейникѣ условно; въ чемъ
ъ вздоръ спрошу?
— Чѣмъ вы были прежде и чѣмъ теперь?
— Теперь я то же, что и прежде — земною тварью.
— Чѣмъ были на землѣ?
— Конечно человѣкомъ.
— Въ чемъ состояла и состоитъ ваша жизнь?
— Въ дѣлахъ грѣха и добродѣтели.
— Почему не можете толкомъ отвѣтить о себѣ?
— Мы имя говоримъ когда это нужно. Я вамъ скажу,
ъ былъ: сотрудникомъ страны; что̀ дѣлаю теперь, на
ъ не взыщите.
— Вотъ и нужно ваше имя, чтобъ доказать....
— Вамъ не нужно и нечего доказывать, и некому.
— Вы въ духовномъ мірѣ что-ли?
— Да.

— Нѣтъ.

— Такъ въ чемъ же можетъ состоять ваше несчастіе теперь?

— Оступи.

— Не понимаемъ. Не ошибка-ли, повторите.

— Оступиться, знаете что значитъ. Я лучше слова не могу придуматъ.

— Такъ и тамъ можете оступаться?

— Легче, чѣмъ вы: возможности, случаевъ, путей больше.

— Становится поздно; пора кончать. Когда-нибудь заверните опять.

— Прощайте, я и самъ пожалую.

57-е сидѣніе, 10-го февраля (II-е).

Послѣ обычныхъ пріемовъ была потребована русская азбука; я положилъ на столикъ картонную, и началось:

— Ну, что, справлялись о пожарѣ?

Изъ этихъ словъ мы поняли, что имѣемъ дѣло съ нашимъ послѣднимъ собесѣдникомъ.

— Да, справлялись, и оказалось, какъ я и говорилъ, враньемъ. А еще въ амбицію вошли! Ну, къ чему все это вранье? Ужели нельзя безъ этого?

Тутъ указка прямо перешла съ русской азбуки на французскую, наклеенную на томъ же картонѣ съ другого конца, и сложилось:

— Emekhabaccha.

— Въ этомъ смысла нѣтъ.

— Ужели смысла нѣтъ?

— Такихъ словъ нѣтъ на французскомъ языкѣ.

— Кто вамъ сказалъ, что это по французски?

— Такъ скажите, на какомъ?

— Вы не знаете — тѣмъ лучше, а вамъ слѣдовало бы знать; по русски значитъ *долина слезъ*—это ваше царство.

— Что нибудь опять сочиняете!

— Вотъ вы, вѣдь, можете провѣрить меня,—кто знаетъ по еврейски.

— Такъ это по еврейски?

— Да.

— Сложите еще разъ русскими буквами.

— Емекхабака.

Сидѣвшіе за столикомъ записаннаго мною не могли видѣть, такъ какъ я сидѣлъ за особымъ столомъ, и только услышали, когда я прочелъ, какіе то странные, непонятные звуки, напоминавшіе слово *кабакъ*; тѣмъ не менѣе, то же самое было повторено русскими буквами совершенно правильно.

— Сложите первое слово.

— Емек.

— Откуда это?

— Это извѣстное очень изреченіе одного португальскаго врача еврея.

— Можете сказать имя?

— Кажется, Сардовій.

— Не слыхалъ.

— Очень жаль.

— Объ этомъ надо будетъ справиться. Теперь поговоримъ о другомъ. Имѣете ли ясное воспоминаніе о земной жизни своей?

— Не совсѣмъ, тевъ подробностяхъ.

— Что значитъ — тевъ?

— То есть; долина вашихъ слезъ мнѣ памятна во

всемъ, въ чемъ выросла моя душа, а многое умерло съ тѣломъ.

— Говорятъ, сознаніе нашего *я*, выработанное нашимъ организмомъ, съ нимъ и умираетъ.

— Это вздоръ. Я, конечно, сознаю себя другимъ, но знаю какимъ себя сознавалъ.

— Сохранилось ли у васъ ясное воспоминаніе о земныхъ испытаніяхъ?

— О горяхъ, испытаніяхъ,—да; но что здѣсь горе и воспоминаніе о прошломъ—это вамъ еще придется узнать.

— Вы подразумѣваете раскаяніе въ прошломъ?

— Не совпадаетъ съ вашимъ.

— Свѣжо ли воспоминаніе о прошломъ?

— Не горе — несчастіе, счастіе — не всегда радость.

— Это не отвѣтъ.

— У васъ это то же. Я не думалъ отвѣчать, просто продолжалъ.

— Есть у васъ какое вѣроученіе?

— Какъ у васъ, только вѣра здѣсь сама собою разумѣется, поколику она относится до загробной жизни; а зиждителя и здѣсь не видать, те (то есть) не больше чѣмъ у васъ.

— Насъ учатъ и многому другому?

— Я здѣсь во многомъ исповѣдую слова: гдѣ два или три во имя мое, тамъ и Я посреди васъ. Ваше общество стоитъ на этихъ словахъ.

— Это не отвѣтъ.

— Спрашивайте точнѣе, не могу же я читать лекціи на общую тему.

— Говорятъ, все это писаніе — наша безсознательная дѣятельность. Чѣмъ докажете противное?

— Не трудно это доказать, если вамъ можно доказать, что вы это все сами дѣлаете.

— То есть, пусть прежде докажутъ, что это мы сами дѣлаемъ?

— Конечно, такъ; даже вы сами знать должны, что прежде всего требуется доказательство положительнаго, т. е., что вы это сами дѣлаете, а потомъ лишь можно обратиться къ доказательству отрицательнаго... фу, какъ тошно! (При складываніи этой фразы, указка начала такъ скоро водить по азбукѣ, что я не успѣвалъ записывать, все останавливалъ и просилъ повторить; этимъ объясняется вызванное раздраженіемъ и съ такою быстротою сложенное восклицаніе), т. е., что не вы производите.

— Надо сдѣлать перерывъ, намъ пора чай пить.

— Отправляйтесь.

— А послѣ чаю опять потолкуемъ?

— Буду очень радъ!

Сеансъ былъ на нѣсколько минутъ прерванъ для чая; я воспользовался этимъ временемъ, чтобы разыскать въ еврейскомъ словарѣ сообщенныя еврейскія слова. Лѣтъ тридцать тому назадъ я нѣсколько занимался еврейскимъ языкомъ, такъ что могу навести справку въ словарѣ, и я нашелъ при корнѣ «бака» («плакалъ») и выраженіе «эмек-хабака» («долина плача»). Я узналъ изъ словаря что это выраженіе встрѣчается въ Ветхомъ Завѣтѣ всего одинъ разъ и именно въ 83 псалмѣ, ст. 7. Оно было мнѣ совершенно незнакомо, тѣмъ болѣе, что мои занятія еврейскимъ языкомъ ограничивались первой главой книги Бытія и первыми десятью псалмами. Такимъ образомъ, цитатъ оказался вѣрнымъ, только латинское правописаніе его должно быть не «hаbассhа», «hаbbаса».

Что касается имени Сардовія, то я въ своихъ біографическихъ словаряхъ его не нашелъ. Оба эти результата моихъ справокъ, одинъ утвердительный, другой

отрицательный, были, разумѣется, сообщены моему маленькому обществу, покуда оно занималось чаепитіемъ; покончивъ съ нимъ, мы опять принялись за сеансъ. Медіумы усѣлись за столикъ еще до моего прихода и въ ту же минуту, едва они положили руки на планшетку, имъ было сказано по-русски:

— Посмотрите-ка въ словарѣ *B. Cardosio* (при этомъ словѣ указка перешла на латинскую азбуку).

Въ эту минуту я вошелъ и мнѣ передали сообщенное.

Я присѣлъ и сказалъ:

— Я сейчасъ справлялся—еврейскій цитатъ вѣренъ.

— Знаю, что вѣрно и что справлялись; я вспомнилъ, что онъ не Сардовій, а Кардовій, Cardosiob, — зій, все сбиваюсь.

— Что значитъ *b*?

— Имя, B. Cardosio. Очень извѣстный въ свое время ученый врачъ.

— При чемъ же тутъ это изреченіе?

— Знаменитое мотто.

— А зачѣмъ наврали намъ о пожарѣ?

— Я хотѣлъ видѣть, что вы сдѣлаете.

— Это—плохое объясненіе. Какъ понять этотъ вздоръ, который такъ часто намъ городится съ того свѣта?

— Это вы не поймете. Намъ самимъ не всегда ясно, что происходитъ на вашихъ что-ли сеансахъ.

— Какъ услыхали вы про этотъ способъ общенія?

— А вы какъ слышали, какъ въ театрѣ поютъ, если были на новой выставкѣ [1]). Увѣряю, что очень схоже. Лучше сравнить не сумѣю.

— Значитъ, и вы «слышали?»

---

[1]) Гдѣ слушалась опера посредствомъ телефона.

— Чувствовалъ.

— Скажите въ какомъ образѣ вы обрѣтаетесь?

— Понимание сущности формы ваша ахиллесова пята.

— Я и не спрашиваю про сущность, а про форму.

— Да что по вашему форма? Хоть по моему и спросить нельзя — живетъ или находится что-либо въ формѣ, ибо форма понятие необходимое тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о какомъ-либо бытии.

— Я и не спрашиваю, находитесь ли вы въ формѣ, а въ какой?

— Стало быть, вы спрашиваете о сущности формы, потому что я сказалъ, что форма одно понятие, и вы согласились.

Тутъ возникъ оживленный разговоръ между мною и А. М. Бутлеровымъ, случайно присутствовавшимъ на сеансѣ. Мы обвиняли нашего собесѣдника въ томъ, что онъ уклоняется отъ прямого отвѣта.

— Вникайте. Я утверждаю, что форма есть понятие — это разъ. Потомъ, форма нужна для васъ какъ понятие всюду тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о чемъ бы то ни было существующемъ; и наконецъ, всякому бытию соотвѣтствуютъ свои понятия, въ томъ числѣ и представление о формѣ, или, какъ сказалъ бы философъ, о явлении.

— Тотъ мiръ похожъ ли на нашъ.

— Я здѣсь думаю и знаю, т. е. лучше, вижу что говорю съ людьми умными; надѣюсь мой отвѣтъ по чище того, что сейчасъ изволили говорить; скажите-ка пожалуйста, что вы понимаете подъ выраженiемъ «похожiй», что все и нечего?

— Если бы мы теперь со своими ограниченными средствами могли заглянуть въ вашъ мiръ, то нашли ли бы мы его похожимъ на нашъ?

— Опять похожій. Да, да, воображайте все что хотите, подъ этимъ словомъ.

— Уже поздно, надо кончать. Приходите къ намъ пожалуйста опять.

— Да я нарочно къ вамъ прихожу, все думаю поумнѣете. Фестина ленте [1]).

— Видно потому-то и не понимаемъ другъ друга, что отношенія-то несоизмѣримы.

— Все это пустяки, голубчики! Вовсе не трудно понимать — хоть то, что можно. До свиданья.

— Да нельзя ли васъ какъ вызвать, отыскать?

— Это — шалишь!

По окончаніи сеанса я поспѣшилъ опять справиться въ словаряхъ и на этотъ разъ справки оказались успѣшны. Въ «Nouvelle biographie universelle», изданной Дидо въ 46 томахъ, я нашелъ слѣдующее:

«Cardoso (Fernando), португальскій врачъ, родившійся въ началѣ XVII столѣтія, умершій во второй его половинѣ. Собственно Силорико отчизна этого страннаго человѣка, который пріобрѣлъ себѣ большую славу какъ врачъ, начиная съ 1630 г. Онъ переселился въ Испанію, въ Мадридъ, и пользовался тамъ званіемъ Phisico Major (старшаго врача). По-истинѣ было замѣчательно въ жизни этого человѣка, что, будучи воспитанъ въ христіанской религіи, онъ отъ нея отрекся, чтобы перейти въ лоно іудейства, котораго сталъ горячимъ ревнителемъ»... и проч.

И такъ на этотъ разъ нашъ собесѣдникъ «припомнилъ» хорошо. Фамилія и характерныя черты вѣрны, только имя не *B*; но это не особенно важно.

Весь этотъ случай подробно переданъ въ моемъ «Ани-

[1]) Festina lente. Латинское изреченіе: торопись потихоньку.

низанѣ», вмѣстѣ съ указаніемъ того источника, изъ котораго нашъ собесѣдникъ, не знающій, по его же увѣренію (какъ увидимъ ниже), еврейскаго языка, почерпнулъ это изреченіе; я случайно узналъ объ этомъ источникѣ уже гораздо позднѣе (см. конецъ 60-го сидѣнія).

Прошло два сеанса, 58-й и 59-й, на которыхъ нашъ таинственный собесѣдникъ не появлялся. Мы обыкновенно садились за столикъ и ждали, что̀ будетъ, безъ всякаго, такъ называемаго, вызыванія кого бы то ни было. На 58-мъ сеансѣ мы были, естественно, подъ впечатлѣніемъ предшествовавшаго; толковали о нашемъ послѣднемъ посѣтителѣ, объ его остроуміи, его діалектикѣ, объ еврейскомъ изреченіи и т. д. Во время нашего разговора, пятью наклонами стола была потребована нѣмецкая азбука: «О чемъ вы тутъ толкуете» было первымъ словомъ, и, тотчасъ за тѣмъ, назвался нашъ прежній собесѣдникъ-филологъ, отъ котораго мы получили тѣ интересныя сообщенія на латинскомъ и греческомъ языкахъ, которыя я впослѣдствіи и напечаталъ. Бесѣда шла на нѣмецкомъ языкѣ, совершенно толково, съ пересыпкой греческихъ и латинскихъ фразъ; мы пояснили нашему собесѣднику, о чемъ мы разговаривали, и воспользовались этимъ случаемъ, чтобы спросить, не знаетъ ли онъ этого еврейскаго изреченія? Онъ совѣтовалъ навести справку въ «Büchan, Symbolik der Völker», о которой, разумѣется, мы понятія не имѣли. Впослѣдствіи я нашелъ въ полномъ каталогѣ всей нѣмецкой библіографіи: «Büchan, Populärsymbolik» 1850 г. Не совсѣмъ то, но замѣчательно близко.

59-ое сидѣніе почти тотчасъ же открылось латинскою рѣчью: «Dulce et decorum est pro patria mori pro veritatem dicere malo». (Отрадно и лестно умереть за отечество, скажу лучше — за истину). Первая половина фразы — очень извѣстный стихъ Горація, а вторая — уже собственная добавка говорившаго; бросается въ глаза разница въ падежахъ послѣ того же предлога; думалъ ошибка въ томъ или другомъ, но оказалось, что правильно то и другое. Далѣе, по-латыни же, собесѣдникъ сказалъ, что по-русски говорить не можетъ, а по-французски или по-нѣмецки. На вопросъ объ имени, сперва отказался дать его, но потомъ сдался и назвался: «Fichte junior». Я встрѣчался съ нимъ въ Германіи. На просьбу удостовѣрить личность свою, онъ отвѣтилъ ссылкой на страницу своей «Антропологіи», гдѣ говорится о Фехнеровомъ земномъ духѣ (Fechner's Erdgeist). Немедленно наведенная справка въ его «Антрополотіи» не подтвердила, однако же, этой ссылки. О Фехнеровскомъ «земномъ духѣ» или «земной душѣ», какъ Фихте выразился въ другомъ мѣстѣ этого сообщенія, мы ничего не знали. Бесѣда продолжалась на нѣмецкомъ языкѣ, толково и интересно.

— Дайте намъ опредѣленіе той формы бытія, въ которой вы находитесь. Вы сейчасъ упомянули о существахъ эфирныхъ, и себя разумѣете въ томъ числѣ?

— Да, я существо эфирное, въ точномъ смыслѣ того, что подъ существомъ слѣдуетъ разумѣть, только въ оболочкѣ эфирной, замѣсто матеріально атомистической.

— Въ какомъ образѣ вы обрѣтаетесь, человѣческомъ?

— Совершенно, только другой матеріалъ, слѣдовательно, подъ особенными условіями возникновенія, эволюціи и закономѣрности.

— Есть у васъ время и пространство?

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

васъ. Послѣ вашего вопроса о пожарѣ, и моего отвѣта, что все это вранье, вы тотчасъ перешли къ еврейскому изреченію. Меня удивляетъ этотъ переходъ. Вы такъ стоите за логику, а между тѣмъ, какая же логическая связь между тѣмъ и другимъ?

— Есть самая непосредственная.

— Поясните.

— Я нарочно спросилъ о пожарѣ, думалъ къ чему вамъ это, но видѣл [1]), что вы на этом выводите что-то; вот я и подумал, как плачевна жизнь ваша, какими средствами ничтожной убѣдительности вы владѣете, вмѣстѣ хотѣл поразить тѣмже.

— То есть, кабы оказалось сказанное о пожарѣ вѣрнымъ, то и повѣрили бы что «духъ». Такъ ли?

— Конечно. Тут у нас видно что у вас скрыто; il piu bel fior ne coglie.

— Къ чему тутъ это итальянское?

— Переживаетъ тончайшее.

— Это пополненіе итальянской фразы, что берется лучшій цвѣтъ?

— Близко... Вы должны довольствоваться тѣлесной темницей вашей, мы лучшій цвѣтъ.

— Поговоримъ теперь о другомъ.

— Грегореи.

— Это по каковски?

— Гречески.

— Что значитъ?

— Ну посмотрите же сами, это вам совѣт всѣм, всѣм, ибо не вѣдаете ни дня, ни часа, а надо приготовляться.

— Тутъ «всѣмъ» два раза, это не ошибка?

[1]) Букву ъ «Спиридонъ» начинаетъ выкидывать. Сохраняю его орѳографію.

*

— Ну, что за вопросъ зачѣмъ два раза!
— Эта фраза относится къ «грегорея»?
— Да.
— Это значеніе слова «грегорея»?
— Да. Custodite.
— Хорошо, справимся послѣ; теперь перейдемъ къ другому: признается ли у васъ нравственный законъ?
— Да.
— Въ чемъ онъ состоитъ?
— Только что хотѣл вас остановить этим вопросом.
— Такъ потрудитесь опредѣлить сами.
— Есть нравственнаго состоянія степень, закон такой же какъ у васъ, онъ міровой, он — божество. Буду передъ знаками останавливаться [1]).
— Но это не опредѣленіе, въ чемъ же онъ состоитъ?
— Будь совершенъ, совершенствуя совершенствуйся.
— Что то не понимаю.
— Стыдно, понимаете прекрасно.
— «Совершенствуя», т. е. другихъ, что ли?
— Ну хоть собак, кого и что можете.
— А вы не сердитесь, желаемъ лучше понять.
— У вас времени много, я стараюсь, думать можете потом.
— Нравственный законъ въ опредѣленіи добра и зла. Что вы тамъ разумѣете подъ этимъ?
— Нравственный закон вовсе не состоит в опредѣленіи добра и зла, а в опредѣленіи того, что́ значит быть нравственным.
— Но это то же самое: будь нравственъ, дѣлай добро; а что добро?

---

[1]) Эта вставка Спиридона была вызвана нашими недоумѣніями при перечитываніи записаннаго.

— Нравственныя требованія всегда соотвѣтствуют развитію; вот принцип нравственнаго общежитія на землѣ, какъ и всюду, гдѣ есть движеніе, сирѣчь жизнь, существованіе; а потому всегда останется отвѣт, что надо дѣлать добро, а зло его противоположеніе; а что̀ добро — это вопрос о дѣйствіях; какими они должны быть, я вам сказал; вы будете тѣм нравственнѣе, чѣм правильно развитѣе.

— При такой постановкѣ абсолютнаго добра нѣтъ.

— Это вздор, какое тут может быть абсолютное пониманіе. Подумайте сами.

— Значитъ и отвѣтственности нѣтъ, ибо я поступаю по мѣрѣ развитія своего!

— Отвѣтственность всегда личная и всегда апреку... [1]) (немного погодя)... дальше ѣхать.

— Что значитъ?

— Просто вы всѣ господа—путешественники, да и мы тоже, конечно; чѣм больше отвѣчать, тѣмъ дальше ѣхать. Другой отвѣтственности и быть не может; вѣдь высѣчь можно только без отвѣтственности.

Покуда мы переговаривались о значеніи этой послѣдней фразы, дощечка задвигалась:

— Прощайте господа, нельзя же право, я устаю.

Потолковавъ, спрашиваемъ, такъ ли поняли? но указка осталась недвижима.

Примѣчаніе. Мои оба медіума ни слова не знаютъ по-итальянски; тѣмъ не менѣе они сложили фразу, которая оказалась совершенно вѣрною; я нѣкогда учился итальянскому, но фразы этой не зналъ; къ тому же надо помнить, что я за столикомъ не сидѣлъ, а особо, за большимъ столомъ, гдѣ и записывалъ диктуемыя мнѣ буквы.

---

[1]) Т. е. Après coup. Послѣ совершившагося.

Что касается греческаго слова, то я по-гречески вовсе не знаю, а мой молодой человѣкъ, въ свое время, учился ему, но этого слова не зналъ, и какая это была грамматическая форма также не зналъ; но потомъ онъ справился въ грамматикѣ и показалъ мнѣ, что это повелительное наклоненіе, второе лицо единственнаго числа отъ глагола: «грегореи» — бодрствовать. По моимъ справкамъ въ греческихъ конкорданціяхъ въ Новомъ Завѣтѣ это слово часто повторяется, также въ повелительномъ, но только во множ. числѣ; по-славянски переведено словомъ: «бдите»; въ латинскомъ переводѣ «vigilate». Здѣсь же нашъ собесѣдникъ перевелъ латинскимъ словомъ «custodite» (сторожите), что также подходитъ.

Впослѣдствіи я нашелъ, что и эти два изреченія почерпнуты, очевидно, изъ того же источника, изъ котораго было взято и еврейское. Указаніе этого источника, мнѣ въ то время совершенно неизвѣстнаго, и подробное обсужденіе этихъ загадочныхъ цитатъ можно найти въ моемъ «Анимизмѣ», стр. 488—501.

Перепечатываю здѣсь это мѣсто:

Объясненіе, предложенное г. Гартманомъ для еврейскаго цитата, состоитъ въ слѣдующемъ: «Можетъ случиться, что у кого-либо изъ присутствующихъ, вслѣдствіе возбужденія интереса въ извѣстномъ направленіи, пробудятся въ скрытомъ сомнамбулическомъ сознаніи воспоминанія о прежде слышанныхъ или видѣнныхъ рѣченіяхъ на чужихъ языкахъ; представленія эти могутъ быть угаданы медіумомъ посредствомъ чтенія мыслей и непроизвольно написаны или указаны посредствомъ стуковъ, причемъ бодрственное сознаніе упомянутаго присутствующаго вовсе не узнаетъ въ полученномъ результатѣ своихъ собственныхъ воспоминаній» (стр. 88).

Когда предшествующее было напечатано мною въ

«Ps. St.» въ 1885 году и затѣмъ въ концѣ 1888 года перепечатано въ настоящемъ моемъ сочиненіи (на нѣмецкомъ языкѣ), я могъ смѣло утверждать, что предложенное г. Гартманомъ для подобнаго факта объясненіе нисколько не подходитъ къ данному случаю, такъ какъ никто изъ насъ не слышалъ и не видѣлъ прежде подобнаго еврейскаго изреченія. Но какъ разъ, въ декабрѣ 1888 года, когда эта перепечатка была уже окончена, мой лейпцигскій секретарь и корректоръ, г. Виттихъ, надумался сообщить мнѣ, что загадка Кардозо разгадана, такъ какъ онъ еще въ мартѣ 1885 года случайно прочелъ въ нѣмецкомъ журналѣ «Der Salon» (6-я тетрадь 1885 года) статью подъ заглавіемъ: «Поэзія поговорокъ и девизовъ», въ которой между прочимъ упоминалось и мотто «Эмек Хабака», какъ принадлежавшее ученому португальскому еврейскому врачу Кардозіо, причемъ была сдѣлана ссылка на книгу *Wichmann*'a: «Die Poesie der Sinnsprüche und Devisen» (Düsseldorf, J. Voss. 1882). Я тотчасъ выписалъ себѣ эту книгу, и дѣйствительно, въ самомъ концѣ ея, на стр. 312—313, я прочелъ слѣдующія строки:

«Возвратимся на землю и закончимъ единственнымъ на еврейскомъ языкѣ мотто ученаго португальскаго еврейскаго врача B. Cardosio:

«Emek habbácha».
«О, долина слезъ!»

Теперь ясно, что продиктованное намъ мотто было заимствовано изъ этой книги; всѣ подробности тутъ на лицо, особенно доказательно ошибочное имя B. Cardosio, которое было сообщено и намъ вмѣсто правильнаго F. Cardoso, какъ значится въ словарѣ. Поэтому весьма естественно и просто заключить, что это мотто было

кѣмъ-нибудь изъ насъ прочитано въ этой книгѣ и затѣмъ на сеансѣ воспроизведено какимъ-бы то ни было дѣйствіемъ сомнамбулическаго сознанія.

Довольно трудно доказать, что кто нибудь чего-нибудь не читалъ, даже когда никто не можетъ найти источника цитируемой фразы; еще труднѣе сдѣлать это теперь, когда источникъ цитата отысканъ. Тѣмъ не менѣе и утверждать противное не такъ легко, какъ оно кажется съ перваго взгляда. Нашъ сеансъ происходилъ, какъ было сказано, 10 (22) февраля 1882 года; книга издана, какъ на ней значится, въ 1882 году; предположимъ однако, что она вышла еще въ концѣ 1881 года, и появилась въ Петербургѣ вмѣстѣ съ другими новинками къ Рождеству. Слѣдовательно, если книга эта попалась кому-нибудь изъ насъ на глаза, то это могло быть только втеченіе двухъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ сеансу. А наружный видъ книги бросается въ глаза: красивый тисненый переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ, каждая страница въ рамкѣ и весь текстъ испещренъ короткими цитатами, отдѣльно, другимъ шрифтомъ напечатанными. Заглянувъ однажды въ книгу, трудно совсѣмъ о ней забыть въ теченіе двухъ мѣсяцевъ — забыть до такой степени, что никто изъ насъ не вспомнилъ даже, что видѣлъ какую-то книгу, содержавшую различныя мотто, и не думалъ поискать тамъ столь заинтриговавшее насъ изреченіе! Я самъ, будучи нѣсколько библіоманомъ, даже и не подозрѣвалъ тогда существованія подобныхъ сборниковъ девизовъ. Получивъ книгу, моимъ первымъ дѣломъ было показать ее моимъ двумъ медіумамъ; они заявили, что никогда ея не видали; проф. Бутлеровъ, присутствовавшій на этомъ сеансѣ, не преминулъ бы, разумѣется, упомянуть объ этомъ источникѣ, еслибъ за послѣдніе два мѣсяца видѣлъ что-нибудь подобное. Но,

какъ сейчасъ узнаемъ изъ послѣдующаго, присутствіе г. Бутлерова и не имѣло значенія для даннаго случая. Только нѣсколько лѣтъ спустя, прочитавъ гдѣ-то объявленіе о книгѣ: «Büchmann, Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des Deutschen Volkes. 1882», я тотчасъ ее выписалъ, чтобы поискать въ ней латинскія, греческія, итальянскія цитаты, полученныя на нашихъ сеансахъ. Но я въ ней ничего не нашелъ. Случилось такъ, что о книгѣ Вихмана я какъ разъ до этого времени не слыхалъ.

Но книга на лицо. Слѣдовательно, надо предположить, что кто-нибудь изъ насъ ее видѣлъ, машинально открылъ на страницѣ 312—13 и затѣмъ немедленно и совершенно позабылъ о ней; но машинальный взглядъ не поясняетъ дѣла: слова *эмек хабакка* не изъ тѣхъ, которыя невольно запоминаешь; они ничего не говорятъ сознанію, надо ихъ прочитать и перечитать, чтобы запомнить, а затѣмъ прочитать и значеніе ихъ, и еще *на другой страницѣ* объ ихъ историческомъ происхожденіи съ весьма опредѣленными подробностями. Тутъ мимолетнаго взгляда недостаточно, — требуется сознательное чтеніе; и такъ, новое затрудненіе для гипотезы безсознательнаго воспроизведенія.

Но вотъ что еще курьезнѣе. Получивъ книгу, я весьма естественно пожелалъ посмотрѣть, нѣтъ ли въ ней еще какихъ «изреченій» изъ числа сообщенныхъ на нашихъ сеансахъ. Такъ какъ въ книгѣ указателя нѣтъ, я перелисталъ ее страницу за страницей; мой трудъ не пропалъ даромъ; къ крайнему удивленію, на страницѣ 62 я нашелъ еще два мотто, которыя,—я тотчасъ это вспомнилъ,— были намъ продиктованы нашимъ таинственнымъ собесѣдникомъ. Прежде всего приведу здѣсь эти мѣста, какъ они находятся въ книжкѣ:

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

скій цитатъ на первомъ не можетъ быть приписанъ его присутствію) имѣлъ въ рукахъ книгу Вихмана, прочелъ бы машинально эти три мотто, а потомъ, спустя нѣсколько недѣль, а можетъ быть и дней, воспроизвелъ бы ихъ на сеансахъ, вполнѣ забывъ, что видѣлъ эту книгу. Это не то, что одно слово, одна строчка на языкѣ извѣстномъ, которыя внезапно и безсознательно отпечатались бы въ нашемъ мозгу. Три мотто на трехъ различныхъ страницахъ, на трехъ различныхъ языкахъ неизвѣстныхъ обоимъ медіумамъ, съ соотвѣтствующими переводами ихъ смысла, не удерживаются машинально и моментально въ такой степени, чтобъ не оставить въ нормальномъ сознаніи ни малѣйшаго слѣда, даже и на такой короткій срокъ, какъ нѣсколько недѣль. Подобное объясненіе сводится къ тому, что безсознательная память могла продѣлать такую штуку въ то время, какъ сознательная не сохранила даже смутнаго воспоминанія о существованіи книги, съ содержаніемъ которой безсознательная память такъ хорошо познакомилась. Я говорю «познакомилась», ибо нельзя разумно допустить, что книга была раскрыта только на трехъ страницахъ и что взоръ упалъ лишь на эти три мотто. Такая вещь совершенно невозможна.

Но это еще не единственное затрудненіе. Что тутъ нѣчто болѣе, чѣмъ безсознательное впечатлѣніе, это явствуетъ изъ слѣдующихъ соображеній. Первое данное имя было *Сардовій*, послѣ чего сеансъ былъ прерванъ для чаю и справокъ; какъ только сеансъ возобновился, сложилось имя *B. Cardosio*, точь въ точь какъ у Вихмана, а нѣсколько минутъ спустя *Кардовій*, потомъ *Кардозій*, и наконецъ опять настоящее — *B. Cardosio*. Спрашивается, какимъ камертономъ руководствовалась безсознательная память, чтобы выбирать между варіан-

тами имени? И далѣе: слово *грегорей* не переведено *«бодрствую»*, какъ у Вихмана, что неправильно по грамматикѣ, но словомъ *«custodite»*, что имѣетъ другое значеніе и грамматическую форму болѣе правильную. Когда я настаивалъ на происхожденіи слова *грегорей*, нашъ невѣдомый собесѣдникъ не сказалъ, что это девизъ папы Григорія XIII, но отвѣтилъ парафразисомъ: «я прочелъ это на гербѣ», что одно и то же по смыслу. Слѣдовательно, нельзя видѣть во всемъ этомъ безсознательнаго воспроизведенія безсознательныхъ впечатлѣній.

Другое соображеніе. Зачѣмъ вмѣсто уклончиваго отвѣта: «я прочелъ на гербѣ», не сказать по крайней мѣрѣ: «я прочелъ въ книгѣ девизовъ?» Зачѣмъ, на мой вопросъ о происхожденіи итальянскаго цитата, указать на Тассо, а не на настоящій источникъ? И зачѣмъ, когда я добивался узнать происхожденіе еврейскаго изреченія, отвѣтить, что это дѣло памяти, а не назвать прямо нѣмецкую книгу? Есть полное основаніе для предположенія, что личность — или безсознательная память медіума, или иной любой факторъ — диктовавшій намъ эти мотто, очень хорошо зналъ источникъ, изъ котораго онъ почерпалъ ихъ, но что ради мистификаціи, или чтобъ «насъ удивить», не хотѣлъ открыть этого.

И такъ, тайна состоитъ въ томъ: какимъ способомъ мозгъ медіумовъ находился въ общеніи съ содержаніемъ книги? Чтобъ это произошло путемъ естественнымъ — непосредственнымъ чтеніемъ — я этого допустить не могу. Я имѣю полное основаніе предположить путь окультный. Мнѣ кажется, что этотъ случай всего болѣе подходитъ къ случаямъ чтенія въ закрытыхъ книгахъ, упомянутыхъ мною выше. Припадокъ сомнамбулизма могъ бы объяснить этотъ фактъ, еслибъ книга находилась въ домѣ и еслибъ припадокъ сомнамбулизма былъ

на лицо; но не было ни того, ни другого. Чтеніе это или передача мыслей? Можетъ быть. Но у кого и черезъ кого — вотъ въ чемъ вопросъ, и онъ останется, я опасаюсь, безъ отвѣта. Съ моей точки зрѣнія загадка не разгадана и случай остается столь же поучительнымъ, сколь и таинственнымъ. Абсолютныя доказательства всегда трудны. Теперь, когда книга на лицо, легко настаивать на предпочтительствѣ разгадокъ самыхъ простыхъ; но мы — участники сеанса — остаемся при полномъ и глубокомъ убѣжденіи, что источникъ познаванія находился внѣ нашего тогдашняго умственнаго содержанія.

Могу упомянуть здѣсь еще о такомъ случаѣ, бывшемъ на тѣхъ же нашихъ сеансахъ. Невидимымъ собесѣдникомъ нашимъ на этотъ разъ былъ знатокъ латинскаго и греческаго языковъ. Послѣ разныхъ сообщеній на латинскомъ языкѣ я попросилъ его сказать намъ что-нибудь по-гречески; онъ потребовалъ греческую азбуку, и медіумъ мой, учившійся по-гречески въ гимназіи, сталъ ее говорить; такимъ путемъ сложилась слѣдующая фраза:

σωματα ανθρωπων δικαια εισι.

Я въ греческомъ не свѣдущъ вовсе, свояченица моя и подавно, молодой человѣкъ мой при помощи своихъ знаній не могъ объяснить этого изреченія. Понять первыя два слова «сомата антропон» было нетрудно, это значитъ: «тѣла людей». Третье и четвертое слово: «дикайа ейси» — означали въ общеупотребительномъ смыслѣ: «справедливы суть». Но какой же смыслъ въ томъ, что «тѣла людей суть справедливы». Вотъ въ этой-то тонкости вся загадка. Медіумъ мой справлялся въ томъ словарѣ, по которому учился въ гимназіи, и другого значенія для слова тамъ не нашелъ, а другихъ грече-

тахъ словарей ихъ много въ рукахъ не было. Я обращался за многимъ знатокамъ греческаго языка и они не могли понять смысла этой фразы, покуда справки въ обширныхъ греческихъ словаряхъ не разъяснили въ чемъ дѣло. Это оказалось спеціальнымъ выраженіемъ, принадлежащимъ Плотину. Откуда же они могли почерпнуть его? Загадку я напечаталъ въ «Р. Ст.» 1884 года, стр. 5, а разгадку въ слѣдующемъ изданіи этого отдѣла, стр. 494, куда и отсылаю интересующихся.

61-е сеансъ, 10-го марта 1882 г. (IV-е).

Вскорѣ потребована русская азбука и сложилось:

— сотѣудпгреадлаварплзинкудпхнійвь.

— Есть тутъ смыслъ?

— Есть.

Тутъ я вздумалъ сдѣлать опытъ и попросилъ повторить продиктованное; державшіе дощечку, очевидно, не могли бы сами этого сдѣлать; мнѣ продиктовали слѣдующее:

— сотѣудранадзинкухвонѣвы.

— Это не точное повтореніе.

— Во второмъ есть пропускъ слѣдующихъ буквъ: отяидиеоае.

Буквы оказались тѣ же, но въ *другомъ* порядкѣ, и ихъ меньше. Это замѣчательно, ибо очевидно, что диктующій руководствовался *смысломъ* своей фразы, а разбитый порядокъ буквъ и самъ запомнить не могъ. И на вопросъ онъ подтвердилъ, что есть пропускъ такихъ-то буквъ, ибо зналъ пропущенное слово.

— Кто съ нами говоритъ?
— Странный сотрудникъ.
— Это вы задали намъ шараду послѣднiй разъ?
— Я.
— Поясните теперь.
— Самъ забылъ.
— Такъ я вамъ прочту (читаю).
— Спасибо.
— Скажите-же смыслъ.
— О боже, трудно, о сонъ Гудала.
— Какъ буквы разбиты въ сегодняшней шарадѣ, по словамъ?
— Кромѣ первыхъ двухъ буквъ *«со»*, которыя относятся ко второму слову.
— «Прiѣду?»
— Да.
Разбираю слѣдующее и покуда стараюсь отгадать, складывается:
— осдгеян, это второе слово.
— «Сегодня?»
— да.
— «на праздникъ?»
— да.
Покуда разбиралъ конецъ, продиктовано:
— Одно слово: духовный.
— Кому праздникъ, намъ?
— двамъ.
— А прошлую шараду?
— Оставьте.
— А что значитъ «двамъ?»
— да, вамъ.
— Если это вы, то повторите греческое слово.
— Знаю.

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

[illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible] — [illegible]

— [illegible] — [illegible] — [illegible] На [illegible]

— То есть, что сѣли за столъ?

— Да.

— А въ первый разъ, когда связи не было?

— Развѣ вы с громом знакомы, а все-таки слышно на извѣстномъ разстояніи. Процессъ-то очень прост, вас тут всегда сбивает ваша собственная слабость, впрочем всюду может быть и хорошо и дурно.

— То есть, «слабость» воспріятія нашего?

— Близко. Вот вы не видите, конечно, почему яблоко всегда падает к землѣ, и называете это законом тяготѣнія, а нам вот видно почему, и мы зовем это законом равновѣсія.

— Видите вы насъ?

— Да.

— И буквы?

— Да.

— Нашими глазами или вашими?

— Вмѣстѣ.

— А если медіумы закроютъ глаза?

— Это все равно, немного труднѣе.

— Есть у васъ свой органъ зрѣнія?

Медіумы тотчасъ закрываютъ глаза; тѣмъ не менѣе указка продолжаетъ двигаться и складывается:

— Есть.

— Органъ тѣлесный?

Медіумы опять закрываютъ глаза, складывается:

— Конечно.

Очень интересный опытъ; при закрытыхъ глазахъ медіумовъ, руки ихъ на дощечкѣ продолжали указывать буквы. Первое слово: «есть» сложилось совершенно правильно. Слѣдить приходилось мнѣ. Второе слово *«конечно»* я сразу не схватилъ; всталъ, чтобы стать передъ азбукой; указывалось что-то, не понялъ; просилъ

повторить; видно было, что движенія указки по азбукѣ были тѣ же, но сложить слова я все-таки не могъ; попросилъ медіумовъ открыть глаза, и повторить еще. Повторились *тѣ же движенія* и сложилось *«конечно»*. Оказалось, что указка (дощечка) до *к* не доходила, останавливаясь на *и*; что, впрочемъ, и помимо этого опыта часто случалось въ этомъ сеансѣ, даже при открытыхъ глазахъ — отъ быстроты-ли, или иной причины, поэтому и буквы иногда передавались мнѣ ошибочно.

— Есть у васъ опредѣленное мѣстонахожденіе?

— Для нѣкоторых из нас.

— А другіе мотаются между небомъ и землей?

— Именно.

— А въ шарадѣ послѣдняго сеанса буквы разбиты по словамъ?

— Все разбито.

— А надо-бы разобрать.

— Не стоитъ трудиться, пустяки.

62-е сидѣніе, 17-го марта, 1882 г. (V-е).

Наканунѣ я схоронилъ отца. Очереднаго сидѣнія отмѣнить не хотѣлъ; думалъ, напротивъ, не получится-ли чего соотвѣтствующаго настроенію. Представлялся хорошій случай для провѣрки гипотезы отраженія мыслей. Но ничего подобнаго не произошло. Минутъ черезъ пять — движеніе стола, требованіе азбуки, русской; сложилось «шаш» — шашки что-ли? — Да. — Т. е., требовалась картонная шашечная доска, на задкѣ которой была наклеена азбука. Подложилъ, но указка почему-то не двигалась.

— Что-же вы, уснули, — замѣтилъ я.

— Вовсе нѣт, вы сами спите (это было и вѣрно въ томъ смыслѣ, что я былъ крайне утомленъ).

— Они то не спятъ (т. е. медіумы).

— Тоже — одинъ.

Это относилось къ моему молодому человѣку, который всю ночь проработалъ.

— Кто съ нами бесѣдуетъ — не Спиридонъ-ли?

— Он же; погода утомительна. (Было ненастье).

— Вы, однако, во всякую приходили.

— Не для меня. Во всем сѣверовосточном полушаріи. Нам это напротив на руку.

— То-есть, ненастная погода?

— По вашему атмосферическое давленіе.

— А что именно вамъ «на руку?»

— Собственно не ненастье, это послѣдствіе низкаго давленія; а вот я говорю про утомительную погоду, это отчасти пожалуй будет по вашему ненастье, но только не безусловно.

— Оставимъ метеорологію. Вотъ вы не были у насъ недѣлю, потрудитесь сказать намъ, что вы дѣлали это время, но пожалуйста не отшучивайтесь.

— Шутка сказать — не отшучиваться; все равно, еслиб вас попросили объяснить жителю Новой Гвинеи занятія современнаго дѣлового человѣка, в Питерѣ что-ли! *Раз*, он ничего не поймет, *два* — никакой пользы для него, вѣдь он новый гвинеец...

— Позвольте, вашъ примѣръ не совсѣмъ годенъ; между нами и гвинейцемъ существенной разницы нѣтъ: тотъ же человѣкъ и тотъ же міръ.

— Ну ж это извините, нам границы то этой существенности виднѣе, чѣм вам.

Толкуемъ между собой о значеніи слова «существенность».

*

[illegible]

[illegible]

— [illegible]

[illegible]

— [illegible]

— [illegible]

[illegible]

[illegible]

— [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

— Да, коли вы за другого хорошо помолитесь, само собой еще лучше.

— Это для себя, а другому можетъ-ли помочь?

— Может быть коли есть заступники, да что сдѣлать могут.

— То есть заступники въ томъ мірѣ?

— Доподлинно.

— Но въ томъ-то и вопросъ: могутъ-ли?

— Ровно вы ничего не понимаете; бьешся, бьешся, индо тошно! *Раз*, вы положим молитесь за вашего сосѣда; у него, положим, или хоть у вас, есть друг на небеси; стало быть, *два*, есть заступник; он вас хочет услыхать, т. е. например, вашему сосѣду телку родить, чтоб потом дѣтей кормить; ну, конечно, *три*, этого не может. Бога ради, понимайте, свами бѣда, устаешь до смерти, пожалуй еще раз помрешь, говорят бывает.

63-е сидѣніе, 24-го марта, 1882 г. (VI-е).

Очень скоро начались медленныя приподнятія столика; я сказалъ условные знаки, перебралъ всѣ азбуки, ничего не выходило. Наконецъ, на вопросъ: «по-русски понимаете?» — получился утвердительный отвѣтъ; тогда я подложилъ картонную азбуку и началось:

— Помню мое слово.

— Можете назваться?

— Могу.

— Потрудитесь.

— Не хочу.

— О какомъ «словѣ» вы говорите?

— [illegible] [illegible] [illegible] это.

— Это вашъ Спиридонъ?

— Да.

— Что-то не похоже, [illegible] [illegible] вашъ.

— Развѣ должен я быть [illegible]?

— Если вы [illegible], о чемъ [illegible] этотъ разъ?

— [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

— Что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

— [illegible] вы [illegible] не [illegible].

— [illegible] [illegible] [illegible] вамъ должно быть лучше?

— Еще хуже — борьба атмосферическихъ явленій, [illegible] затруднительно, а у вас [illegible].

— То есть, что же?

— Что на высотѣ двух сот саженъ надъ поверхностью шара.

— Это что «тѣ»?

— Вы спрашиваете «то есть что хорошо» и стѣ... то есть на высотѣ и т. д.

Оказалось, что я ошибкой написалъ «тѣ», вмѣсто обычнаго «то».

— Вы находитесь на этой высотѣ?

— Там то происходит что я назвал бы...

— Борьбой атмосферическихъ явленій (...) вы же съ разу?

— Да.

— Такъ то вамъ и хорошо?

— Право, голубчикъ, вы туго понимаете, что вам говорятъ! Начинаю, слушайте! [1] *Раз*. над поверхностью шара находится извѣстная атмосфера, которую я называю [illegible] — это понятно, кажется; два — на высотѣ двух сот саженъ эта атмосфера ровна, и я назвал ее слой

[1] [illegible] [illegible].

воздушный хорошим, т. е. пріятным; *три* — над этим слоемъ цѣлая бездна других, вѣроятно слыхали; оставим бездну, скажем лишь что разница атмосферических наслоеній дает то что я назвал борьбою и что, как ясно из предшествующаго, затрудняет проникновеніе; стало быть, *четыре* — от поверхности шара на высотѣ двухсот сажен хорошо; там, понимаете гдѣ, там, т. е. над этим двухсот саженным поясом играет ваша наступающая весна; выше, быть может еще лучше чѣм у васъ, да об этом я вам не докладывал; ну Бог помочь!

— Не оттого-ли были въ началѣ эти неопредѣленныя движенія стола?

— Ваш стол что-то возился уже когда я отъявился; я только слышал ваш вопрос: «понимаете по-русски», и тотчас дал три знака.

— Былъ кто-нибудь до васъ?

— Никого не видал.

— Отчего же столъ возился?

— Думаю от прикосновенія рук, а впрочем не знаю.

— Что значатъ ваши слова: довлѣет дневи злоба его?

— На всякій день своя забота, у меня на сей день побывать у вас.

— У насъ свѣтъ и тепло служатъ источниками жизни, и солнце видимымъ источникомъ этого свѣта и тепла; а у васъ?

— Жизнь ваша имѣет не один, а два источника, потому что в вас, в сущности, двѣ жизни: одна — бытіе, другая — существованіе; у нас один источник жизни остается прежній, источник бытія, — другой отпадает; но его замѣняют новыя условія, так сказать формальнаго существованія; вот к этим условіям принадлежит у нас своего рода воздух и то же своего рода свѣт.

— Значитъ, намъ этого и не понять?

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— Это наслажденіе очень индивидуально, я напримѣр и при жизни был плох по этой части; думаю все же, что чаще обратное, т. е. пониманіе красоты с другим конечно оттѣнком, чѣм у вас; есть беспорно внѣшняя красота, которая является носительницею духовной, такая вѣчно обворожительна. До увиданія.

64-е сидѣніе, 31-го марта (VII-е).

Движенія въ столѣ. Кладется картонная азбука.

— Тотъ-ли это, кто былъ у насъ послѣдній разъ?

— Я не могу знать, который раз вы считаете послѣдним?

— Это не важно, слово за вами.

— Я прихожу не говорить, а отвѣчать; еще раз, не знаю, что для вас послѣдній раз?

— Недѣлю тому назадъ, во вторникъ вечеромъ.

— Давно бы так!

— Такъ это вы?

— Точно так, начинайте.

Предлагаю опытъ: сообщеніе по-латыни, когда медіумъ, молодой человѣкъ, учившійся латинскому, закроетъ глаза, не снимая рукъ съ дощечки.

— Ничего не выдет, пусть он глаза закроет, но руку должен держать на досчечкѣ.

— Я это самое и предлагалъ.

— Не понял, ваша правда; думал руку на руку.

— Ну, такъ идетъ?

— Пожалуй, я сам не знаю, что выйдет.

Медіумъ закрываетъ глаза, но руки съ дощечки не снимаетъ; другой медіумъ мнѣ диктуетъ:

— [illegible]

[illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]:

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

[illegible]

[illegible]

— Вотъ вы намъ и докажите себя.

— На что вам? не могу же я исполнять безсмысленно; я не вижу никакого повода доказывать себя, ни даже пользы.

— Польза громадная, ибо въ этомъ вся суть спиритическаго вопроса.

— Помимо того, что я сказал сейчас, желал бы знать путь такого доказательства; не думаете ли, что я бы показал вам свою субъективность объективно, благодарю, адотр [1]).

— Вы на все такъ ловко отвѣчаете... вотъ я и задалъ вамъ самый хитрый вопросъ и для насъ самый существенный.

— Я вам эту хитрость так хитро разрѣшил, что вы даже ничего не поняли. Говорю: *раз*, доказать, в противность той нелѣпой теоріи, мое отдѣльное от вас существованіе я мог бы только путем видимаго выдѣленія из окружающаго вас воздуха; других средств нѣт; а если можете придумать, благоволите сообщить, голубчик, интересно; *два*, этот путь я не желаю избирать по многим причинам; *три*, вообще цѣль моих посѣщеній не мало не похожа на желаніе что либо доказать, или в чем либо убѣдить; я ей вѣрен.

— Да и матеріализація не доказательство, вотъ что пишетъ мой секретарь Wittig (читаю мѣсто изъ «Psychische Studien»).

— А, батенька, я бы уже этим способом, пожалуй, доказал бы, кабы хотѣл, и мог бы например к этому вашему, как его, съѣздить, и уши надрать; то то и есть что ухищреніям ума человѣческаго нѣтъ и не будет конца; всякое доказательство условно, потому что вы

---

[1]) à d'autres — пусть другіе.

ищите всегда отвѣта на вопрос *что*, а можете найти въ вашем мірѣ только отвѣт на вопрос *как*.

— А вы, значитъ, матеріализацію признаете?

— Не очень, но не могу отвергать возможности, пч [1]) этого вообще нельзя.

— Чего «этого»?

— Доказывать невозможность чего либо в мірѣ.

— Какъ же вы знаете о матеріализаціи? Слыхали что-ли?

— Ясно, почти также как и вы.

— А могли бы лучше нашего знать, поглядѣли бы!

— Потому то я и сказал: «не очень», не видывал.

— Поэтому «путь» для доказательства не въ матеріализаціи, а въ сообщеніи такихъ свѣдѣній о своей личности, которыя намъ неизвѣстны, но которыя могутъ быть провѣрены, и такое доказательство будетъ убѣдительно.

— Для вас, а не дальше, затѣм уже нужно довѣріе, потом пожалуй вѣра, а тут всѣм доказательствам конец.

— Каждый для себя. Поэтому каждый спиритуалистъ и желаетъ запастись такимъ опытомъ для себя. Затѣмъ тотъ, кто меня знаетъ, повѣритъ и опыту моему.

— А вам этого нужно? Тут вам вѣрить мало, вамъ я говорю.

— Вотъ вы намъ сказали еврейскія слова и пр. Это драгоцѣнный фактъ, но это еще не доказательство вашей личности.

— Ну и прекрасно, коли угодил, чего же вам еще? Не все ли равно, право, сказать вам слово на неизвѣстном языкѣ, или незнакомое имя, фамилію назвать, случай разсказать, и т. д.?

---

[1]) Потому что.

— Нѣтъ, не все равно, одно доказательство къ другому...

— Сколько же вам их на брата полагается?

— Есть и такая теорія, что есть духовный міръ и духовныя существа, но неземнаго происхожденія.

— Батюшка мой, ну право же вы страшный вздор говорите! Ужели, если теперь эта азбука сложит, что я Иван Иванов сын Иванов жил в міру и помер тогда то, и тогда то, ужели, говорю, вы познали бы, что с вами дух отшедшаго Иванова сообщается! Хорибиле дикту [1]).

65-е сидѣніе, 7-го апрѣля (VIII-е).

Слабыя движенія стола, требованія азбуки; медленными движеніями дощечки складывался разный вздоръ; просили оставить. Свѣчу потушилъ, азбуку убралъ. Вскорѣ три большихъ наклона, потомъ пять ударовъ ножкой — требованіе азбуки. Зажигаю свѣчу, кладу азбуку.

— Виноват, опоздал.

— Кто съ нами говоритъ, Спиридонъ, что-ли?

— Он, он, он, спиридон.

Прошу пояснить неудачу опыта съ закрытыми глазами, и подражая ему, говорю: *разъ*, этотъ опытъ намъ удался при закрытыхъ глазахъ *обоихъ медіумовъ*, тѣмъ паче онъ долженъ былъ удасться при открытыхъ глазахъ одного изъ нихъ; *два*, что значатъ ваши слова: «тѣхъ глазъ не надо».

— *Раз*, если удалось, так это ничего не доказывает; *два*, вобще, конечно, мнѣ глаз не нужно, *тире*, сам

[1]) horribile dictu — страшно выговорить.

[illegible] — одно, с вами подѣлиться — другое, [illegible] простоволоситься, *скобки*, на десять — девять [illegible] — изъ всѣхъ вашихъ глаз его глаза нужнѣе, [illegible]табене.

[illegible] вслухъ послѣднія слова и говорю: Но [illegible] той же азбуки мы сообщаемся съ вами и [illegible] вѣрить, что сообщаемся съ жителемъ иного [illegible] духомъ отшедшаго. Вѣдь вы же говорили [illegible] азбуку: «успокойтесь, жилъ, жилъ». Поэтому [illegible] «ужаснаго» или глупаго въ томъ, что при по[illegible] той же азбуки желали-бы убѣдиться еще болѣе [illegible]линности этого факта, кромѣ какихъ-либо доказательствъ о личности.

— Еще-бы, я и не думалъ отвергать, что вѣра эта [illegible] благое дѣло, но вы, о доказательствахъ изволили распространяться, [illegible] я скажу, что мое признаніе «жил, жил», вѣдь тоже не доказательство?

— Что значатъ «[illegible]»

— Вот.

— Понимаю [illegible] признаемъ это за доказательство [illegible]

— Хорошо [illegible]
даже [illegible]
наср[illegible] тѣмъ,
что [illegible]

[illegible]

смотрите в пространство безконечное; ваш аршин не годен; вы существуете во времени без срока; ваши часы только торопят жить; все это уберите; в вас есть и связь с вселеною, она вѣдь в вас самих, ея глагол бездоказателен, но свят, внимайте.

— Что значитъ «безъ срока?»

— Срок должен имѣть по меньшей мѣрѣ конец, время только понятіе, сбподходит под всякое измѣреніе, сб и подоизмѣреніе.

— Что значитъ «сб».

— Стало быть.

— Что значитъ: «подоизмѣреніе?»

— О, т. е. ноль [1]).

— Кто васъ, право, пойметъ!

— Вы, надѣялся.

— Что скажете о предсуществованіи души?

— Это рѣшить не могу, душа этого знать не может; ничто не помнит начала своего.

— А о перевоплощеніи?

— Это вздор; я не могу стать тѣм, чѣм быть пересталъ.

— А множество существованій на другихъ мірахъ?

— Это нѣсколько разнится; жить в другой формѣ, — желал бы сказать в вѣчно другой формѣ, — есть удѣл души, сб. и жизнь, т. е. и существованіе на другой планетѣ возможно; я знаю что да.

— Говорите по опыту?

— Да.

— То есть, бывали на такихъ планетахъ?

— Малость самъ себя прогуливал.

— И видѣли тамъ людей, перешедшихъ изъ нашего міра, или иного?

---

[1]) Читай: «стало быть и подъ 0 измѣреніе».

— Да; только, Бога ради, не люди, а экс-человѣки!

— Это и понятно изъ моего вопроса.

— Чтобы не было недоразумѣнія.

— Но эти планеты, надо понимать, не вещественнаго, а иного, духовнаго строенія?

— Конечно, но вѣдь я, парэкзампл [1]), ексчеловѣкъ, а все же теперь на вещественной планетѣ, что за привилегія...

Остановка; недоумѣваемъ; продолжается...

— была-бы для земли.

— А что скажете о теоріи Цёльнера о многомѣрности пространства, и т. д.?

— Сам этот франт вѣд этого не понимает; вся математика построена на предпосылкѣ; если она вѣрна, то и всѣ вычисленія будут тоже; так то и тут: предпослать нтое измѣреніе и смѣло городи нтую чепуху.

— Что значитъ «нтое?»

— ентое [2]).

— Онъ и самъ говоритъ, что намъ этого понять нельзя, но что логически и аналогически можно допустить.

— Можно, если допустить условность всего того, что вы, так сказать, знаете; тут и время ваше и пространство, и всякіе вообще законы, разных отраслей знанія...

Немного погодя, на какое-то замѣчаніе, продолжаетъ:

— Да, не понять, конечно, а вывести возможность, етвицеверза [3]).

— Подождите, не уходите... да тутъ-ли вы еще?

— Смѣю-ли без отпуска?

---

[1]) Par exemple. Напримѣръ.

[2]) Какъ въ алгебрѣ — «N-тое».

[3]) et vice versa. И наоборотъ.

— А видѣли, передъ вашимъ приходомъ, какую ахинею несли?

— Ахинею — не видывал таких, а только слышать часто приходилось.

— Поздно, пора, видно, кончать; такъ вы насъ того, Иванъ Ивановичъ, не забывайте!

— «Того», ладно!

66-е сидѣніе, 14-го апрѣля (IX-ое).

Вскорѣ 5 ударовъ; положилъ азбуку.

— Кто съ нами говоритъ? Новое лицо?

— Очень старое.

— Спиридонъ, что-ли?

— Точно так.

— Что вы намедни хотѣли сказать: «что за привилегія» и пр.?

— Что был и на других планетах, стало бидрмогут.

— «Стало быть и другіе могутъ?» Такъ что-ли?

— Браво.

— Вы себя называли экс-человѣкомъ, а какъ тамъ другъ друга называете?

— По академическому словарю числимся духами, т. е. заштатными людьми.

— Это знаемъ. Спрашивалъ не о томъ.

— Не могу передать; *раз*, государственная тайна и будет мнѣ за нарушеніе ея нахлобучка; *два*, даже фактически не могу, просто пороху не хватко; *три*, чего вам это знать, уж совсѣм бабье любопытство.

— Вовсе не любопытство...

— Ну, а право к чему вам это?

— Значитъ нечего и разузнавать!

— Ого, разница порядочная — что́ и что́ разузнавать.

— Ну, такъ скажите, въ чемъ задача вашей жизни тамъ? Пожалуй и это назовете любопытствомъ?

— Нет, это пожалуй не любопытство, а любознательность; цѣль моя, а м. б. и наша, быть и становиться носителем и выразителем того что есть добро, занятіе довлѣет цѣл, или, наоборот, как угодно.

— Вѣроятно, надо читать «цѣли»?

— Так и было показано (т. е. указкой на азбукѣ).

— А цѣль и задача нашей жизни, по вашему теперешнему пониманію?

— В том же, сущность остается та же; вспомните, подумайте, сравните; образованіе *тире* сущность: гимназист седьмого класса, ученикъ сельской школы, институтка, и т. д.; насущность та же.

— Что такое «насущность»?

— «На» вон; шире уже требованія; средства различны; можно у вас на пять балов потрудиться, а у нас сейчас за поведеніе сбавят, если не перегонишь самого себя.

Перечитываемъ и разбираемъ; послѣ «сравните». —

— Не так читаете, слѣдует примѣр для упражненія.

— Не понимаемъ, что такое «уже»?

Указка переходитъ на латинскую азбуку:

— «enger»; «сущность та же», стоп; шире, у́же требованія, т. е. то шире, то у́же; развитіе ума в примѣрѣ, развитіе духа в вопросѣ вашем.

— Говорите «сбавятъ баллъ», развѣ у васъ тамъ наставники, учителя?

— Аристократы, как и у вас.

— Наши знанія и наука служатъ-ли тамъ къ чему?

— Это во-первых обоюдоострая вещь; на дѣлѣ часто портит людей; а во-вторых это тоже что пар в хозяйствѣ.

Толкуемъ про себя: сбереженіе труда, и т. д.

— Не совсѣм так, хоть и близко; пар в хозяйствѣ физическом дает возможность в короткое время накопить громадныя богатства; наука способствует, или может способствовать быстрому развитію духа, ибо нравственность высшая должна быть сознательна, а не инстинктивная, а для этого надо мозгами ворочать; вот, чтобы всѣ могли ими ворочать, вы и должны науку двигать, не только для себя, но и на вѣчныя времена, пока не замерзнете [1]); она много может сдѣлать, ин корпорѣ сано менс сана [2]).

— Ну да, mens sana нужна для правильнаго развитія духа.

— А ин менте сана анима сана [3]).

— Это такъ, но все-таки знанія-то наши пропадаютъ ни къ чему?

— А у вас и на землѣ тоже, самыя знанія всегда пропадают, остаются лишь результаты, т. е. их приложеніе и примѣненіе.

— Я хочу сказать, что эти знанія лично для человѣка, для души его, безплодны?

— Скажем так, есть знаніе, есть мышленіе, двѣ вещи разныя.

— Ну да, возьмемъ, напримѣръ, зоолога, филолога, онъ жизнь убьетъ на мертвые языки, а душѣ что?

— Он то убьт, да других накормит.

— Чѣмъ накормитъ филологъ, съ чѣмъ онъ туда явится?

— С тѣм что у него кромѣ филологіи, и с тѣм что он сдѣлал ею.

---

[1]) Т. е. пока планета наша не замерзнетъ.

[2]) in corpore sano mens sana. Въ здоровомъ тѣлѣ умъ здравый.

[3]) in mente sana anima sana. Въ умѣ здравомъ душа здравая.

*

— Что для духа его отъ того, что онъ древній папирусъ разобралъ?

— Нѣт, для его духа имено, кромѣ пользы.

— Но что полезнѣе: отвлеченныя науки, или положительныя?

— Могій вмѣстити, да вмѣстит.

— Къ чему относится?

— К отвлеченным; дѣло вмѣщенія, плус призванія.

— Міръ вашъ проникаетъ нашъ міръ, или особо отъ него? Говорятъ о различныхъ сферахъ?

— Сферы имѣют лишь переносное значеніе, сансфигюре [1]).

— Это въ смыслѣ духовныхъ состояній?

— Да.

— Но, вѣдь, я спрашиваю о матеріальномъ состояніи, такъ сказать. Если вы и вашъ міръ реальны, то онъ долженъ же имѣть какое-нибудь мѣсто въ пространствѣ?

— Да, т. е. просто на просто тот же мір — мѣста довольно.

— Но мнѣ помнится, вы говорили, или мы такъ поняли, что вашъ міръ имѣетъ опредѣленное мѣсто, особое отъ нашего?

— В том же мірѣ, да; а что я теперь сказал?

— Почему же въ такомъ случаѣ вы придаете сферамъ лишь переносное значеніе?

— О сферах в том смыслѣ и в смыслѣ того ученія какъ я вас понял.

— А именно?

— Сферы в смыслѣ магометова рая, или сходном.

— Есть-ли связь между этими мірами, взаимное участіе.

---

[1]) sens figuré. Иносказательный смыслъ.

— Вы, нѣт, нота бене — сознательно; мы — да.

— Т. е. мы только пассивно воспринимаемъ вліяніе?

— Иногда и не пасивно, а все-таки безсознательно.

— Такое участіе обязательно, въ родѣ нравственнаго долга?

— Добровольно, конечно; многіе вовсе нѣт, перестают.

— Можете видѣть наши чувства, мысли?

— Тумано, имено, буквально, как испареніе.

— А видѣть и знать что мы дѣлаем?

— Можно.

Указка замерла и сеансъ кончился.

67-е сидѣніе, 21-го апрѣля 1882 г. (Х-е).

Снова началось съ чепухи. Тотчасъ бросили и азбуку отложили. Вскорѣ она была вновь потребована и стали складываться какія-то шарады посредствомъ буквъ и счета ихъ, занявшія цѣлую страницу.

— Навѣрное Спиридонъ чудитъ, замѣтилъ я. — Только время теряете, а у меня заготовлены вопросы!

— Спрашивайте, чего тут!

— Значитъ, можно допустить (и по вашимъ словамъ), что эти сферы въ родѣ поясовъ около планетъ?

— Пустяковина эти самые пояса, духовный мір в тѣлесном без всяких поясов; говорил же я, что наш брат может поселиться и на землѣ; таких много, не всѣ бездельники; живут и на других планетах; есть и невидимыя для вас, называйте пожалуй хоть духовными, спорить, прекословить не буду.

— Значитъ, могутъ поселиться тутъ или тамъ, но все же опредѣленное мѣстонахожденіе?

— Само собой.

— И эти міры имѣютъ свое опредѣленное устройство и свои опредѣленные законы?

— Так неопредѣленно это самое опредѣленное устройство и опредѣленные законы, что безусловно согласен.

— Ну, такъ сами скажите опредѣленнѣе.

— Иш, можно бы, да вам согласиться то будет трудненько, вы дальше такихъ определеностей то не ушли.

— Можете-ли вліять на мысли и дѣла; дать совѣтъ, руководить?

— Это ваше, т. н. [1]), интуитивное воздѣйствіе; скажу, *раз*, прямое воздѣйствіе дѣло вобще мудреное и сложное; *два*, оно только возможно при полном почти сродстве душ, *тире*, большая редкость; *три*, да и тут, чтò опять это самое прямое воздѣйствіе? Уж эти мнѣ дурацкія слова.

Остановка.

— Кончили?

— Нѣт. Вѣдь вы не пѣшки, господа, воздѣйствовать то на вас можно, только косвенно; разве будете в безсмысленном состояніи, ну, тогда лафа, дѣлай, пожалуй, с чурбаном что знаешь; но опять такія дѣйствія ему самому не в прок; *пять*, позвольте, *четыре*, зарапортовался; и так буду лучше прямо отвѣчать на вопрос — можно ли руководить? Можно, только осторожно, т. е. редко и лишь отчасти; я могу чувствовать родную душу, могу желать ей добра, могу что въ моих силах ей передать, облегчить, но, и сто раз но, чтó порукою, что это дойдетъ до сознанія, кондиція сине ква нон [1]), ва-

---

[1]) Такъ называемое.

[1]) conditio sine qua non.

шихъ вмѣняемых поступков; да, наконец, ну и дойдет, а там своя работа, пожалуй, забракует; уж очень родственный попадется, так ладно, а такому совѣтовать мало приходится, только грѣшным дѣлом любуешься да поддакиваешь; прошу покорно понимать, дѣло не больно хитрое, только вникнуть, оно и просветится.

— Что значитъ «грѣшнымъ дѣломъ?»

— Да очено [1]) просто, мы то все здесь твари, и знаем что не боги.

Перечитываю этотъ отвѣтъ и спрашиваю: «Нѣтъ-ли ошибокъ?» — Поправляетъ:

— «Все» пишите — всѣ; «твари» — лучше вон.

— Принимаете-ли участіе въ судьбахъ планеты, народовъ?

— В предѣлах сказанаго никому не возбраняется сколько может нос совать.

— Какой веселый нашъ Спиридонъ!

— Еще бы с вами не весело, почти до слез!

— Помните-ли ясно все земное — людей, занятія, мѣста?

— Результаты и итоги с поразительною ясностью, подробности с каждым днем туманѣе, впрочем так и у вас в малых размѣрах.

— Но я спрашиваю именно о людяхъ и вещахъ?

— Странное дѣло, все в мірѣ получает итог, будь он нравственный, либо умственный, даже физическій, о котором тут, конечно, рѣчь быть не может, напр. лучшее зреніе, слух, вкус, быстрѣе ноги, или на оборот, тоже итог.

— Почему же и «рѣчи быть не можетъ?»

— Потому что эта рѣчь связана с вашей физиче-

---

[1]) Очевно.

значить: хотѣлъ-бы умереть. Позднѣе я случайно узналъ, что это начальныя слова очень извѣстнаго итальянскаго романса. Тутъ я обратился къ Спиридову:

— Скажите, пожалуйста, для чего вы тратите время на такіе пустяки; въ первый разъ заговорили о балаганахъ, потомъ опять начали съ какого-то вздора, наконецъ долго держали насъ на какихъ-то шарадахъ изъ буквъ *фоюжо*. Ужели это можетъ представлять для васъ, или для насъ, интересъ какой?

— Оно могло-бы вас интересовать, а меня, дѣйствительно, мало.

— Поясните.

— Кабалистическій взгляд в ваше прошлое, если хотите — вздор.

— Поясните.

— Цифирь — то годы вашихъ жизней, а буквы по необходимости; к тому же выбрал для всѣх трех о шестнадцать, как одинаково существенный фактор в развитіи всѣх вас.

— Первая строка, должно быть, невѣрно записана?

— Читайте как слѣдует (тогда перечитали ее какъ выше написано, и получился отвѣтъ) — вѣрно.

— Да годы-то наши вовсе не подходятъ подъ вашу цифирь!

— Да вѣдь каждому из вас было столько, про это и рѣчь!

— (Смѣхъ). Но почему же 16?

— Не хотите понять глубокомысліе мое: смотрю на вас и вижу для вас выдающуюся пору вашей жизни — шестнадцать лѣтъ, потом ф, для нея — оиж, для него — оиз...

— Охъ, ерундите что-то!

— Не ломайте голову, напрасно.

— Можете-ли пояснить, какъ или чѣмъ складывались

буквы, когда выходила чепуха или вздоръ, вотъ два раза передъ вами?

— Мог бы только знать, пояснять нечего.

— Былъ кто и исчезъ?

— Возможно.

— Или то была наша безсознательная работа?

— Пожалуй тоже.

— Такъ и теперь, быть можетъ, все это сами производимъ, а не Спиридонъ? Что скажете?

— То самое, что я имѣл честь докладывать вам при вашихъ разсужденіях о доказательности. (Погодя продолжаетъ) Косвенное соображеніе: слишком большую роль случайным совпаденіям приходится удѣлять.

— То есть, если видѣть въ этомъ одну нашу работу?

— Да.

— Вы сказали намедни: «за неимѣніемъ глазъ», а передъ этими говорили, что имѣете органъ зрѣнія?

— Так вѣдь другой, батенька, это само собой разумѣется.

— По поводу вашего зрѣнія рождаются недоумѣнія и вопросы. Вы говорили, что «сами видите», не нуждаетесь въ чужихъ глазахъ (см. сидѣніе 61-ое); но опытъ съ азбукой, даже при открытыхъ глазахъ *одного* изъ медіумовъ, не удался (сидѣніе 64-ое) и т. д. Вотъ это ваше независимое зрѣніе крайне желательно провѣрить. Позвольте предложить такой опытъ; я возьму изъ кошелька нѣсколько монетъ, *не считая ихъ*, и положу напр., позади стула одного изъ медіумовъ; такимъ образомъ, *никто* не будетъ знать ихъ числа; можете вы указать это число?

— Завяжите им глаза, попробую.

— Чтó именно, буквы или монеты?

— Показывать буквы.

Завязалъ глаза медіумовъ, сталъ слѣдить за движеніями дощечки по азбукѣ и записывать; сложилось:

— Говори что нибтд бттторвычаѣь, довольно с вас, можно и лучше, что вам и говорил жаранее.

— Сначала и подъ конецъ у васъ шло совсѣмъ хорошо, такъ не можете-ли поправить? третье слово, очевидно, *нибудь*, а потомъ? (Дощечка тронулась).

— бтду.

— Очевидно, *буду*; далѣе...

— отвелась.

Когда я прочелъ вслухъ, было указано на *ч*.

— Значитъ, «*отвѣчать*»?

— Да.

Сличая, можно ясно прослѣдить, что и прежде складывались тѣ же самыя слова, *буду отвѣчать*, но неудачно. Снимаю повязку съ глазъ медіумовъ.

— Это уже весьма удовлетворительно, но надо поставить опытъ такъ, чтобъ никто изъ насъ не видѣлъ предмета опыта. Поэтому возвращаюсь къ монетамъ за стуломъ. Можете видѣть ихъ?

— Труднѣе.

Кладу монеты, не глядя и не считая, за стулъ одного изъ медіумовъ, складывается:

— Семь.

— Невѣрно. Попробуемъ опять.

— Девять.

— Опять не такъ. Еще разъ.

— Пять.

— Плохо! Почему такая неудача? Буквы на столѣ видите, а монеты на стулѣ не видите!

— Пространство между ними болѣе всего в распоряженіи моем; завяжите глаза и положите ваши деньги на этот стол.

Завязываю медiумамъ глаза широкой повязкой, захватывающей и носъ; повязка эта была, понятно, не противъ обмана со стороны медiумовъ, а противъ случайнаго, невольнаго открытiя глазъ, такъ какъ медiумы, заинтересованные въ опытѣ, сами закрывали ихъ. Закрывши свои глаза, вынимаю изъ кошелька на удачу нѣсколько монетъ и кладу ихъ ощупью, не считая, на дальнiй край картона, на которомъ была наклеена азбука. Закрываю себѣ глаза рукою такъ, чтобы видѣть только азбуку, и начинаю слѣдить; складывается: *щдыь*, и опять *щдр*... Попытки сложить слово правильно, очевидно, не удавались. Тогда, не глядя на монеты, я прикрылъ ихъ брошюрой, и мы всѣ открыли глаза.

— Укажите теперь.

— Шесть.

Я отнялъ брошюру: «шесть», вскрикнули мы въ одинъ голосъ. Но потомъ оказалось, что было семь, такъ какъ два гривенника лежали другъ на дружкѣ; я клалъ монеты сразу, чтобы при этомъ невольно не сосчитать ихъ, такъ что ошибка необходимо вытекала изъ самаго расположенiя монетъ. Теперь оказалось, что и при завязанныхъ глазахъ все указывалось *щд*, даже *щдр*, т. е., *шес* — очевидная попытка сложить *шесть*.

Повторили опытъ. Завязалъ медiумамъ глаза. Точно также, не глядя, я взялъ и положилъ на столъ нѣсколько монетъ, и, закрывшись отъ нихъ, сталъ слѣдить за указанiями азбуки. Сложилось совершенно правильно:

— Разложите лучше. (Провожу по монетамъ ребромъ ладони, чтобы другъ на дружкѣ не лежали; складывается:)

— Опять шесть.

Смотримъ — вѣрно!.. «Повторимъ еще». Диктуется при открытыхъ глазахъ:

— На лист бѣлой бумаги положите.

Опять завязываю медіумамъ глаза, кладу бумагу и монеты на нее такимъ же образомъ, и спрашиваю:

— Хорошо разложилъ?

— Хорошо, семь.

Смотримъ съ возрастающимъ любопытствомъ.

— Браво, вѣрно!

— Положите часы (говоритъ нашъ собесѣдникъ).

Беру съ моего стола стоячіе часы съ будильникомъ и ставлю ихъ, спинкой ко всѣмъ намъ, на столикъ, за которымъ сидѣли медіумы.

— Хотѣл карманные, положите их горизонтально.

Догадываюсь изъ этого, что ихъ надо положить стрѣлками вверхъ; поэтому опять завязываю медіумамъ глаза и кладу часы горизонтально, не глядя, разумѣется; проходитъ четверть минуты; дощечка тронулась, записываю:

— Без пяти шесть.

Смотримъ — вѣрно и невѣрно. Стрѣлка будильника показывала *шесть*, а минутная и часовая, на томъ же циферблатѣ, были на одиннадцати, и выходило какъ будто *безъ пяти шесть*.

— Попробуемъ теперь карманные, какъ вы хотѣли.

— Положите на бумагу.

Повторяется та же процедура, я кладу часы свои, не глядя. Четверть минуты проходитъ и складывается:

— Четыре минуты двѣнадцатаго.

Смотримъ: пять минутъ двѣнадцатаго.

— Значитъ, когда вы смотрѣли, было четыре минуты, одна минута ушла на складываніе?

— Да. Положите деньги, мелочь, сосчитаю; будет финал, я утомлен.

Завязываю медіумамъ глаза, кладу нѣсколько серебряной мелочи, не глядя. Складывается:

— Рубль серебра.

Смотримъ—вѣрно! Было четыре пятиалтынныхъ, одинъ двугривенный и два гривенника.

— Какъ было сложено, переспросилъ я у медіумовъ, серебромъ или серебра? — И тотчасъ указка сложила:

— Конечно не серебром, было бы невѣрно [1]).

Было еще только 11 часовъ.

— Нельзя-ли васъ помучить еще съ четверть часа? говорю я.

— Валяйте.

— Вы говорили намедни, что ваши живутъ и у насъ на землѣ? Какъ же это — бокъ о бокъ, что-ли? Вѣдаютъ и видятъ они насъ, или нѣтъ? Или совмѣстное зрѣніе, проникновеніе нашего вещества?

— Пустые дома, уединенныя мѣста, смотря по свойству, иногда даже жилые.

— А иногда à la belle étoile?

— Да.

— Оттуда, значитъ, и разсказы о стукахъ, шалостяхъ, привидѣніяхъ и пр. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ?

— Еще бы, насколько это не простое вранье.

— Вы говорили о памяти земного, что понемногу сглаживается, пропадаетъ...

— Именно.

— Но какъ же встрѣтиться? Все утѣшеніе во встрѣчѣ съ отшедшими; а послѣ долгой разлуки, пожалуй, уже и не узнаешь?

— У, это бм [2]), вопрос я вам скажу! Кто с кѣм, тут дело все в истином значеніи отношеній разлучившихся. Есть напр. браки по истинѣ вечные, есть связи дружбы,

---

[1]) Этотъ опытъ напечатанъ въ моей книгѣ «Анимизмъ и Спиритизмъ».

[2]) Батенька мой.

уваженія, неразрывныя; есть, наконец, такія, которым лучше-бы никогда не связываться.

— Но я говорю о хорошихъ, дружескихъ...

— В хорошем то и дѣло — увидите всѣх тѣх с которыми духовно связаны; если время разлуки очень велико, то сильныя чувства единенія могут выдержать напор и действие времени.

— Но какъ же узнать? Сохраняется-ли прежній, наружный обликъ?

— Не, не, не, по внутреннему.

— Но образъ же есть?

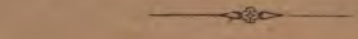
— Представьте себѣ образ иной и у вас и у того, кого встречаете, а все-таки узнаете сейчас.

— Но каждый индивидуумъ имѣетъ свой отличный отъ другого внѣшній образъ, по которому также узнаете другъ друга, т. е., не по одному внутреннему?

— Да; до свиданья.

— Прошу пожаловать еще слѣдующую среду, такъ какъ я отъѣздъ свой отложилъ до четверга.

— Знаю.

69-е сидѣніе, 1-го мая 1882 г. (XII-е).

Вскорѣ послѣ того какъ мы сѣли, указка задвигалась и сложилось слѣдующее:

— Радъ. Вы знайте навсегда, что все то хорошо, что дѣлается хорошо, ваш Спиридон.

— Чему рады?

— Мѣшает мнѣ, он не желает.

— Кто онъ?

— Не виноват, т. е. он просто не дает возможности говорить, что хочу; относится к нему.

Для объясненія этого надо сказать, что это засѣданіе было не очередное; произошло домашнее событіе, подъ впечатлѣніемъ котораго и сѣли въ этотъ день, имѣвшій самъ по себѣ, домашнее значеніе; надѣялись побесѣдовать съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ. Отличный былъ случай для подтвержденія теоріи «господствующихъ идей»; но вмѣсто ожидавшагося отозвался Спиридонъ. «Онъ», т. е. медіумъ мужескаго рода, мысленно противился ему, и указка двигалась съ трудомъ; этимъ и объясняется выраженіе «онъ мѣшаетъ». Тутъ мы пояснили Спиридону въ чемъ дѣло, и онъ отвѣтилъ:

— Я могу уйти.

— Нельзя-ли вызвать, привлечь?

— Можно, конечно, не привлечь, а привлекать; да я то что, ведь тоже влеком и прихожу; сознательное цитированіе [1]) в подобном случаѣ будет само собой часто удаваться, в других трудненько, очень, очень. Ну что же, уходить? Я б. м. другому помѣшаю.

— Если увидите, что пришелъ другой, желающій, то тогда и уступите мѣсто.

— Частыя сношенія изолируют, они очень сильны, почти непроницаемы, особенно когда я сам на лицо.

— Какъ странно!

— У вас все тоже, господа; вы б. м. меньше замѣчаете, но часто изолируете и бываете изолируемы; сила духовных связей в жизни земной уже громадна, какова же у нас? Это по истине делает впечатлѣніе каких то чар, и остается потому неразгаданным, вернее непонят-

[1]) Совершенно необычное для насъ употребленіе этого слова въ такомъ смыслѣ, и это уже не въ первый разъ.

ным, — у вас, конечно; для нас все ето ясно... Вокруг вас всех, но в разной степени, есть то, что я и здѣсь все продолжаю звать Господней благодатью—невыразимо, хотел бы сказать: любимцы неба; понимайте как знаете, но твердо веруйте, что это все духовныя связи.

— Духовныя существа что-ли вокругъ насъ?

— Это трудно понять, надо видѣть как я сколько тончайшаго света вокруг вас, как вы укутаны, точно дитеныши в гнездѣ.

— Ну, такъ попробуемъ, просимъ уступить мѣсто, мы очень-бы желали кого изъ своихъ.

— Желаю. Я уж сегодня не уйду домой, но вас оставляю.

— А позвольте спросить, вашъ домъ на землѣ или на какой планетѣ?

— Далеко.

Тутъ я азбуку убралъ и присѣлъ къ столику, за которымъ сидѣли оба медіума. Вскорѣ пять бойкихъ ударовъ ножкой стола. «Русскую»?—«Да».—«Картонную»? Молчаніе. Новый пришелецъ могъ и не понимать, что это значило, а потому замолчалъ. Сталъ говорить русскую азбуку и сложилось: «Тетя».—«В. И.?»—спросилъ я. Сильное подтвержденіе. Тогда я подложилъ картонную азбуку, поясняя въ чемъ дѣло. Тутъ началось весьма странное сообщеніе, которое хоть и не относится къ серіи спиридоновскихъ, но, какъ представляющее своего рода матеріалъ, я здѣсь и привожу, опуская нѣкоторыя частности. Тотчасъ послѣ слова «тетя» продолжалось:

— Что за странность, не ваш труд [1]), удивительно, почти должна была прійти, точно по требованію высшей духовной власти, и тотчас вспомнила, что С. рожденіе.

[1]) Замѣчательно, что на первыхъ строкахъ ъ опускается, какъ-бы остатокъ вліянія Спиридона, потомъ стало прописываться.

— Что значитъ «вашъ трудъ».

— Не может быть чтобы это от вас было; выше меня власть.

— Знаете-ли что у насъ произошло?

— Странно, очень странно, не знаю; непонятное вліяніе, выше меня.

— Отъ кого же можетъ оно исходить, какъ не отъ С.?

— Нѣт, нѣт, сама не понимаю; дайте опомниться.

— Слѣдите-ли за нашими судьбами?

— Сейчас; яснѣе, лучше мнѣ; что это такое, начинаю соображать; С. уже давно знала, что это состоится...

— Что именно?

Тутъ, при закрытыхъ глазахъ мужскаго медіума, сложилось правильно нѣсколько словъ, съ вѣрнымъ отвѣтомъ, касавшимся семейныхъ дѣлъ, который я здѣсь пропускаю; затѣмъ продолжалось:

— Сила громадна, точно туманъ на меня дѣйствуетъ, плохо соображаю; другой разъ лучше прійду, страшно трудно.

— Такъ приходите въ середу, принесите вѣсточку.

— Постараюсь, что то странно; ну, я ухожу, Господь васъ храни.

По нашимъ ожиданіямъ, легко могли получиться обычныя выраженія по случаю домашняго событія: изъявленія сочувствія, радости, добрыя пожеланія, благословенія отъ ближайшихъ. Но вышло противно ожиданіямъ и не шаблонно.

[illegible] 3-го мая [illegible] г. [illegible]

[illegible]

— [illegible]?

— Да. [illegible]

— [illegible]

— Да.

Я сообщалъ этотъ странный случай съ В. И. и сказалъ:

— Не было-ли тутъ вашего участія?

— Я [illegible] фразы.

— Что значитъ «р»?

— Работалъ, пожелалъ [illegible] по [illegible]...

— Что значитъ «[illegible]»?

— По правдѣ [illegible]

— Но эта особа вамъ чужая! Какъ же вы могли работать, желать, по [illegible] направленію?

— Работалъ на усиліе вашей воли; значитъ [illegible] направленіе [illegible] того, кто [illegible].

Послѣ разныхъ переспросовъ, выясняющихъ эту фразу:

— Вы говорили, что я желалъ будто [illegible]... — [illegible]

*) Хотѣла, въ этотъ разъ, сказать «желаю».

вас неопред... для меня опред... А вот придѣлайте сюда знаки препинанія. Трудно понять наши порядки, а послѣ меня скоро толку не будет.

— То есть, послѣ вашего посѣщенія?

— Я говорил про это.

— То есть, ваша сфера, ваше вліяніе остается и препятствуетъ другимъ?

— На долго, мое вліяніе сильно, особенно потому что духовно, добровольно, и даже, могу сказать, взаимно.

— По поводу нашихъ опытовъ съ монетами, я имѣю сдѣлать вамъ два вопроса: 1) вы говорили, что видите сами, имѣете свой органъ зрѣнія, и т. д.; между тѣмъ, изъ опытовъ нашихъ слѣдуетъ заключить, что вы въ зависимости отъ какихъ-то нашихъ условій, и 2) въ чемъ состоятъ эти условія?

— Отвѣт на первый: я говорил что вижу сам; я говорил: одно дело—видѣть самому, другое—вам передать; я говорил: его глаза нужнее; сума (сумма): отдѣльныя наши воспріятія, в том числѣ и зрѣніе, самостоятельны и независимы от вас, но потому-то и качественно и количественно рознятся от вашего; чтобы поделиться нужна асимиляція; и помимо того, для всякаго общенія — общеніе нужно. На второй — в чем оно состоит? Сфера моей дѣятельности в общеніи с вами конечно ограничена; вспомните теперь куда вы клали и что она заслоняла его.

Толкуемъ про себя и поясняемъ, что посредница сидѣла передъ посредникомъ, а деньги были положены на скамейку, стоявшую позади посредницы, и слѣдовательно, ея тѣло заслоняло ихъ.

— Не дурно; сфера же круглая, так ск(азать), и должна быть без перерыва, т. е. от него исходить и замыкаться.

Читаю вслухъ записанное; недоумѣваемъ.

— Не ясно? ведь и не шутка; ну представьте себѣ, я хочу вступить с вами во внешнее общеніе; самое удобное воспользоваться им (т. е. посредникомъ); вокруг него есть, т. е. (такъ сказать), его атмосфера, наиболее духовная часть каждаго; мнѣ предстоит, с. б. (стало быть), действовать вот уже под условіем протяженія его атмосферы; потом круг этот должен быть замкнут, т. е. безпрерывен, как я сказал; перед ним сидит она, вот вам периферія.

— Итакъ, чтобы видѣть, вообще, вы связаны медіумическими условіями?

— Никакими! Да что же вы про это знаете? т. е. пока я вас по своему и для себя вижу, мнѣ ничего не нужно; это ясно, даже очень; раз я хочу для вас вполнѣ, по вашему, не только увидѣть, но и с вами поделиться — другое дело [1]).

— Еще одинъ вопросъ: для чего вы потребовали тогда бѣлую бумагу?

— А это личное условіе; бывает иногда и у вас такое чувство, что так увижу лучше, а у нас чаще [2]).

— Вы намедни употребили выраженіе: «любимцы неба», вотъ я перечту...

---

[1]) Отвѣтъ этотъ имѣетъ свое философское значеніе. Если нашъ собесѣдникъ, дѣйствительно, принадлежитъ къ міру сущностей, къ міру *нуменовъ*, въ которомъ онъ видитъ наши вещи не такъ, какъ онѣ намъ представляются, а таковыми онѣ въ себѣ, то онъ и видитъ ихъ «по своему»; но разъ онъ долженъ видѣть «по нашему», онъ долженъ вступить въ міръ явленій, въ міръ *феноменовъ*, и приспособиться къ условіямъ нашей организаціи; ибо какова организація, таково и міросозерцаніе.

[2]) Отрывокъ съ этимъ объясненіемъ былъ также напечатанъ въ «Анимизмѣ», стр. 479.

— Помню, не надо; хотѣл сказать просто, что у вас очень мягкія и сильныя атмосферы; да немного разнѣжничался; ну а смысл в этом есть, говорите же вы «в сорочкѣ родился» — лучше этого конечно.

— Вообще, объ этихъ связяхъ что-то напутано!

— Не путано, а просто для вас непонятно.

— А вотъ странно, кажется слухъ у васъ тоньше зрѣнія, вы тотчасъ слышите все, что я говорю, — видно, слышать вамъ легче, чѣмъ видѣть?

— Опять не странно; вы говорите ведь по опредѣленному направленію, не так ли.

— Приходится намъ разстаться, уѣзжаю на лѣто...

— Каникулы, ну и прекрасно; поотдохнем друг от друга; хорошее лѣто будет всѣм вам; думаю, конечно, увидимся; и все же не даром бывал с вами, чему очень, очень радъ; Господь с вами, голубчики; вспомните на досугѣ, знаю; всегда пріиду когда пожелаете; поклон тому, кто здѣсь бывал, его тоже люблю, хотя и меньше, чѣм вас; ну с Богом!

Послѣ чаю опять присѣли ненадолго «въ ожиданіи», не откликнется-ли кто изъ своихъ; въ тотъ разъ просили В. И. принести вѣсточку; вмѣсто того, чрезъ пять минутъ, пятью ударами потребована нѣмецкая азбука и объявился старый нашъ знакомый, нѣмецъ, бывшій профессоръ латинскаго языка, сообщенія котораго на латинскомъ и греческомъ я приводилъ въ «Psych. Studien». (См. года 1883, 1884 и 1885); здѣсь упоминаю о немъ, потому что появленіе его въ связи съ предшествующимъ; по его словамъ, онъ явился по порученію В. И., которая не рѣшалась опять попытаться, чему онъ очень удивляется, ибо, съ своей стороны, находитъ у насъ, напротивъ, какое-то благораствореніе воздуха, которое мы объяснили ему остаткомъ сферы Спиридона. Замѣча-

[illegible]

— [illegible]

[illegible] 6-го октября 18[illegible] г. [illegible]

[illegible]

[illegible]

Началось съ пустословія и путаницы, вслѣдствіе чего нѣсколько разъ отнимали руки отъ стола; потомъ рѣзкимъ движеніемъ стола всторону потребована азбука, русская. Подложилъ картонную. «Видите»? — «Вижу» — былъ отвѣтъ; буквы указывались бойко, отчетливо, но выходила безсмыслица; продолжалъ записывать. Въ концѣ второй строки сложилось правильно:

— Укажется, довольно.

Недоумѣваемъ. Складывается:

— Ну.

— Понукаетъ насъ, замѣтилъ я, а все же не понимаемъ. Опять складывается и выходитъ:

— Данеуану (да не у, а ну).

Тутъ догадались, что надо читать: «Ну, кажется довольно».

— Съ кѣмъ говоримъ?

— Пустое любопытство.

— Значитъ, Спиридонъ, замѣчаю я.

— Значит, да не вовсе, прошу переходить клордру дюжуру [1]).

По этому выраженію можно было догадаться, что дѣйствительно говорилъ Спиридонъ, но увертки его все еще ставили въ недоумѣніе.

— Все штуки, замѣтилъ я.

читаннымъ послѣ 20-го января прошлаго года, я самъ держать не могъ. Но голова моя осталась совершенно ясна, кое-что пришлось продиктовать, такъ что, въ общемъ, печатаніе этихъ «матеріаловъ» я считаю достаточно удавшимся. Я не перечитывалъ этой послѣдней части ихъ, съ того времени какъ они получились, но теперь, возстановляя ихъ въ своей памяти, я нашелъ ихъ одинаково интересными. Окончаніе этой работы появилось въ «Ребусѣ» уже въ началѣ 1899 г.

[1]) Т. е. «l'ordre du jour».

— Какія тут шутки, просто некогда было точить.

— Этак не знаешь, что и говорить съ вами.

— Вали [1].

— Когда съ кѣмъ говоришь, то тутъ связь мыслей есть.

— Связь мысли, благодарю.

— Вы прежде бесѣдовали съ нами?

— Еще бы, доводилось, к сожалѣнію.

— Такъ почему вы отвѣтили: «Значить, да не вовсе».

— Под именем значит не вовсе.

— Но это все какъ-то глупо.

— Все в дураках, пока у вас, признак. Во первых прошу прибавить в азбукѣ знаки препинанія и цифры [2], а то вы все будете в дураках; во вторых пора переход учинить, а то мнѣ право не досуг.

— Кажется, право, можно признать за Спиридона.

— Можно признать, не ошибись.

Передаю о спорѣ, бывшемъ у меня этимъ лѣтомъ съ сосѣдомъ, Н. А. А., утверждающимъ, что все это — дѣло неизвѣстныхъ еще, но мнимыхъ психическихъ способностей.

— Говорено.

— Далѣе сосѣдъ говорилъ: что же въ результатѣ? Что сказали вамъ эти духи? Что такое тотъ міръ?

— Там где близко дальше не буде.

— Непонятно.

— Там гдѣ хочу знать то, что не далеко, там дальше не буде. Ужели онъ или вы воображаете что на всякі ваш вопрос отвѣт нужен, либо даже возможен?

— Странно, что вы такъ отвѣчаете, вѣдь въ этомъ вся суть дѣла, вся цѣль нашихъ занятій.

— Перечитайте все что мною сложено; мы просто

[1] Ранѣе его же выраженіе было: «валяйте».

[2] Еще прошлой зимой требовалъ этого.

разных взглядов, да и не мудрено: вы смотрите на доказательность так дико, для меня конечно, что я в самой сути расхожусь, а цель ваша мне не руководство.

— Право, не знаешь о чемъ и говорить!

— Почему же не болтать, но гдѣ-ж тут доказательность, или хоть толко убѣдительность.

— Да я уже и не прошу доказательности, а просто поученія. Ужели вопросъ объ опредѣленіи вашей новой формы бытія — вопросъ праздный и недоступный для насъ?

— Он не праздный сам собой, да толко слишком сложный и для того, у кого свое в головѣ — бездоказательный. Мы не можем же говорит авторитетом, это раз; а во вторых, все то что доступно даной голове, толко и может в ней умѣстится.

Когда я перечитывалъ записанное сплошь, то прочиталъ: «мы не можемъ же говорить, а вторить», быстро сложилось: «это вздоръ»; догадались, что надо читать: «авторитетомъ»; и далѣе, когда прочелъ: «что доступно дано и головѣ», опять сложилось: «вздоръ», и самъ С. продиктовалъ: «данной»; потомъ продолжалъ:

— Положимъ X думает о том что он будет дѣлать на том свете и при том NB вѣрит что онъ туда неминуемо должен попасть, ну хот бы проѣздом; теперь у него въ башкѣ N мозга, вот в етихъ N пределах он все уразумеет, а дальше не взыщите.

— Такъ, вѣдь, башка башкѣ рознь! Мозги человѣческіе не мало работали надъ этимъ предметомъ, додумались до идеальности пространства, до вещи въ себѣ и т. д.; поэтому и просимъ расширить наши предѣлы.

— Фу ты, Господи, слѣдовательно того, до чего сами не додумалис, говорит вам и нелзя без авторитета, кажис просто.

— Фу ты, пропасть! Да, вѣдь, человѣкомъ себя именуете, есть между нами понятія общія — по русски говорите — сказали «домой не пойду», и т. д.; что-нибудь да разумѣете подъ этими выраженіями?!

— Да тут же существуют грани передаваемаго, в них то я вращаюсь... я скоро не приду, сердит.

Какъ только эти слова сложились, движенія дощечки остановились.

Очень странное, характерное, неожиданное сообщеніе. «Спиридонъ» остался вѣренъ себѣ, но былъ необыкновенно рѣзокъ, нетерпѣливъ, и, наконецъ, разсердился. Записываніе выходило не совсѣмъ правильно, ибо онъ указывалъ такъ быстро, что я не поспѣвалъ записывать диктованныя буквы. Онъ теперь бросилъ различать *ѣ* и *е*, *ъ* и *ь* вовсе не указывалъ, двойныхъ согласныхъ также, часто не заканчивалъ, словомъ—сокращалъ, какъ только могъ. Пріемъ человѣческій, но не *нашъ*. Оттого неясность. Если-бъ тутъ работала *наша* воля, то она работала бы намъ въ угоду, не затрудняла бы насъ своими выходками.

72-е сидѣніе, 13-го октября 1882 г. (XV-е).

Настроеніе было весьма опредѣленное, ибо это былъ канунъ дня очень для насъ памятнаго — недавней кончины лица, близкаго для всѣхъ насъ. Тѣмъ не менѣе, это настроеніе нисколько не отозвалось и весьма скоро условными 5-ю ударами стало получаться сообщеніе на нѣмецкомъ языкѣ, отъ лица, которое назвалось Hillwig'омъ, лица извѣстнаго двумъ изъ сидящихъ. Говорилось довольно толково, когда вдругъ указка перешла на русскую азбуку и сложилось нижеслѣдующее:

— Все врал, а вы то уши развѣсили, спасибо я за вами поглядываю; прочитал что нибудь на ваших головах и все тут, даже и имя приплел, тоже немудрое дѣло.

Въ этихъ словахъ мы узнали Спиридона, и дальнѣйшее собесѣдованіе продолжалось уже съ нимъ.

Я спросилъ:

— Кто же вралъ?

— Кто — мазурик. Спасибо за...

Тутъ онъ сталъ водить по знакамъ препинанія, которые, по его желанію, были мною прибавлены къ буквамъ. Послѣ чего онъ добавилъ:

— Можно прибавить восклицател знак. Часто приходится дивится вам.

— Теперь поясните-ка намъ, это преинтересная вещь.

— Еще-бы! Имя-то дано, видно; хоть мазурик, а нашу грамоту знает.

— Кто мазурикъ, тотъ, кто показывалъ буквы?

— Да.

— Да почему же мазурикъ?

— А потому — тире надо тоже прибавит.

Послѣднія слова относятся, очевидно, къ недостававшему, по убѣжденію Спиридона, знаку «тире»; но знакъ этотъ былъ; вслѣдствіе чего я воскликнулъ: «Попались, знакъ этотъ есть!» Спиридонъ тотчасъ его находитъ и продолжаетъ:

— Шатущій.

— Да почему же вы это знаете?

— А вы почемуб узнали, видно.

— Это вы его прогнали!

— Сам удрал.

— Какъ васъ увидалъ?

— Имено, по вашему прогнал — это тоже.

— Такъ поясните, какимъ это образомъ, какая цѣль?

— Сейчас, сейчас, голубчик: вот у вас вертится всякій вздор в голове,—виноват; вздор етот в опредѣленом направленіи;—вот вы и привлекаете к себѣ такіх франтов, они все будут говорит что угодно. Почему? Ето сложно. Вот умер X, (это было указано по франц. азбукѣ) полагал, что тамъ должно быт так и так, видит—товарищ, айда к нему. А то и так мб: (т. е. можетъ быть) просто искател приключеній—пришел и напорол. А то еще: есть и настоящіе мазурики — ходят надуват чем можно, кого м. (т. е., можно).

— Про X. не понятно что-то? Почему же имено врать?

— Зачѣм же врат, можно и ошибатся. Вы думаете к нам пожаловат сразу всезнающім — шалите.

— Это другое дѣло, но тутъ цѣлая система изысканнаго надувательства!

— Сеталамод (т. е., c'est à la mode, по французски). Покуда мы обдумывали вопросъ, сложилось:

— Подумайте, а я домой.

— А вашъ домъ? Позволительно спросить?

— До слѣдующаго нумера.

— А зачѣмъ вы были такой «*сердитый*» намедни: сказали не приду?

— Пугнул маленько — не мешает.

Такъ кончилось это собесѣдованіе весьма назидательное, ибо оно относится къ одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ спиритическихъ сообщеній. Замѣчательно выраженіе въ началѣ: «Спасибо, я за вами поглядывалъ», въ смыслѣ: «Хорошо, что я за вами поглядывалъ». Такое выраженіе намъ вовсе не свойственно. Остается прибавить, что, дѣйствительно, мой молодой медіумъ нѣсколько дней тому назадъ перебиралъ письма Hillwig'а къ нему.

73-е сидѣніе, 20-го октября 1882 г. (XVI-е).

Послѣ обычныхъ условныхъ ударовъ потребовалась азбука французская, и стало складываться ударами же:

— Qualunque violazione della legge divina costituìsce un peccato w.

Итальянская фраза, означающая по-русски: «всякое нарушеніе божественнаго закона составляетъ грѣхъ», была сложена совершенно правильно; при этомъ надо имѣть въ виду, что ни тотъ, ни другой медіумъ по итальянски вовсе не зналъ, а я сидѣлъ въ сторонѣ и записывалъ буквы; напримѣръ, слово «costituisce» имѣетъ довольно трудную орѳографію, тѣмъ не менѣе оно сложилось вполнѣ правильно, только съ буквою w мы не могли добиться толку, покуда не сложилось:

— Nuladno (т. е., ну, ладно).

Тутъ мы догадались, что имѣемъ дѣло съ нашимъ шутникомъ Спиридономъ.

— Просимъ продолжать по-русски.

— Осень, сыро, вот и заговорил по итал чтобы согрѣться.

— Гдѣ это учились итальянскому?

— Нигде, чего хитро, помню кое что.

— То есть, что за хитрость сказать фразу, такъ-ли?

— Да.

— А позвольте спросить, ужъ не въ ихъ-ли головахъ прочитали?

— Непремено к стене прижат, ека страсть! мало-ли дребедени в ваших головах, кое что наберется, можно и по итальянски выжат, только секрет знать, а то бы плохо.

— Въ ихъ головахъ нѣтъ итальянскаго, такъ и выжать не изъ чего.

— Ну и радуитес, коли нравится — а я мой взгляд сказал, можно выжат всякую штуку. А позвольте спросит: разве вы думаете, что только то след оставляет, что вголове сеичас сложилос? ань дандутки.

— Кажется напутали?

— Грешен, просто дудки.

— Такъ покайтесь, изъ вашей, значитъ, взяли головы!

— Да ето то было из моей, только верит то подобным штукам всеже мудрено — бездоказательно.

— Извините. Ихъ руки сложили то, чего нѣтъ въ ихъ головахъ, слѣдовательно складывала другая голова.

— Так вед етого в их головах нет в етой форме какъ фраза — а отделные елементы готовой мысли все таки сут.

— «Элементы» въ смыслѣ буквъ?

— Букв, да что вы знаете про елементы мысли — и объяснить не берус.

— Хорошо, отдѣльные элементы есть, кто-нибудь да собираетъ ихъ.

— Собирает — ну — вот посторонній сборщик иван собирает за петров («за Петровъ», переспросилъ я; онъ продолжаетъ): много их на селе, а денежные елементы уж готовы, да и иван сам из петров — так может быт и тут: елем мысли на лицо, будто кто то собирает их,— а на деле они сами собралис, только незаметно для плателщиков. Да, батюшка, круговая порука чудеса дѣлает во нсяком хозяйстве.

— Позвольте теперь о прошломъ сеансѣ поговорить, много вопросовъ.

— Живо, домой пора.

— Кстати объ итальянскомъ, вы весной сложили однажды «vоrrеi mоrir» — скажите что это? цитатъ что ли? или зря?

— Романсик такой слышал как то, примиленкой, рекомендую

(Смотри примѣчаніе къ сидѣнію 28-го апрѣля прошлаго года, а теперь я только переспросилъ у Спиридона, ничего не говоря напередъ сидѣвшимъ. Онъ подтвердилъ.)

— Вы сказали, что тотъ мазурикъ прочиталъ въ ихъ головахъ, но въ ихъ головахъ въ то время этого имени не было и никто не думалъ о немъ?

— Ну, уж ета канител; я сказал: мало ли что сохраняется, да и не два три дня, а вечно.

— Значитъ, эти франты могутъ читать въ нашихъ головахъ все, что туда однажды попало?

— Имено могутъ, не забывайте, могут.

— Позвольте, на этотъ же вопросъ весной вы отвѣчали, что если и могутъ, то туманно, а тутъ цѣлое имя выудили?

— Оченно просто могут, порусски значит: представляется для них возможным при наличности известных условій — вот и выходит что *X* у *A* читает тумано, а *Y* у *B* ясно, а то еще *Z* у *C* то ясно, то тумано— ну да ето само собой, я говорю — канител, бонжур.

— Позвольте, вы говорили: «будутъ говорить что угодно», между тѣмъ, напротивъ, часто угодно, чтобы пришелъ или говорилъ то-то, а выходитъ совсѣмъ другое?

— Да не что вам угодно, а им — фуй.

— Кто разумѣется подъ словомъ «товарищъ»?

— Живой, т. е. земной товарищ; небеснаго что-ли мыслителя! рыбак рыбака — (видитъ издалека) дураки и у нас водятся.

— Хорошо, но это не причина, чтобы наврать, чужое имя принять.

— Да вовсе не нагородить вданом случае, а поделится съ единомышленником.

— А поддѣлываться подъ чужое имя зачѣмъ?

— Я вам всевозможные случаи сумбурных сообщений привел, а вы пристали и не сместа.

Просматриваю заготовленные вопросы.

— Ау?

— Хорошо-съ, сами вы не къ мазурикамъ принадлежите, и не къ шатущимъ, надо полагать, а для знакомства напороли вздоръ — помните балаганы.

— Жевусалю пока (т. е. je vous salue).

— То то, видно домой скорѣй, а кстати, гдѣ это вашъ домъ?

Дощечка затихла—отвѣта нѣтъ.

— Тутъ вы?

— Тютю.

— Ну, прощайте, до слѣдующаго раза.

74-е сидѣніе, 27-го октября 1882 г. (XVII-е).

Сначала все выходилъ какой-то вздоръ. Медіумы отнимали руки отъ азбуки и отодвигались отъ стола, чтобы прервать вліяніе; потомъ опять присаживались къ столу, но все получался разный вздоръ; и такъ до трехъ разъ; это взяло не мало времени; наконецъ, объявился Спиридонъ, но собесѣдованіе наше вышло короткое; я сказалъ:

— Наконецъ вы отозвались, теперь поговоримъ: въ прошлый разъ вы что-то мудрили, говоря, что элементы мысли *сами* собрались и проч., между тѣмъ, изъ самой обстановки, *игра личностей* ясна; *вы* пришли, *онъ* удралъ и т. д.

— Без мудрости далеко не уйдеш, я имено мудрил, это вам ползително; говорит с вами о том что есть совсем для вас не поучително, гораздо важнее о том, что может быт, дикси (dixi, т. е. сказалъ).

— Ну, такъ поясните намъ *процессъ* этого чтенія нашихъ мыслей и знаній въ нашихъ головахъ?

— *Раз*, етот процес вовсе не вваших головах происходит, а впространстве; *два*, он происходит совершено просто — на манер вашего чтенія, толко другими глазами; *три*, почему это видимо, не могу служит ответом — скажу лишь, каждая мысл, умная и глупая, имеет условный, но всеже видимый след, причем почти безотносително ко времени — говорю почти, а то вы опять ловит пойдете.

— Далѣе: почему же имъ «угодно», большею частью, говорить вздоръ, ложь и брать чужое имя?

— Не лучше ли было бы, когда вы, т. е. человеки, всегда одну правду говорили! а чужія имена — это понятно по многим побужденіям; начат стого, что инкогнито любимое платье дураков, шутов, шалунов, бродяг и т. п.

— А вы сами? помните балаганы? Аль «домой пора»?

— Домой пора.

— Нѣтъ, поясните прошу, примѣръ хорошій.

— Ах, кабы он мог хот что нибуд пояснит, я бы так и быт постарался.

— А все таки поясните.

— Не желаю.

— Вы упомянули намедни *la legge divina* — можете сказать, въ чемъ состоитъ божественный законъ?

— Почитайте ка в старых разговорах, кое что найдете, впрочем от таких разсужденій и напредки не откажус — тепер я право как то устават с вами стал, сам удивляюс.

*

— Надо намъ лозунгъ какой, чтобы тотчасъ васъ узнать.

— Бонжур — лозунг.

— А то эти шатущіе столько времени уводятъ, да васъ покуда узнаешь, по неволѣ утомишься.

— Нѣт, это утомленіе тоже не так просто.

— Ну, такъ бонсуар!

— Нюи (т. е., онъ отвѣчаетъ «боннюи»).

75-е сидѣніе, 3-го ноября 1882 г. (XVIII-е).

Очень скоро указка потребовала русскую азбуку и стало складываться.

— Смыкает сон усталые глаза и мысл бледнея будто умирает как в летній вечер алая заря на небосклоне потухает.

Тутъ мой молодой человѣкъ замѣтилъ: «Это курьезно, вѣдь это мои стихи, вчера написанные, слово въ слово». Въ это время указка показала.

— Но не уг... сбил.

Послѣ чего стало продолжаться, причемъ эти слова были поправлены какъ слѣдуетъ.

— Но тот источник света не угас сияет он незримыми лучами сокрытый лиш от наших тлѣных глаз, над далними и чудными мирами так не туда л отходит и душа когда ты спиш и ничего не знаеш не тежели далекия края ты с ней порой ночною посещаеш.

— Я хотел похвалить, право недурно.

Это оказалось стихами, которые слѣдуетъ читать такъ:

Смыкаетъ сонъ усталые глаза
И мысль блѣднѣя будто (ум)ираетъ,
Какъ въ лѣтній вечеръ алая заря
На небосклонѣ (тихо) потухаетъ.
Но тотъ источникъ свѣта не угасъ:
Сіяетъ онъ незримыми лучами,
Сокрытый лишь отъ нашихъ тлѣнныхъ глазъ,
Надъ дальними и чудными мірами.
Такъ не туда-ль отходитъ и душа,
Когда ты спишь и ничего не знаешь?
Не тѣ же ли далекіе края
Ты съ ней порой ночною посѣщаешь?

Стихи были продиктованы совершенно правильно, за исключеніемъ: «умираетъ» вмѣсто «замираетъ» и пропущеннаго слова «тихо». Эти три ошибки [1]) очень важны съ томъ смыслѣ, что если бы тутъ работала собственная психея автора стиховъ, то она этой ошибки бы не сдѣлала. Тутъ авторъ пояснилъ, что онъ вчера вечеромъ протиктовалъ эти стихи женѣ своей. Поэтому я и спросилъ Спиридона: «это вы ихъ вчера подслушали».

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ.

— Сегодня сейчас меня встретили эти стихи; а знаете ли вы что ваши мысли времено оставляют даже звучный след, хотяб они и никогда не покидали вашей головы. Почему? след мысли вибрирующая струя; вибрація ест звук в абсолютном смысле, ее лишь надо воспринят.

— Что такое звукъ въ абсолютномъ смыслѣ?

— Т. е. не в относителном.

— Это не подвигаетъ.

— Значит звук ест, да не про всякаго звучит.

---

[1]) 3-я ошибка: *но не уг... сбил.*

— Но сохраняется вѣчно?

— Времено, я сказал, но все же долго, м. б. (т. е. может быть) даже вечно, но все эти вибраціи так сплетаются, так сливаются, так высоко подымаются мало помалу, что даже нам уже болше не слыхат.

— Вотъ вы прочитали что было въ головѣ медіума, и другіе читаютъ, но надо бы опытъ сдѣлать; я задумаю, вы прочтите.

— Это возможно, но как тогда скажу: он мне нужнее; попробуем, посмотрим, ваших стихов я все же не прочитал бы.

— Вѣрно, моя голова тусклѣе головы медіума.

— Гораздо; попробуйте.

Пишу на бумажкѣ: *«сватьба въ домѣ»*, и держу эту мысль въ головѣ. Диктуетъ:

— Не знат нелзя но можно ли не моч.

Эти слова сложились по азбукѣ, въ нихъ, очевидно, нѣтъ смысла и я замѣтилъ:

— Нѣтъ не идетъ.

— Плохо, положите ка сюда, б. м. (т. е. можетъ быть) прочитаю, но это будет уж простое чтен(іе).

— Какъ положить, письмомъ вверхъ или внизъ?

— Завязав глаза писмом вверх.

Надѣваю обоимъ медіумамъ картонки, глубокія, изъподъ шляпъ, до самой шеи, и кладу бумажку на столъ передъ ними. Хорошо такъ?

— Д. опвргдочеоѣ вочдмтуе.

— Нѣтъ не идетъ. — Отнимаю картонки.

— Трудно почерк разобрат.

Пишу чернилами, калиграфически, крупно. Надѣваю картонки.

— Солцфбагтбраю ветеу.

Отнимаю. «Неудачно!».

— Картоная выдумка, душно, мешает, потом отвык от ваших забав; я и так не могу прочитат.

— Сами предложили!

— Ну и попробуйте еще в другой раз, толко без карт(онки).

— Это когда въ другой разъ?

— Несносное ощущеніе иногда бывает от слишком близкаго соприкосновенія с земными формами.

— Намедни вы замѣтили, что въ разное время садимся. Развѣ наше время имѣетъ для васъ значеніе?

— Может значит, как и всякій условный знак.

— Но по вашей теоріи, какъ мы сѣли за столъ, и вспомнили васъ, такъ наша мысль вибрируя должна коснуться васъ?

— Если я к етому готов; вот и полезно руководствоватся тиканем ваших часов, теперь позволте отдохнут.

— Слѣдующую среду у насъ сватьба, какъ быть, перенесть ли на другой день и который? Желали бы *своихъ* услыхать.

— Пропустите, я рад буду, а там своих — сделаите милость.

— Хорошо, до свиданія, mercredi en quinze?

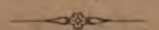
— Сеса, боннюи (c'est ça, bonne nuit).

— Теперь не говорите ужъ бонжуръ.

— Бонжур тепер играет рол иную, вед ето долженствует быт пароль.

Слѣдующіе пять сеансовъ, съ 9-го ноября 1882 г. по 12-е января 1883 г., дали только отрицательный результатъ, то есть, или получался одинъ вздоръ, или даже ничего не получалось: и столъ и указка оставались недвижимы. Почему это было такъ, когда участвующіе были тѣ же лица, когда условія были совершенно одинаковыя, или когда даже настроеніе было весьма опре-

дѣленное, вслѣдствіе домашнихъ событій, одинаково интересныхъ для всѣхъ участниковъ — это объяснитъ только дальнѣйшее болѣе близкое знакомство съ предметомъ. Мое дѣло представить матеріалъ. Необходимо однако же сказать, что на сеансѣ 80-мъ получилось среди этого вздора нѣсколько разумныхъ словъ, авторомъ которыхъ назвалъ себя нѣкій «Вице-Спиридонъ». Почему я нашелъ нужнымъ здѣсь объ этомъ упомянуть — это объяснится изъ слѣдующаго.

81-е сидѣніе, 19-го января 1883 г. (XIX-е).

Послѣ разнаго вздора, который мы, по обыкновенію, прервали, отодвинувшись отъ стола, потребовалась отчетливыми ударами русская картонная азбука. Вскорѣ стали получаться толковыя сообщенія, которыя очень напоминали собой слогъ Спиридона, но авторъ ихъ назвалъ себя «другомъ». Изъ послѣдующаго, однако-же, оказалось, что этотъ «другъ» былъ дѣйствительно никто иной, какъ Спиридонъ; поэтому я и привожу ихъ здѣсь цѣликомъ.

Собесѣдованіе началось такъ:

— Щипнуть пора (смѣхъ... продолжается) зазнавшихся жрецовъ.

— Какихъ жрецовъ?

— Нахальной науки.

— Поясните.

— Наукъ двѣ, одна скромная работница, другая наглая болтунья; послѣдней служить пріятнѣе и легче, поэтому жрецовъ ея расплодилось великое множество, вотъ ихъ щипнуть давно пора.

— Въ чемъ долженъ состоять щипокъ?

— Щипокъ долженъ состоять въ разоблаченіяхъ.

— Которыя написалъ я?

— Да!

Тутъ я вспомнилъ, что во время перерыва мой молодой медіумъ спросилъ меня, выпустилъ ли я изданныя мною «Разоблаченія», т. е., исторію нашей медіумической университетской комиссіи, напечатанной мною еще въ 1882 году.

— Имѣете объ нихъ понятіе?

— Нѣкоторое, насколько о нихъ можно по васъ судить.

— Но знаете ли о какомъ ближайшемъ вопросѣ тутъ идетъ рѣчь?

— Дальнѣйшій вопросъ важнѣйшій, ближайшій мнѣ менѣе ясенъ, причина понятна.

— Поясните цѣль «Разоблаченій».

— Ну и прекрасно, только и надо сорвать личину, а тамъ дѣло впереди.

— Какое дѣло?

— Дѣло всякаго здраваго изслѣдованія, такъ и вашего, надѣюсь.

— Моя спеціальность изслѣдовать медіумическій вопросъ.

— Чую.

— Надо ли преслѣдовать научное изученіе его?

— Надо, вообще говоря, хотя точка опоры и тяготѣнія за границей вашей науки; по моему, все о чемъ можно учить, либо чему учиться, есть наука.

— Вотъ вы сообщаетесь, развѣ это не точка опоры?

— То будетъ не наука въ вашемъ смыслѣ, а ученіе.

— Самый процессъ сообщенія есть явленіе, требующее научнаго объясненія.

— Въ этой части наибольшій интересъ.

— Значитъ, оно принадлежитъ наукѣ?

— Я уже сразу сказалъ что да.

— Надо ли поощрять занятія медіумическими явленіями?

— Безконечная нить, одно обусловливаетъ другое.

Толкуемъ про себя. Онъ продолжаетъ:

— На дѣлѣ и худо и хорошо, но вѣдь у васъ не можетъ быть только хорошо, во всякомъ случаѣ вопросъ далекаго будущаго.

— Можно ли доказать медіумическими явленіями существованіе духовнаго міра и возможность общенія?

— Правильно, можно доказать.

— Слѣдовательно, это важнѣйшій изъ вопросовъ?

— Остается желать, и долго ждать въ той средѣ, гдѣ такое познаніе всего цѣннѣе было бы, хоть это и громадное меньшинство всего человѣчества.

— Вы подразумѣваете интеллигентную «среду»?

— Такъ сказать самую человѣчную.

— Съ чѣмъ или съ кѣмъ мы бесѣдуемъ? Прошу дать философское опредѣленіе.

— Вѣчно сущее за предѣлами одной изъ внѣшнихъ формъ существованія называемаго жизнью.

При перечитываніи, послѣ слова «существованія» прибавилъ: «*то есть, своего*».

— Этому «вѣчному сущему» вы даете подкладку человѣческой индивидуальности?

— Оно всегда должно быть индивидуально, такъ какъ оно является только частнымъ проявленіемъ своей субстанціи.

— Признаете себя существомъ, нѣкогда жившимъ на землѣ?

— Да, по опыту, хотя прямого сознанія не имѣю.

— По какому же опыту?

— Опытъ душевнаго ощущенія личнаго, и опытъ на другихъ.

— Но какъ же вы тогда можете говорить по-русски?

— Это дѣйствительно требуетъ поясненія; сперва примѣръ: никто не спроситъ человѣка, какъ онъ ходитъ съ носомъ на лицѣ, не зная откуда онъ; потомъ скажу что результаты бывшей земной жизни моей всѣ на лицо, это и даетъ душевный опытъ, о которомъ я говорилъ; дальнѣйшія подробности моей земной жизни мнѣ больше не извѣстны, какъ вы не знаете, конечно, кто васъ когда крестилъ, имя далъ, а все твердо знаете, что было вамъ два дня, какъ и пять лѣтъ. Прощайте.

— Прошу минуточку обождать, вотъ я перечту.

Читаю. Отвѣчаетъ:

— Правильно.

— Еще слово, какъ васъ звать, на случай.

— Меня называйте другомъ.

Въ этомъ сообщеніи правописаніе, какъ легко замѣтить, было правильное, обыкновенное, то есть «ъ», «ь» и «ѣ» и пр. указывались какъ слѣдуетъ. Быть можетъ, это была уловка, чтобы подъ именемъ «друга» мы не признали тотчасъ Спиридона.

На слѣдующихъ двухъ сеансахъ, 82-мъ и 83-мъ, опять получился всякій вздоръ, и потому я здѣсь ихъ опускаю.

84-е сидѣніе, 10-го февраля 1883 г. (XX-е).

Сидѣнье началось очень вялыми стуками стола, которыми потребовалась русская азбука, и вялымъ указываніемъ буквъ сложилась пустая фраза. Мы прервали сеансъ и рѣчь зашла о причинѣ получаемыхъ на сеансахъ пустяковъ; мнѣ пришлось недавно даже писать объ этомъ, а мой молодой медіумъ сталъ высказывать свои объясненія; такъ прошло минутъ 10, когда тремя легкими ударами потребовалась русская азбука и быстрыми указаніями буквъ сложилось слѣдующее:

— Довольно недурно, любезнѣйшій; мой бонжуррр.

— Должно быть, Спиридовъ; кажется его девизъ?

— Ну, а пропо, какая доказательность девиза? проморил вас маленько, хот и был один раз на манер великих людей міра того.

— Вѣроятно, инкогнито, у насъ?

— Имено.

— Но не назвались?

— Имено.

— А смотрѣли, какъ дурачатъ насъ другіе?

— Сам грѣшным делом этим занимался.

— Это подъ именемъ вице Спиридона, что-ли?

— Не, не; лучше; вице то такъ вицем и был, я своим чередом.

— Ну, скажите!

— Догадайтес, вам угодил очен.

— А, такъ это «другъ».

— Имено, а вотр адрес.

— А вотъ адресъ, что такое? (Думая что *р* ошибка, я прочелъ «а вотъ адресъ»).

— Врете, было а вотр адрес (à votre adresse), т. е. для вас специально сія метаморфоза.

— Т. е., лично для меня?—да, тонъ другой, не вѣчно иронический?

— Вот, вот, на грош повыше.

— Вотъ мы говорили про массу пустяковъ отъ вашего брата,—поясните-ка намъ сами?

— А вѣд я сейчас хвалил, право не дурно, я бъ только покороче сказал: причин двѣ, одна в вас, другая в нас, одна снизу, другая сверху.

— Это и мы понимаемъ, но вопросъ — можетъ-ли это быть результатомъ одной нашей безсознательной дѣятельности?

— Ну, дяденька, об етом говорено мною, почитайте на досуге.

— Причина въ насъ?

— Да, участвуете, заправду, успокойтесь.

— Да не про участіе, а можемъ-ли одни, безъ вашего участія?

— Вот по такому имено поводу я уже говорил, тоже послѣ кого-то; вы спросили: видѣл-ли я кто до меня был и как де ето произойти могло, вот я и разглаголствовал.

— Въ томъ-то и дѣло, что очень мало сказано: не знаю, можетъ быть, и сами складываемъ.

— По моему может.

— Почему все ждете вопросовъ, скажите, наконецъ, кое-что и отъ себя!

— Очен просто, вы спрашиваете то, что знать хотите, стало быть, вам полезно такъ, думаю такъ и учить надо-бы... не понимаете.

Толкуемъ про себя, что бы это могло значить.

— Почти; просто учить вобще следовало-бы, отвечая, как и греческіе мудрецы, поворотите на себя.

— Т. е., примѣнить это къ себѣ.

— Вот вам пожалуй одно скажат не безполезно, что мне вас навещат, ой, ой, не очен то легко, и разве только дат ответы на некоторые ваши вопросы — может меня побуждат. Потому же долго отсутствовал, к тому же много уже наворочил.

— Почему такъ трудно? А когда-то обѣщались всегда приходить, когда попросимъ!

— Хитер брат, в той или иной формѣ, а в существе все тот же вопрос — как мол к вам ходит!

— Такъ, что за бѣда?

— И не беда, да ответа не на.

— Изучаете-ли тамъ свой міръ, законы бытія, какъ и мы?

— И да и нет, изучаем, но и просто видим; ест два-три вентилатора на свете, в каторые и тут и там уж много мыслей улетучилос, а все дует—в осталном вам, повиднее.

Остановился. Кончили?

— Кончил.

— Хоть, напримѣръ, о высшемъ началѣ, сильно дуетъ?

— Имено, да еще как, многіе с флюсом ходит, а зубы не годятся; о етом предмете и ваши бредни на нашей бирже продаются.

— Но, вѣдь, какой-нибудь культъ есть у васъ?

— Не без того.

— Въ чемъ выражается?

— Я вам толко что сказал, что по етой части у нас происходит, потом меня ни чему не учат, наконец, с вами об этой матеріи говорит еще мудренее.

— Да, право, не знаешь, о чемъ васъ и спросить, все не по васъ.

— Просто вопросы ставит не умеете, все в чужой огород лезите.

— Понятно, что лѣзешь.

— Да больно уж далеко, ну не смешно-ли вам говорит про то как у насъ о высшем началѣ учит приказывают, коли у вас у самих на эту тему все исчерпано, что только в человеческой голове вместится может. Прощайте.

— Погодите маленько, перечту. Что-жъ, можемъ надѣяться опять услыхать васъ?

— По маленьку, часто трудно, а мы тоже егоисты не послѣдніе.

Не разбираю, переспрашиваю: «а мы то»—но указка уже сошла съ азбуки и болѣе не двинулась. Въ этомъ сеансѣ нельзя было не замѣтить рѣзкаго контраста медленнаго складыванія начальнаго вздора и быстрыхъ указаній Спиридона, такъ что часто я не успѣвалъ записывать диктуемыхъ буквъ и путалъ.

85-е сидѣніе, 1-го мая 1883 г. (XXI-е).

Произошелъ долгій перерывъ послѣ сеанса 10-го февраля, вслѣдствіе болѣзни одного изъ моихъ медіумовъ и пріѣзда сюда извѣстной родоначальницы спиритическаго движенія — Kate Fox, медіума не профессіональнаго, но прибывшаго сюда по моему приглашенію. Сегодня мы возобновили наши сидѣнія, потому что этотъ день для нашего домашняго кружка былъ весьма памятенъ; и кромѣ того, хотѣли этимъ сеансомъ закончить рядъ нашихъ зимнихъ сидѣній. Но, какъ увидимъ ниже, и какъ это было уже не разъ, наше опредѣленное настроеніе не дало соотвѣтствующаго результата.

Вскорѣ потребовалась русская азбука, я подложилъ картонную и спросилъ: — можете ли указывать буквы? Началась бесѣда:

— Могу, разныя...

Затѣмъ сложился рядъ буквъ, не давшихъ никакого смысла; я замѣтилъ:

— Ну, начался обычный вздоръ, видно надо бросить!

— Сомнѣніе ужъ многихъ погубило.

— Какъ не усомниться, когда чепуха началась!

— Это ничего, потомъ наладится, давно вы не садились съ нами поговорить

— Кто это «съ нами»?

— Другъ и вашъ собесѣдникъ.

— «Другъ», но который, ихъ много было!

— Н одинъ.

— А вы сказали «съ нами»?

— Съ нами — значитъ и съ другими, равными мнѣ.

— Что значитъ «н одинъ».

— Нѣтъ.

— Дѣло не подвигается, все же не знаю, кто говоритъ!

— Нужно вспомнить и подвинетесь, вы забыли меня.

— Трудно вспомнить безъ имени, былъ однажды «другъ», да Спиридономъ оказался, а теперь и орфографія не его!

— А Спиридонъ вашъ другъ и есть; почему не измѣнить орфографію, я это уже разъ сдѣлалъ.

— Коли это вы, хорошо! Видѣли, что у насъ тутъ дѣлалось это время по части спиритизма?

— Нѣтъ, я давно не былъ на землѣ, а кромѣ того вобще бываю толко у вас; тяжелое время переживаемъ и мы за вас всех, т. е. человеков, тоска глубокая находит временами.

— Поясните.

— И конец века этого тяжелый; всюду на земле ростет безверіе и грубеют души; чем далше, тѣм хуже, пока не лопнет мыльный пузырь 19 века. Скоро ли сознаете вы, что лучшее духовное настроеніе жителей земли — кислород нашей атмосферы, так сказать; а в теперешнем нашем воздухе много азота, духоты.

Перечитываю, — такъ?

— Так.

— Это странно, мы никакъ не полагали, что вы можете терпѣть отъ насъ; привыкли думать, что свѣтъ нашъ отъ васъ.

— Свет то пожалуй от нас, но об етом пару слов потом; ну а от вас, почтенный, чад к˚нам тянется, конечно он нас не мрачит, а все же скорб за вас наводит. О свете скажу: раз, он доступен толко свету же, хотя и меншему; два, мы в распространеніи его сознателно участвуем толко на сколко он совместим съ нутром каждаго из вас; три, свет наш, вобще говоря, конечно играет рол в вашем состояніи, но ето вобще имеет міровое безконечное значеніе, и через вес ряд веков вашего существованія.

Покуда перечитываемъ конецъ, продолжаетъ:

— И ето уже безсознателно.

— Что такое «вашъ свѣтъ», потрудитесь дать опредѣленіе.

— Свет наш ест истина в нравственном начале бытія.

— Ого!

— Т. е. что бытіе имеет начало нравственое и что сознаніе его ест истина великая.

Въ то время какъ я думаю объ опредѣленіи «нравственнаго начала», онъ самъ продолжаетъ:

— А что значит нравственное — значит согласное с волей совершеной и в ней неустано совершенствующееся.

— Вы говорите о «нравственномъ», т. е., началѣ?

— Все равно, понятіе нравственнаго таково.

— Вотъ тутъ и закорючка — какъ понять «волю совершенную»?

— Тут вечная закорючка, да иначе и быть не должно, а не то были бы только счастливые и несчастные — должны же быт хорошіе и не хорошіе.

— Опять скажу: что такое «нехорошій»? Для всякаго нехорошаго и нехорошій — хорошъ?

— А для духа вашего думаю все равно кому он хорош, важно хорош ли он истинно — этот вопрос душа всегда сама себе задает — совест — вот работай никогда не останавливаяс — это главное.

— Т. е. «совѣсть», задаетъ?

— Совест слово.

— Опять «хорошъ ли истинно» — какъ рѣшить этотъ вопросъ?

— Рѣшать его надо безконечно, доволно, прощайте.

— Значитъ никогда не рѣшится?

— Имено, решеніе его ест внежизненое бытіе.

— Что такое «внѣжизненное бытіе»?

— Существованіе абсолютное, без начала жизни, т. е. вечной перемѣны и движенія.

— Ну, прощайте; теперь разстаемся на лѣто; надѣюсь, осенью навѣстите насъ опять?

— Старатся буду, желаю добра и света.

96-е сидѣніе, 8-го апрѣля 1884 г. (XXII-е).

Мы имѣли десять промежуточныхъ сидѣній, съ 20-го ноября 1883 по 11-ое марта 1884 гг., которыя опять

намъ ничего не принесли; получался либо вздоръ, либо ничего и мы уже совершенно потеряли надежду побесѣдовать опять со Спиридономъ, когда совершенно неожиданно, на 96-мъ сеансѣ, онъ откликнулся.

Это сидѣніе сперва началось съ какого-то вздора; мы такъ къ нему привыкли въ эту зиму, что это насъ не удивило, но очень скоро вмѣшался Спиридонъ и завязалась слѣдующая бесѣда:

— Развѣ вамъ что нужно?

— Нужна толковая рѣчь, а не пустяки.

— На что? разговора ради?

— Нѣтъ, иногда договоришься и не до пустяковъ.

— А какая разница между такими пустяками и непустяками, или все пустяки, или все непустяки.

— Разница та, когда *не* пустяки, говорятъ это *не мы*, это «*духи*».

— По мнѣ и духи, и вы сами — для васъ одинаково тайна, и что можетъ духъ посторонній, то и вашъ.

— Важно именно убѣдиться, есть ли тутъ «*посторонній*»?

— Что можетъ духъ посторонній, то и вашъ — я говорю.

— Позвольте же, кто это «*я говорю*»?

— Для васъ одинаково тайна, я утверждаю: я духъ посторонній, я духъ вашъ,—это все равно и все тайна для васъ.

— Вѣрно, что тайна, но важно убѣдиться въ объективности этого посторонняго.

— А вы знаете объективность вашего духа? — нѣтъ; а объективность другого?—тоже нѣтъ, я говорю.

Перечитываю, вѣрно, а онъ понукаетъ:

— Ну.

— Это игра словъ, личность имѣетъ же свои признаки!

*

— А у васъ игра понятій, м. г. (милостивый государь), я не говорилъ о признакахъ вашихъ, о которыхъ всякій изъ васъ судить можетъ, а о признакахъ иного различія; можетъ ли то (сдѣлать) вашъ духъ своими средствами, о которыхъ вы судить не можете, или нужны средства духа посторонняго, о которыхъ вамъ ничего неизвѣстно... (пауза, продолжаетъ) — вотъ и выходитъ бѣлка въ колесѣ.

— Верхнія строки непонятны, прошу исправить.

— Я ставлю вопросъ, проявляется индивидуальная личность, почему она не ваша? потому ли что не то говоритъ, что вы думаете?

— Нѣтъ, а потому что говоритъ иногда то, чего не знаешь, называетъ себя...

— Ну, такъ я началъ съ того, что вы не знаете, что вашъ духъ можетъ, чего не можетъ.

— Какъ не знать?

— Знаете, ну, молодецъ! чего же вамъ еще; а я думаю и сказалъ сначала, что для васъ должна быть одинакова тайна—чи вашъ духъ, чи не вашъ проявляется; не въ имени тутъ рѣчь, не въ разницѣ познаній; границы собственнаго я для вас — (хотѣлъ сказать: «неизвѣстны», но запнулся) —

— Виноватъ, онѣ, вѣдь, вамъ извѣстны.

— Оставьте діалектику, а коли вы такъ умѣете разсуждать, скажите просто — кто же вы?

— Да послушайте, неужели вы очную ставку дѣлать будете, я ли я, или не я, а вы сами—кто же судья? Или я скажу, что я — я, и вы успокоитесь, потому что знаете что это я, а не вы; каково самомнѣніе и какова же и наивность.

— Значитъ, по вашему, тутъ толку не доберешься, и нечего этимъ заниматься?

— По мнѣ, убѣжденія въ посторонней индивидуальности тутъ не найдешь, а только на готовое убѣжденіе интересный и поучительный матеріалъ. Можно убѣдиться, что проявляется духъ, что онъ даже разнится отъ всѣхъ присутствующихъ индивидуальностей, поколику вы ихъ знаете; что духовная эта личность то глупѣе, т. е. ниже, то умнѣе, т. е. выше васъ всѣхъ; но почему это не можетъ (быть) вашъ собственный духъ, либо всѣхъ вмѣстѣ, либо посторонній живой или мертвый — все это доступно только людямъ, какъ вы, вопроситель, который знаетъ границы духовной личности своей и, стало быть, кое-что маракуетъ о чужихъ.

Молчаніе.

— Ну, тютю.

— За вами не угоняешься.

— Ну подумайте, приду я — я, я — вы.

— Мы-то все тѣ же, а васъ-то всю зиму не слыхали!

— Такъ можетъ (вы) то умнѣе, то глупѣе, да и это вамъ, конечно, неизвѣстно. Прощайте, пока, до 232.

— Прошу пояснить.

Оказалось, что это была ошибка, онъ хотѣлъ указать 22, и пояснилъ:

— Дандесменъ.

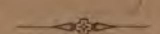
Вскорѣ догадались, что это значитъ: «dans deux semaines».

— Такъ приходите, я кое-что заготовлю.

— Пожалуйста, радъ буду дѣльныя рѣчи услышать.

Складываніе происходило такъ быстро, что я едва успѣвалъ записывать; многія слова Спиридонъ только начиналъ, и едва я произносилъ окончаніе, какъ онъ уже шелъ далѣе, такъ что его обычную орѳографію въ этомъ сообщеніи нечего и слѣдить. Употребленіе слова *чи* было совершенною неожиданностью и по справкѣ ока-

залось малороссійскимъ выраженіемъ, равносильнымъ нашему *или*, *аль*, *либо* и т. д. Много разъ, чтобы разобраться, онъ самъ указывалъ знаки препинанія, которые въ подлинникѣ мною двукратно подчеркнуты.

97-е сидѣніе, 22-го апрѣля 1884 г. (XXIII).

Спиридонъ сдержалъ свое слово и черезъ двѣ недѣли явился; но мы этого еще не знали, и когда столъ двинулся и потребовалъ азбуку, я, по обыкновенію, спросилъ какую; подложивъ русскую картонную, тотчасъ началось:

— Готово.

— Что готово?

— Ну.

— Кто говоритъ?

— Валяйте.

— Значитъ Спиридонъ.

Читаю вопросъ, заготовленный на листкѣ;

— Вы говорите: «что̀ можетъ духъ посторонній, то можетъ и «вашъ». «Границы собственнаго *я* для васъ неизвѣстны». Вотъ ваше положеніе. Надо сговориться, А = А, или нѣтъ? Я = самому себѣ, или нѣтъ? Иванъ можетъ-ли быть равенъ Петру или сдѣлаться Петромъ, или нѣтъ? Если можетъ, то надо отказаться отъ нашихъ понятій объ индивидуальности. Отказываетесь или нѣтъ?

— Много; в сущности вопрос так: равняется ли ваше я самому себѣ — лишній; скорѣе — равно ли ваше земное, вами и другими осязаемое и понимаемое существо, вашей душѣ, внутреннему духу вашему—конечно н (нѣтъ).

Пауза, продолжаетъ:

— Для этого ест у вас доказательства того же распорядка.

— Потрудитесь пояснить разницу между нашимъ «земнымъ существомъ» и «душой»?

— Первое — частичное проявленіе послѣдняго в разных состояніяхъ, в разных степенях, (пауза, продолжаетъ) а потому даже не может равнятся (ему), и дѣйствительно — какой смысл имѣл бы земной костюм, если бы он ни в чем не мѣнял облекаемое им зерно.

— Такой взглядъ вашъ сводится въ сущности къ предсуществованію и перевоплощенію души.

— Вродѣ, зачѣм перевоплощеніе, почему не постепенное развитіе, проявленіе что-ли?

— Для подобнаго развитія необходимо сознаніе предшествующаго состоянія?

— Да кто же вам сказал, с какого момента это сознаніе должно начаться—может быт оно просыпается имено когда это важно; т. е. послѣ земного странствованія. (Пауза, продолжаетъ):

— А то сознаніе о том, чего сознавать нельзя, ест и ненужная и невозможная роскошь.

— Между подобными существованіями должна же быть нѣкоторая солидарность?

— Солидарность развѣ не равенство, вы тоже, надѣюсь, солидарны съ Божествомъ?

Думалъ, не кончилъ, и проговорилъ: ну — и онъ отвѣтилъ:

— Ну.

— Мы однако уклонились въ сторону.

— Вернемся.

— Это не мѣшаетъ тому, что мое земное А=А, и можетъ удержать признаки этого равенства.

— Что правда то правда, это само собою разумѣется;

[illegible] Лаура продолжает: [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

[illegible] Лаура.

— [illegible] что-ли?

— [illegible]

— [illegible] всегда думать.

Лаура. [illegible] вопрос—[illegible]

— [illegible]

[illegible]

— [illegible] постороннего [illegible]

— [illegible]

— [illegible] говорить [illegible] от имени другой личности.

— Это конечно забавно для того, который слушает,

но не больше — почему музыкантъ, который все игралъ чижика, не можетъ вдругъ заиграть собачій вальсъ?

— Тутъ ничего нѣтъ общаго. Эта варьяція та же музыка. А чужому языку надо научиться; и о такихъ случаяхъ не слыхано и невѣдомо.

— Какъ невѣдомо! помилуйте — вы только что сослались на такой конкретный фактъ.

— Именно, и когда такой фактъ данъ, мы и имѣемъ право заключить, что тутъ проявляется другая личность.

— Вот тут уже спор о правѣ — я не юрист. Могу только повторить давно сказанное: до тѣх пор, пока вы не будете знать — можетъ ли вашъ духъ не обучившись китайской грамотѣ заговорить вашим языком на китайском языкѣ — до тѣх пор вы не будете имѣть права, а по моему возможности, утверждать, что в медіума влезъ чужой дух китайскаго происхожденія, а не собственный его дух, в особом состояніи.

— Да и не одинъ языкъ является доказательствомъ; можно заговорить и на своемъ, но проявить всѣ признаки, всю характеристику другой личности.

— А развѣ трусы не бываютъ героями, дураки умницами, т. е. во снѣ. Я самъ разъ слышалъ, какъ нѣкто во снѣ говорилъ на непонятномъ и для меня и для него языкѣ.

— Это не отвѣтъ. Тутъ степени состоянія умственнаго. Я говорю о тѣхъ отличительныхъ признакахъ, которые отличаютъ одну индивидуальность отъ другой.

— Да развѣ эти признаки непроницаемая тайна? Тогда как же вы сами их распознаете?

— Они тайна въ данный моментъ; подразумѣвается само собой, *datum*, что ни медіумъ, ни присутствующіе не знаютъ этихъ признаковъ.

— Все вздоръ, проистекающій оттого, что вы играете

словами «знаетъ», «не знаетъ»; датум, по вашему: сидитъ медіумъ и говорит что ли разную дребедень яко бы неизвѣстную; датум, по моему: сидит человѣк и чрез его язык проявляется его (духъ), онъ въ особом состояніи, и говоритъ то, что ни вам, ни ему, положим, не извѣстно, но что может быть продуктом его духа.

— Все вертитесь вокругъ да около. Не о «дребедени» рѣчь, а о томъ, когда личность, называя себя, указываетъ и всѣ признаки своего земного существованія, по которымъ можно провѣрить подлинность ея проявленія.

— Да что эти ваши признаки! по неволѣ вертимся если не хотите понять, что не патентъ же берется на признаки — ихъ воспроизведеніе можетъ быть доступно и Ивану и Петру, т. е. ихъ «духамъ».

— По неволѣ будемъ вертѣться, коли выходитъ, что Иванъ можетъ сдѣлаться Петромъ!

— Да можете ли вы в этомъ сомнѣваться, если вы сами допускаете, что душа можетъ продолжать свое существованіе послѣ жизни? Неужели вы можете думать, что ваши признаки не могутъ быть воспроизведены всякимъ кто пожелаетъ?

— Именно не думаю, ибо не понимаю, чтобы «всякій кто пожелаетъ», и даже не знавши меня, могъ меня воспроизвести!

— Да что право «зналъ, не зналъ», опять та же путаница. Вы меня не знаете, а я васъ знаю, — что же это значитъ. А кромѣ меня вы всѣхъ знаете, кто васъ знаетъ? А знаете вы все что ваш дух знаетъ? А знает ваш дух по китайски? Все это вопросы, ихъ можно умножить. Отвѣтъ одинъ: вы не знаете границъ и способностей вашего духа. Я сказалъ, всякій кто пожелаетъ, т. е. всякій дух можетъ воспроизвести признаки любой человѣческой личности, коль скоро пожелаетъ; сомнѣ-

ваться въ этомъ нелѣпо тому, кто вѣритъ въ безсмертіе духа; ерго ваш собственный духъ можетъ преподнести вам сюрпризъ с точки зрѣнія вашего собственнаго сознанія. Полагаю довольно.

— Ну, и выходитъ въ концѣ концовъ, что А не равно А.

— А равно А уж потому только, что иначе быть не может, иначе абсурд; спор можетъ там начаться, гдѣ станут опредѣлять, что̀ А и что̀ не А. Вотъ об етом только и стоит подумать. Прощайте.

— Пожалуйста, чрезъ недѣльку навѣстите насъ, да?

— Не знаю.

— Договорились до кое-чего новаго, надо выяснить еще.

— Все это так старо какъ міръ.

— Такъ придете, что-ли?

— Не знаю.

— Все-таки просимъ пожаловать.

— Бонню̀и (bonne-nuit).

Прошло пятнадцать лѣтъ со времени полученія этихъ послѣднихъ сообщеній Спиридона. Извѣстно, что во время самой диктовки, которая происходитъ буква за буквой, и притомъ съ удивительной быстротой, едва успѣваешь схватить общій смыслъ сказаннаго. Съ тѣхъ поръ я никогда этихъ сообщеній не перечитывалъ и совершенно забылъ о ихъ содержаніи; тѣмъ болѣе они были для меня неожиданными и интересными, что подобные же взгляды были высказаны мною въ моемъ послѣднемъ сочиненіи «Анимизмъ и спиритизмъ». Къ тому, что утверждаетъ здѣсь Спиридонъ путемъ дедуктивнымъ, я пришелъ и самъ, но только путемъ индуктивнымъ—т. е., на основаніи опыта. Его данныя и заставили меня высказать слѣдующее заключеніе: «Хотя мы и пришли нелегкимъ путемъ къ убѣжденію, что индивидуальный принципъ

переживаетъ распаденіе тѣла и можетъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, снова проявляться черезъ посредство человѣческаго организма, способнаго къ воспріятію подобныхъ вліяній, но, тѣмъ не менѣе, абсолютное (въ строжайшемъ смыслѣ слова) доказательство самоличности проявляющейся индивидуальности (именно вслѣдствіе этой, всегда присущей, возможности персонификаціи)—невозможно». См. стр. 767.

101-е сидѣніе, 10-го марта 1885 г. (XXIV-е).

Прошла почти цѣлая зима и мы къ столику не присаживались. Получалось такъ много вздору прошлой зимой, что мы не имѣли никакой охоты опять сходиться для сеансовъ. Но тутъ произошло обстоятельство, которое возбудило во мнѣ желаніе еще разъ попытать счастье.

Одинъ мой хорошій пріятель, которому я прочиталъ нѣсколько выдержекъ изъ сообщеній Спиридона, заинтересовался ими и написалъ для него нѣсколько вопросовъ. Вотъ, для полученія на нихъ отвѣтовъ мы и попробовали великимъ постомъ посидѣть, не имѣя почти надежды услыхать вновь Спиридона; и дѣйствительно, два первыя сидѣнія, 99-е и 100-е, 10-го и 17 февраля, были таковы, что впору было и вовсе бросить подобную трату времени; попытались еще разъ и вотъ на этомъ 101-мъ сидѣніи Спиридонъ, наконецъ, откликнулся, хотя и на этотъ разъ вначалѣ получался одинъ вздоръ. Бесѣда завязалась слѣдующимъ образомъ:

— Желаю говорить, но трудно, устали и я и вы.

— Устали развѣ отъ безтолочи?

— Едва ли будетъ толкъ.
— Отъ васъ зависитъ толкъ.
— Нѣтъ.
— Кто говоритъ съ нами?
— Названъ.
— Нѣтъ, видно Спиридона не дождемся!
— Онъ не для васъ приходилъ.
— А для кого же, знаете?
— Да.
— Скажите въ такомъ случаѣ.
— Своего.
— Какого?
— Внутреннее.
— Пояснить можете?
— Онъ долженъ былъ.
— Это значитъ, онъ приходилъ по своему дѣлу, а попалъ къ намъ. Такъ-ли?
— Это все равно, гдѣ есть родное, туда всего скорѣе попадешь.
— Что такое «родное», какъ-то загадочно.
— Все то, что мы не понимаемъ, всегда загадочно.
— А Спиридона лично знаете?
— Лично, это я не понимаю.
— Можно слыхать о человѣкѣ и можно знать его въ лицо.
— У васъ.
— Это значитъ, что у васъ всякое знаніе будетъ личнымъ?
— Всякое будетъ личнымъ, т. е., безусловнымъ.
— Поясните, что значитъ «у васъ», «у насъ»?
— У васъ вотъ знаютъ лично или не лично, у насъ знаютъ просто.
— Что значитъ просто?

— У насъ вотъ нельзя знать, да не все знать, да не совсѣмъ; на это уже вы, господа.

— Позвольте предложить вамъ заготовленные вопросы? Читаю заготовленный вопросъ.

— Ну, вотъ и я попрошу пояснить, сіе туманно.

Стараюсь пояснить и формулирую короче прочитанное; спрашиваю, въ чемъ состоитъ у нихъ понятіе о коренномъ пунктѣ нашего вѣроученія?

— Коротко, нечего сказать, ну и пространно безконечно. Въ чемъ состоитъ, то-есть, съ какой стороны. Я буду показывать знаки препинанія, и опускать ѣ и ъ. Какая часть ученія безконечнаго (ищетъ на доскѣ вопросительный знакъ и говоритъ): гдѣ знаки вопроса и восклицанія? (ихъ на картонѣ не оказалось).

— Такое ученіе должно вамъ представляться какъ фактъ, слѣдовательно, вы должны понимать его просто.

— Понимаю я, как понимаю ученіе о божественности человѣка; другіе — не знаю.

— Спрашивается не ваше личное понятіе, а общее въ вашемъ мірѣ.

— Это вздор, сколко у вас христіан? сколко не христіан? Вот в етом роде и у нас.

— Другими словами, всякій при своемъ?

— Еще бы! Конечно не вполне — все резкое в различіи сглаживается; а почему конфуціанцу не умерет, т. е. не быт у нас и с нами, — не ведаю, и факты говорят.

— Но тутъ въ основѣ фактъ, истина о немъ должна же быть кому-нибудь извѣстна, и кому, какъ не вамъ?

— Не мне, да и особено не для вас; тут я личен, ибо грешен, как вы.

— 2-ой вопросъ. Вы говорили о «заступникахъ», т. е., о существахъ, стоящихъ на высокой степени нравствен-

наго совершенства и помогающихъ намъ въ молитвахъ нашихъ. Въ чемъ же эта помощь? Есть ли это непосредственное ихъ вліяніе на помыслы наши, или молитва за насъ?

— Где может первое — оно действително, где первое не может — там второе; оно всегда возможно.

— 3-ій вопросъ. Относительно прощенія грѣховъ мы имѣемъ указаніе въ заповѣданныхъ намъ словахъ: прости намъ грѣхи наши, какъ мы прощаемъ тѣхъ, которые насъ обидѣли. Въ этихъ словахъ заключается, конечно, и процессъ нравственнаго усовершенствованія (тутъ указка задвигалась и сложилось: «то-то»), но, очевидно, и надежда на прощеніе содѣланныхъ нами грѣховъ. Почему же говорите вы, что мы неминуемо должны «пожаловать къ вамъ со всѣмъ нашимъ грузомъ»?

— О, да, господа, со всѣм; но по поводу этих слов скажу: кто сумѣет сказат слова ети и совершит, тот конечно облегчит душу, а стало быт и груз—понятно, да?

— 4-ый вопросъ. Въ жизни вашей не предвидите ли вы новаго измѣненія вашего существа, нѣчто подобное нашей земной смерти, какъ переходъ въ болѣе совершенныя сферы?

— Ну, вот из старых, вздорных, впрочем любимых вашихъ вопросов.

— Не мой на этотъ разъ.

— Ето мне все равно, мне оттого не легче кто спросил.

— Почему же вздорный? Если здѣсь смерть перемѣна бытія, то почему не можетъ быть у васъ чего подобнаго?

— Очевидно, но что же?

— У насъ это гадательно, для васъ сравнительно фактъ.

— Сравнительно — тогда конечно да; но ето само

собою разумеется; не думал что вопрос о сем, вот потому сказал что вздорный.

— Для насъ это, во всякомъ случаѣ, новый фактъ!

— Нет, виноват; кто может вѣчност понят или допустит без перемен, тот просто об етом никогда не мыслил.

— 5-ый вопросъ. Въ жизни нашихъ земныхъ животныхъ имѣется ли бытіе, то-есть, сознательная жизнь послѣ смерти? Имѣете ли вы, вообще, какое-нибудь понятіе о духовномъ значеніи жизни этихъ твореній? Знаете ли вы о нихъ болѣе чѣмъ мы и что именно?

— Вопрос большой; въ них души ест свои, но не похожія на наши.

— Переживаютъ ли они свое тѣло?

— Нет, их души смертны, смертнѣе наших—я скажу.

Погодя, онъ продолжаетъ.

— Потому, чтобы вас на прощанье удивит, скажу, что я не знаю — безсмертна ли моя душа.

Толкуемъ какъ прочесть «потому» или «потомъ»? Указка показала «му».

— Надо бы васъ еще помучить.

— Довольно.

— Черезъ недѣльку навѣстите насъ?

— Не знаю, вопросы были неглубокіе — такими не заманиш.

— Почему сразу не назвались, время зря потратили?

— Не вашего ума дѣло, прощайте.

Таково было наше послѣднее собесѣдованіе со Спиридономъ, да и сеансы наши затѣмъ прекратились. Предоставляю самому читателю вывести заключеніе, что такое было тотъ «Спиридонъ», который держалъ намъ эти рѣчи, и стоило ли эти «матеріалы» печатать.

Относительно словъ Спиридона, въ которыхъ онъ выражаетъ неизвѣстность о безсмертіи своей души, я счи

таю не безполезнымъ сказать нѣсколько сдовъ. Отвѣтивъ утвердительно, что у животныхъ есть свои души, но что онѣ не переживаютъ смерти своего тѣла, онъ добавляетъ: «ихъ души смертнѣе нашихъ — я скажу», слѣдовательно, въ переживаніи своей собственной души онъ видитъ только ступень, или только степень развитія, а не нѣчто законченное; «потому» онъ и прибавляетъ, что «не знаетъ безсмертна ли его душа». Изъ этого мы видимъ, что подобный отвѣтъ его былъ строго логичный.

Тѣмъ не менѣе, слова Спиридона могутъ, дѣйствительно, удивить, потому что мы, обыкновенно, не дѣлаемъ различія между пакибытіемъ и безсмертіемъ. Разъ душа переживаетъ тѣло, то она и безсмертна: таково обыкновенное понятіе. Правда, душа можетъ воскреснуть и послѣ смерти жить въ иномъ, духовномъ мірѣ; спиритизмъ имѣетъ притязаніе это доказывать; но это еще не значитъ, чтобъ душа была и безсмертна, то-есть, вѣчна, безъ конца. Этого — спиритизмъ доказать не можетъ. Философія же утверждаетъ: все, имѣющее начало, должно имѣть и конецъ; все, рожденное во времени, должно во времени и кончиться. Но душа рождена ли во времени — вотъ вопросъ, на который, быть можетъ, отвѣтитъ отрицательно психологія будущаго.

Попытка приложенія гипотезы, хотя бы кратковременнаго, пакибытія къ толкованію спиритическихъ явленій была сдѣлана позитивистомъ Дассье, въ его книжкѣ: «О посмертномъ человѣчествѣ». Подробное изложеніе этого сочиненія и критическій разборъ его были помѣщены мною въ «Ребусѣ» за 1883 годъ и изданы особымъ оттискомъ въ 1884 году подъ заглавіемъ «Позитивизмъ въ области спиритуализма».

27-го февраля, 1899 г.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ СУЖДЕНІЯ О МАТЕРЬЯЛИЗАЦІИ.

Рѣдкій случай дематерьялизаціи части тѣла медіума.

(«Psychische Studien», 1894).

(Сокращенный переводъ, «Ребусъ» 1896 г.).

I.

Теоретическія соображенія.

Въ концѣ 1893 года на сеансѣ въ Гельсингфорсѣ въ присутствіи медіума м-сисъ Эсперансъ произошло поразительное явленіе, бросающее яркій свѣтъ на таинственную область матеріализаціи и подтверждающее *de visu et factu* то, что доселѣ могло быть признаваемо лишь теоретическимъ постулатомъ, требуемымъ логикой.

Но прежде чѣмъ остановиться на подробностяхъ упомянутаго случая, я долженъ дать хотя краткое понятіе о томъ теоретическомъ принципѣ, который подтверждается, повидимому, всей совокупностью фактовъ этого рода и въ особенности тѣмъ явленіемъ, о которомъ мы будемъ говорить.

Въ спиритизмѣ всегда признавалось, что явленіе матеріализаціи производится на счетъ тѣла медіума, доставляющаго необходимые для нея элементы, т. е., что

нѣкоторая степень дематеріализаціи тѣла медіума есть неизбѣжное слѣдствіе этого явленія. Но доводить это положеніе до крайнихъ его предѣловъ, опредѣленно формулировать послѣдній выводъ, логически изъ него вытекающій въ случаѣ его вѣрности, еще не рѣшались. Съ одной стороны отсутствіе прямыхъ наблюденій, оправдывающихъ такой выводъ, съ другой — необычайность факта, который приходилось бы признавать (факта не менѣе необычайнаго, чѣмъ сама матеріализація, къ которому, впрочемъ, начинаютъ привыкать), достаточно объясняютъ, почему этотъ выводъ не былъ до сихъ поръ опредѣленно формулированъ. Но теперь у насъ есть *фактъ*, дающій намъ право высказаться рѣшительнѣе, и я попытаюсь это сдѣлать.

Изученіе медіумическихъ явленій ведетъ къ признанію въ матеріализаціи трехъ стадій:

1) Въ первой стадіи мы имѣемъ *матеріализацію невидимую*. Мы должны допустить ее прежде всего, въ видѣ гипотезы, наблюдая движенія предметовъ, которыя могутъ быть произведены только съ помощью невидимаго человѣческаго органа, какъ я указалъ это въ моемъ «Анимизмѣ» (стр. 13); затѣмъ, на основаніи ощущенія прикосновеній, испытываемыхъ въ полутемныхъ сеансахъ и какъ бы совершаемыхъ рукою, хотя эта рука остается невидимою; наконецъ, предположеніе это подтверждается вообще всѣми фактами трансцендентальной фотографіи и въ особенности нѣкоторыми случаями фотографіи этого рода, гдѣ зрѣніе и осязаніе формъ, невидимыхъ нормальному глазу, подтверждалось фотографіей. Примѣры ея находятся въ фотографіи Битти («Анимизмъ», стр. 15) и въ фотографіяхъ Мумлера, приведенныхъ тамъ-же (стр. 55), гдѣ миссисъ Конантъ (извѣстный американскій медіумъ) видитъ при-

зракъ, трогающій ее за руку, а фотографія доказываетъ, что дѣйствительно была рука, принадлежавшая фигурѣ, невидимой нормальному взгляду; или еще фотографія миссисъ Тинкамъ, на которой виденъ подолъ платья, приподнятый въ одномъ мѣстѣ невидимой рукою. Фотографія даетъ намъ доказательство кратковременнаго существованія реальныхъ, объективныхъ формъ, которое мы не можемъ иначе объяснить, какъ гипотезой возникновенія матеріализаціи еще невидимой для нашего глаза. Нужное для нея вещество, конечно, заимствовано у медіума, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что степень дематеріализаціи медіума еще не ощутима для нашихъ чувствъ.

2) Во второй стадіи мы имѣемъ очень извѣстное явленіе *матеріализаціи видимой и осязаемой, но частичной и неполной.* Появленіе на сеансахъ рукъ наблюдалось въ самомъ началѣ спиритическаго движенія, происходило оно при свѣтѣ, съ медіумомъ посрединѣ кружка. Позднѣе, когда пришли къ темнымъ сеансамъ, руки продолжали ощущаться, причемъ ощущали и медіума, ибо его держали за руки. При этихъ условіяхъ также получались частичныя матеріализаціи лицъ, бюстовъ, болѣе или менѣе флюидическихъ формъ, но въ темнотѣ. Когда же, наконецъ, начали уединять медіума за занавѣску въ темный кабинетъ, служащій вмѣстилищемъ темноты, то стали получать появленіе рукъ, лицъ и бюстовъ болѣе конкретныхъ и при нѣкоторомъ освѣщеніи; согласно теоретическому принципу, это явленіе частичной матеріализаціи логически должно соотвѣтствовать *частичной-же дематеріализаціи* медіума, т. е., какого-нибудь отдѣльнаго органа, или общей дематеріализаціи болѣе или менѣе неощутимой для нашихъ чувствъ. Такъ какъ медіумъ всегда находится одинъ въ каби-

нетѣ, прямое наблюденіе надъ перемѣнами, происходящими во время явленій въ его тѣлѣ, было для насъ недоступно. Теперь же, послѣ случая на сеансѣ миссисъ Э., о которомъ я скажу здѣсь только нѣсколько словъ, мы имѣемъ полное подтвержденіе этого логическаго вывода: въ то время, какъ она при слабомъ освѣщеніи сидѣла передъ занавѣской, за которой происходили *полуматеріализаціи*, т. е., оттуда показывались руки и бюсты — была констатирована, зрѣніемъ и осязаніемъ нѣсколькихъ лицъ, *полудематеріализація* ея тѣла — ногъ и колѣнъ.

3) Въ третьей стадіи мы имѣемъ *полную матеріализацію* цѣлой человѣческой фигуры, видимой и осязаемой, ничѣмъ не отличающейся по виду отъ живого человѣческаго тѣла; это явленіе есть высшее развитіе матеріализаціи, происходящее въ то время, когда медіумъ находится отдѣльно въ темномъ кабинетѣ и почти всегда въ трансѣ. Продолжительное изученіе этого явленія заставило убѣдиться, что при полученіи полной матеріализаціи человѣческой фигуры, эта послѣдняя всегда имѣетъ черты медіума—оттуда подозрѣніе, ловля медіумовъ и проч. Всѣ попытки видѣть одновременно медіума и цѣлую фигуру, за рѣдкими исключеніями, не удавались. При удачѣ же, относительное состояніе обоихъ тѣлъ медіума и фигуры — не было изслѣдовано. Когда же, посредствомъ исключительныхъ мѣръ предосторожности (какъ, напр., когда волосы медіума высунуты изъ кабинета, или когда онъ заключенъ въ гальваническій токъ) достигалось несомнѣнное убѣжденіе, что медіумъ не могъ сознательно или безсознательно самъ играть роль фигуры, при чемъ, однако, сходство ея съ медіумомъ все-таки было полное или почти полное (какъ, напр., въ случаѣ Джона Кинга, походившаго

на своего медіума Уильямса, или Кэти Кингъ, походившей на своего медіума миссъ Кукъ), то пришли къ предположенію, что двойникъ, или *раздвоеніе медіума* составляетъ основу этого явленія. Но выраженіе это приводитъ къ ложному представленію, ибо можно понять его такъ, что этотъ двойникъ какъ бы половина медіума, какъ бы призрачное подобіе его тѣла, тогда какъ его дѣйствительное тѣло находится тамъ, за занавѣской. Но фактъ таковъ, что это не половина, не подобіе тѣла, а настоящее цѣльное тѣло съ плотью и костями, совершенно похожее на медіума. Словомъ, это какъ есть его тѣло. Но что же дѣлается въ это время съ его настоящимъ тѣломъ? Нельзя же разумно допустить, чтобъ въ извѣстный моментъ у медіума было *два цѣльныхъ тѣла совершенно между собою тождественныхъ*. Мы уже говорили, на сколько вполнѣ логично предположеніе, что степень матеріализаціи призрака должна соотвѣтствовать степени дематеріализаціи медіума; слѣдовательно, если матеріализація явившейся человѣческой фигуры полная, то и *дематеріализація медіума тоже должна быть полная*, или, по крайней мѣрѣ, въ такой степени, въ которой для нашихъ глазъ медіумъ могъ бы сдѣлаться *невидимымъ*, еслибъ была только возможность удостовѣриться въ его состояніи во время явленія.

Итакъ, имѣя въ виду то общее положеніе, что *всякой матеріализаціи необходимо сопутствуетъ соотвѣтствующая ей дематеріализація медіума*, представляется слѣдующая общая схема различныхъ явленій матеріализаціи:

1) *Первоначальная, невидимая* матеріализація соотвѣтствуетъ минимальной, *невидимой дематеріализаціи* медіума, который самъ остается видимъ.

2) Матеріализація *видимая*, но *частичная*, *неполная* по формѣ или по сущности, соотвѣтствуетъ *частичной* или *неполной* дематеріализаціи медіума, видимаго сполна или отчасти.

3) *Видимая* и *полная* матеріализація цѣлой человѣческой фигуры соотвѣтствуетъ *полной* или *максимальной дематеріализаціи* медіума до такой степени, что онъ можетъ, въ свою очередь, стать *невидимымъ*.

Разъ признается этотъ общій принципъ (что, однако, не исключаетъ разнаго рода оттѣнковъ и возможностей, смотря по особеннымъ способностямъ различныхъ медіумовъ, а главнымъ образомъ по составу кружка), мы до нѣкоторой степени можемъ объяснить себѣ многое таинственное — сомнительное и подозрительное — въ матеріализаціяхъ; но я буду говорить объ этомъ ниже въ отдѣльной главѣ. Главный же вопросъ въ томъ: имѣемъ ли мы достовѣрные факты, оправдывающіе 2-й и 3-й пункты общей схемы, мною сейчасъ намѣченной.

Теперь мы можемъ отвѣтить утвердительно.

Я начну съ факта изъ моего личнаго опыта, о которомъ уже давно задумываюсь и который въ моихъ глазахъ представляетъ въ подкрѣпленіе этой теоріи такую степень вѣроятности, что онъ почти равняется положительному доказательству. Этотъ фактъ относится къ моему знакомству съ классической матеріализаціей Кэти Кингъ, мною уже описанному въ «Анимизмѣ» (стр. 249—51). Считаю необходимымъ повторить его здѣсь въ нѣкоторомъ сокращеніи.

«Находясь въ 1873 году заграницей, я проѣхалъ нарочно въ Лондонъ, чтобы собственными глазами взглянуть на это единственное въ то время явленіе. Познакомившись съ семействомъ м-ра Кука (отца медіума), я былъ любезно приглашенъ на сеансъ, имѣвшій быть

$^{10}/_{22}$-го октября. Сеансъ происходилъ въ маленькой комнатѣ, служившей столовой; въ углу, образуемомъ выступомъ камина, была повѣшена ходившая на кольцахъ занавѣска, за которой на низкомъ стулѣ усѣлась миссъ Кукъ; сеансомъ заправлялъ м-ръ Луксморъ, принимавшій въ развитіи медіумизма миссъ Кукъ, съ самаго начала, особенное участіе. Онъ потребовалъ, чтобы я хорошенько осмотрѣлъ все помѣщеніе и наблюдалъ, какимъ образомъ онъ будетъ связывать медіума, такъ какъ во избѣжаніе возможныхъ подозрѣній считалъ необходимымъ имѣть эту гарантію. Каждую руку медіума у запястья онъ обвязалъ бѣлой тесьмою довольно туго; узлы припечаталъ; затѣмъ обѣ руки связалъ тѣми же тесьмами вмѣстѣ за спиною медіума и припечаталъ ихъ; длинный конецъ тесьмы пропустилъ сквозь скобку, привинченную къ полу у стула, на который усѣлся медіумъ, и затѣмъ, пропустивъ ее подъ занавѣской въ комнату, привязалъ къ столу, у котораго онъ и сѣлъ. Такимъ образомъ медіумъ не могъ бы встать, не потянувъ тесьмы. Комната освѣщалась лампочкой, поставленной за книгой. Не прошло четверти часа, какъ занавѣска со стороны камина отдернулась на поларшина: тутъ стояла во весь ростъ человѣческая фигура въ бѣломъ одѣяніи, съ открытымъ лицомъ, но головою, окутанною чѣмъ-то бѣлымъ; одѣяніе всего болѣе походило на сорочку, изъ широкихъ рукавовъ которой виднѣлись голыя руки; то была Кэти. Хотя я сидѣлъ прямо противъ нея и всего въ пяти шагахъ, но по близорукости, а отчасти полутьмѣ, не могъ ясно видѣть черты лица ея. Она вообще казалась полнѣе и выше медіума, хотя ноги были босыя, лицо и руки также казались больше, что впослѣдствіи и подтвердилось изъ наблюденій Крукса. Все время она болтала съ членами кружка, какъ бы впол-

голоса, шепотомъ. Неоднократно она повторяла: «Ставьте мнѣ вопросы — толковые вопросы». — Я спросилъ ее: «Нельзя-ли отрѣзать мнѣ кусочекъ того одѣянія, въ которомъ она находится?» Она отвѣтила, что въ этотъ разъ не можетъ, но что это было уже сдѣлано для другихъ. Тогда я спросилъ, не можетъ-ли она сама показать мнѣ своего медіума? — Она отвѣтила: «Да, подойдите поскорѣе и посмотрите». — Я тотчасъ-же былъ у занавѣски, отъ которой сидѣлъ въ пяти шагахъ, и отдернулъ ее — бѣлая фигура исчезла, передо мной былъ темный уголъ и темная фигура сидящаго на стулѣ медіума: онъ былъ одѣтъ въ черное шелковое платье, а потому былъ виденъ не очень отчетливо. Только что я сѣлъ на свое мѣсто, какъ изъ-за занавѣски выглянула опять бѣлая фигура Кэти, и спросила меня: «Хорошо-ли вы видѣли?» — Я отвѣтилъ, что не совсѣмъ. — «Такъ возьмите лампу и смотрите скорѣе» — сказала Кэти. Въ одно мгновеніе я былъ уже съ лампой за занавѣской—отъ Кэти не осталось и слѣда; передо мной былъ только сидѣвшій медіумъ въ глубокомъ трансѣ, съ завязанными за спиной руками... Едва я сѣлъ, Кэти опять выглянула изъ-за занавѣски. Между тѣмъ свѣтъ, упавшій на спящаго медіума, произвелъ свое дѣйствіе — онъ сталъ стонать и просыпаться; тутъ послѣдовалъ за занавѣской интересный разговоръ между Кэти и миссъ Кукъ, которая хотѣла окончательно придти въ себя, между тѣмъ какъ Кэти силилась опять усыпить ее, но это ей не удалось; Кэти простилась и смолкла. Вслѣдъ затѣмъ г. Луксморъ пригласилъ меня осмотрѣть повязки и узлы на рукахъ медіума; все было въ цѣлости, и когда мнѣ же было предложено разрѣзать тесемки, я съ трудомъ могъ просунуть подъ нихъ ножницы, до того туго были руки ими обвязаны. Когда миссъ Кукъ вышла изъ

своего помѣщенія, я еще разъ осмотрѣлъ его: оно имѣло всего полтора аршина ширины и поларшина съ небольшимъ глубины; вокругъ была каменная стѣна».

Достовѣрность этого факта для меня безусловна и я считаю его очень важнымъ для установки теоретическаго принципа, насъ занимающаго.

Какъ понять это явленіе, что изъ него вывести? Кэтъ, какъ извѣстно, походила какъ двѣ капли воды на своего медіума, была, можно сказать, его двойникомъ не въ галюцинаторной формѣ, а съ плотью и костями, съ сердцемъ и съ легкими, какъ удостовѣряетъ это м-ръ Круксъ.

Можно-ли разумно предположить, чтобы у медіума въ данную минуту могло быть заразъ два тѣла, — одно въ формѣ Кэтъ внѣ кабинета, другое въ собственной формѣ въ кабинетѣ? Очевидно нельзя. Что Кэтъ не была самимъ медіумомъ, безсознательно играющимъ роль духа, доказывается нетронутыми связками; медіумъ не могъ бы въ мгновеніе ока раздѣться, развязаться, опять одѣться и связаться, и проч., даже еслибы это и было физически возможно. Слѣдовательно, приходится предположить, что еслибъ я могъ опередить Кэтъ, или заглянуть въ кабинетъ, когда она находилась внѣ его, *то я бы не увидалъ тамъ медіума*, а только его платье, а можетъ быть и ровно ничего.

Но какъ понять, что фигура можетъ мгновенно очутиться на мѣстѣ медіума, одѣтая, связанная и проч.? Платье и связки, разъ тѣло исчезло, должны упасть на полъ. Какимъ же образомъ войти въ нихъ снова? Это заставляетъ насъ предположить, что не все тѣло дематеріализуется, но нѣчто остается отъ него, нѣкій субстрактъ, астральная форма, поддерживающая въ ихъ первобытномъ положеніи платье и связки, такъ что матеріализованная фигура можетъ мгновенно исчезнуть въ этой

формѣ, соединиться съ нею, и такимъ образомъ медіума находятъ на его мѣстѣ. Мы знаемъ, что на свѣтлыхъ сеансахъ матеріализованныя руки появляются и исчезаютъ въ медіумѣ съ неподражаемой быстротою. Явленіе, стало быть, одно и то же.

Въ подкрѣпленіе этой теоріи мы имѣемъ вполнѣ доказательный фактъ въ опытѣ полковника Олькотта, имѣвшемъ мѣсто въ 1874 году въ Америкѣ съ медіумомъ миссисъ Комптонъ. Вотъ что онъ говоритъ въ своей книгѣ: «People of the other world» («Обитатели другого міра»), стр. 483—488.

«Первый сеансъ мой съ медіумомъ миссисъ Комптонъ происходилъ 20-го января. Кружокъ, въ числѣ шести человѣкъ, размѣстился на стульяхъ на разстояніи футовъ около восьми отъ кабинета, въ которомъ усѣлась на стулѣ миссисъ Комптонъ. Въ освѣщавшей комнату лампѣ значительно уменьшили свѣтъ, но довольно долго ничего интереснаго не происходило.

«Наконецъ, кабинетная дверь отворилась и на порогѣ показалась фигура индійца, говорила съ нами, радушно меня привѣтствуя, но не пошла далѣе, по той причинѣ, сказала она, что медіумъ слишкомъ слабъ, утомленъ, и не можетъ дать ему достаточно силы.

«На слѣдующій вечеръ появилась молодая дѣвушка Кэти Бринкъ, ходила среди кружка, дотрагиваясь до нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ, лаская и гладя ихъ по головѣ и лицу. Въ широкомъ одѣяніи изъ бѣлой кисеи и вѣнчальномъ вуалѣ на головѣ, доходившемъ ей до колѣнъ, она тихо, молча скользила между нами мягкой, какъ бы бархатной поступью. Едва видимая въ окружавшемъ насъ полумракѣ, она напоминала мнѣ Гётевскую Коринфскую невѣсту.

«Обойдя присутствующихъ, она направилась ко мнѣ,

я же сидѣлъ нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ, держа одну руку на стѣнкѣ кабинета. Сперва слегка погладивъ меня по головѣ, она сѣла ко мнѣ на колѣни, потомъ положивъ мнѣ руку на плечо, поцѣловала меня въ лѣвую щеку. Вѣсъ ея врядъ-ли превышалъ вѣсъ восьмилѣтняго ребенка, но лежавшую на моемъ плечѣ руку я чувствовалъ какъ нѣчто вполнѣ матеріальное, а поцѣловавшія меня губы были совершенно живыя. По предварительному соглашенію, я вошелъ въ кабинетъ, пока фигура находилась внѣ его, *и не нашелъ тамъ медіума*, хотя тщательно осмотрѣлъ всѣ уголки, и чтобы окончательно убѣдиться, что я не загипнотизированъ, я изслѣдовалъ рукою стулъ, стѣны и пространство между ними.

«Тутъ произошло одно изъ двухъ: или фигура была не духъ, а самъ медіумъ, или медіумъ былъ трансфигурованъ (преображенъ) по примѣру восточныхъ маговъ. Я рѣшилъ добиться правды до отъѣзда моего изъ города.

«Въ слѣдующій вечеръ, получивъ любезное согласіе миссисъ Комптонъ подчиниться всѣмъ моимъ самымъ строгимъ условіямъ, я снялъ съ нея серьги и, посадивъ ее на стулъ въ кабинетѣ, пропустилъ сквозь ушныя проймы нѣсколько тонкихъ нитокъ, припечаталъ ихъ сургучемъ къ спинкѣ стула и приложилъ мою собственную печать, послѣ чего, обвязавъ стулъ тесьмою, припечаталъ ее къ полу.

«Уменьшивъ свѣтъ и затворивъ дверь кабинета, мы нѣсколько минутъ громко пѣли, когда около отверстія надъ дверью показались двѣ руки, двигаясь отъ лѣва вправо, и вскорѣ исчезли. Потомъ появились тамъ же двѣ другія руки бо́льшаго размѣра, а затѣмъ голосъ (если не самого покойнаго Даніеля Уебстера, то дубликата его по силѣ, глубинѣ и звучности) обратился ко мнѣ съ подробными указаніями, какъ я долженъ дѣй-

ствовать. Войдя въ кабинетъ въ то время, когда фигура находится внѣ его, я могу ощупывать все кругомъ для убѣжденія въ отсутствіи медіума, но не долженъ прикасаться къ стулу. Дозволялось проводить руками въ самомъ близкомъ разстояніи отъ сидѣнья, но избѣгать при этомъ прямого къ нему прикосновенія. Затѣмъ я долженъ былъ покрыть чѣмъ-нибудь площадку вѣсовъ, чтобы фигурѣ не пришлось коснуться до дерева или металла.

«Я обѣщалъ аккуратно исполнить все требуемое и вскорѣ увидалъ въ отворенныхъ дверяхъ кабинета фигуру молодой дѣвушки въ бѣломъ одѣяніи. Она вышла изъ кабинета, обошла кругомъ, дотрогиваясь до нѣсколькихъ лицъ, и затѣмъ подошла къ вѣсамъ. Я сидѣлъ у вѣсовъ, держа руку у коромысла, и какъ только она вступила на площадку, не теряя ни секунды, взялъ ея вѣсъ, послѣ чего она ушла въ кабинетъ, а я зажегъ спичку и прочелъ цифры. Вѣсъ ея оказался въ семьдесятъ семь фунтовъ, хотя *на видъ* она не была похожа на ребенка.

«Фигура снова показалась между нами и я опять вошелъ въ кабинетъ и тщательно, хотя очень осторожно, изслѣдовалъ все его пространство. Никакого слѣда медіума не оказалось. Стулъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, но пустой. Тогда я попросилъ фигуру по возможности сдѣлаться еще легче, и она опять вступила на площадку. Такъ же быстро, какъ и въ первый разъ, я взялъ ея вѣсъ и насчиталъ пятьдесятъ девять фунтовъ.

«Она появилась опять и въ этотъ разъ обошла всѣхъ присутствующихъ, поглаживая кого по головѣ, кого по рукѣ, сѣла на колѣни м-ра Гарди, меня поласкала по щекѣ и затѣмъ вошла на площадку для окончательнаго опыта. Тутъ вѣсъ ея оказался въ пятьдесятъ два фунта, хотя, какъ при первомъ опытѣ, такъ и при послѣднемъ,

видимой перемѣны ни въ ея объемѣ, ни въ одеждѣ замѣтно не было.

«Послѣ взвѣшиванія Кэти больше не показывалась, но по прошествіи нѣсколькихъ минутъ мы услыхали гортанный басъ индійскаго вождя и онъ показался въ дверяхъ. Послѣдовалъ разговоръ по-индійски между нимъ и м-ромъ Гарди, прожившимъ нѣсколько лѣтъ среди западныхъ племенъ, и теперь засвидѣтельствовавшимъ правильность говора вождя-призрака.

«Я вошелъ въ кабинетъ съ лампой и нашелъ медіума совершенно въ такомъ же положеніи, какъ оставилъ его въ началѣ сеанса; всѣ нити цѣлыми и печати нетронутыми. Миссисъ Комптонъ сидѣла прислонивъ голову къ стѣнѣ, блѣдная и холодная какъ мраморъ, съ зрачками закатившимися и лбомъ, покрытымъ холоднымъ потомъ. Ни дыханія, ни пульса слышно не было. Когда всѣ осмотрѣли нити, тесьму и печати, я обрѣзалъ ихъ ножницами и вынесъ въ комнату, на болѣе чистый воздухъ, женщину въ полной каталепсіи. Она пролежала въ такомъ состояніи около восемнадцати минутъ; жизнь возвращалась постепенно, пока наконецъ дыханіе, пульсъ и температура тѣла сдѣлались нормальными; тогда я пригласилъ ее на вѣсы... Она вѣсила сто двадцать одинъ фунтъ» (стр. 483—492).

Стало быть, когда фигура Кэти Бринкъ вѣсила 77 фунтовъ, въ кабинетѣ отъ тѣла медіума оставалось 44 фунта, немного болѣе $^1/_3$ его нормальнаго вѣса, и оно было невидимо для нашего глаза, также какъ его одежда и связки; и приходится предположить, что тамъ находилось какое-то тѣло, сохранявшее положеніе тѣла медіума, его одежды и всѣхъ нитей и связокъ, служа для нихъ невидимымъ субстратомъ. Но форма Кэти Бринкъ не походила на своего медіума, была и ниже и тоньше его.

Что же должно было оставаться отъ тѣла миссъ Кукъ, когда, по словамъ м-ра Крукса, тѣло Кэтъ Кингъ было даже больше ея медіума.

Тѣмъ болѣе имѣемъ мы право утверждать, что этотъ остатокъ былъ невидимъ и что поглощеніе матеріализованнаго тѣла астральнымъ (оставшимся на стулѣ) происходило съ неимовѣрной быстротой. Наблюдавшіе когда-либо появленіе рукъ имѣютъ понятіе о быстротѣ, съ которой эти руки появляются и потомъ возвращаются въ тѣло медіума, что можетъ дать нѣкоторое понятіе и о быстротѣ исчезновенія цѣлыхъ фигуръ.

М-ръ Круксъ имѣлъ не разъ возможность наблюдать это, входя вмѣстѣ съ Кэти въ темный кабинетъ: въ ту же минуту она исчезала! А какъ онъ постоянно настаивалъ на своемъ желаніи видѣть фигуру и медіума вмѣстѣ, ему это наконецъ удалось, но всего одинъ только разъ, и въ темнотѣ, при особомъ освѣщеніи, причемъ Кэти не могла уже говорить, стало быть она находилась въ состояніи полуматеріализаціи (см. «Анимизмъ» стр. 238).

Очень жаль что фигура Кэтъ не была взвѣшена. Можно почти навѣрно утверждать, что въ ней было $^{9}/_{10}$ вѣса медіума.

Вотъ изъ моего же личнаго опыта еще фактъ, подтверждающій оба предыдущіе. Въ 1890 году я ѣздилъ въ Готтенбургъ съ единственной цѣлью присутствовать на цѣломъ рядѣ матеріализаціонныхъ сеансовъ миссисъ Е. д'Эсперансъ. Она дозволила мнѣ подвергать себя всѣмъ самымъ строгимъ условіямъ, какія я находилъ нужными для полнаго убѣжденія въ данномъ явленіи,— чего она дотолѣ никому еще не дозволяла.

На сеансѣ 5-го іюля я, по обыкновенію, сидѣлъ совсѣмъ близко къ тому уголку кабинета, въ которомъ сидѣла миссисъ Эсперансъ, одна занавѣска раздѣляла

насъ; боковое ея отверстіе находилось совсѣмъ около моего плеча; мнѣ стоило немного отодвинуть занавѣску, чтобы видѣть медіума. Матеріализованная фигура, появлявшаяся тогда подъ именемъ Іоланды, показывалась уже нѣсколько разъ и даже обошла нашъ кружокъ, опираясь на мою руку; висѣвшая на потолкѣ лампа, закрытая нѣсколькими листами красной бумаги, разливала слабый свѣтъ; но когда я очутился съ Іоландой подъ самой лампой, она настолько освѣтила ее, что я могъ признать у фигуры несомнѣнныя черты медіума. Когда мы вернулись къ кабинету, я опять сѣлъ на свое мѣсто, а Іоланда остановилась въ среднемъ разрѣзѣ занавѣски кабинета. Тогда, не переставая смотрѣть на нее, я слегка просунулъ руку въ боковое отверстіе съ моей стороны, и мнѣ стоило только нѣсколько вытянуть руку, чтобы убѣдиться тутъ-ли медіумъ. Что я и сдѣлалъ. Медіумъ сидѣлъ на довольно низенькомъ мягкомъ креседьцѣ; я протянулъ руку къ верхней части спинки, потомъ опустилъ ее отъ спинки къ сидѣнью. Медіума на мѣстѣ не было, но въ ту минуту, какъ моя рука уже находилась на кресельной ручкѣ, Іоланда вернулась въ кабинетъ, и какая-то рука упала на мою руку и оттолкнула ее. Тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ медіумъ попросилъ у меня пить и я подалъ ей стаканъ воды, отодвинувъ занавѣску въ томъ же разрѣзѣ, черезъ который я передъ тѣмъ просовывалъ руку. Медіумъ былъ на своемъ мѣстѣ, въ своемъ платьѣ цвѣта бордо, съ узкими рукавами, Іоланда же, за секунду передъ тѣмъ, была въ бѣломъ одѣяніи съ руками голыми до плечъ, съ голыми же ногами и въ бѣломъ вуалѣ, окутывавшемъ ей голову и весь бюстъ. Но ея уже не было, она исчезла также, какъ и Кэтъ.

Я много думалъ объ этомъ случаѣ. Какимъ образомъ Іоланда, находясь на половину внѣ кабинета, могла бы

замѣтить движеніе моей руки внутри кабинета, тогда какъ ей было положительно невозможно видѣть, благодаря темнотѣ и даже при слабомъ свѣтѣ, гдѣ была моя рука, возлѣ-ли моего стула или просунута за занавѣску, а тѣмъ менѣе видѣть, что тамъ дѣлала моя рука и гдѣ она находилась; однако, движеніе руки, оттолкнувшей мою руку, было вполнѣ опредѣленное и совершенно точное.

Если это былъ медіумъ, сознательно или безсознательно игравшій роль Іоланды, и кресло было дѣйствительно пусто, то онъ не могъ ни видѣть, ни ощущать изслѣдованія моей руки, и долженъ былъ бы продолжать свою роль духа,—оставаться на мѣстѣ, возвращаться въ кабинетъ, снова выходить изъ него, какъ ни въ чемъ не бывало. Но произошло нѣкоторое разстройство, Іоланда больше не показывалась и сеансъ долженъ былъ прекратиться.

На слѣдующій день, услыхавъ, что что-то испугало медіума, я сталъ разспрашивать самое миссисъ Эсперансъ, ничего не говоря о моихъ наблюденіяхъ. Она отвѣтила мнѣ, что передъ концомъ сеанса она почувствовала, какъ будто что-то шевелится около нея, вокругъ ея головы или плечъ и это ее испугало; она невольно опустила руку, поддерживавшую голову, и рука ея встрѣтила другую руку; это еще болѣе испугало ее. Очень было это странно: ощущенія миссисъ Э. были именно таковы, *какія должны бы быть у нея*, еслибъ она находилась на своемъ мѣстѣ, и однако рука моя не нашла ея тѣла на креслѣ. Кто же воспринялъ это ощущеніе? Приходится предположить, что призракъ ея тѣла, одаренный сознаніемъ и чувствительностью, оставался на креслѣ.

Миссисъ Э., какъ извѣстно, владѣетъ и способностью медіумическаго письма; во время сеансовъ и внѣ ихъ

она получаетъ сообщенія отъ нѣкоего Вальтера, называющаго себя главнымъ руководителемъ матеріализаціонныхъ явленій. Я воспользовался этимъ средствомъ и попробовалъ получить какое-нибудь объясненіе и съ этой стороны. На слѣдующій за сеансомъ день я попросилъ миссисъ Эсперансъ взять карандашъ, и вотъ разговоръ, завязавшійся между мною и Вальтеромъ:

— Видѣли ли вы, что испугало медіума?

— Да. Кто-то положилъ руку сперва на лицо медіума, потомъ на колѣни, и наконецъ на ея руку, вотъ и все.

— Чья была это рука? (Я все еще не открывалъ своей тайны).

— Не видалъ. Я обратилъ вниманіе только на самый фактъ испуга медіума.

— Главное мое желаніе это видѣть Іоланду и медіума вмѣстѣ; возможно ли это?

— Все зависитъ отъ того, насколько остается отъ тѣла медіума.

— Если-бъ я внезапно заглянулъ въ кабинетъ, нашелъ-бы я медіума на своемъ мѣстѣ?

— Очень вѣроятно, что нѣтъ. Все зависитъ отъ того, откуда почерпается матеріалъ для произведенія формы Іоланды. Если этого матеріала оказывается въ кружкѣ достаточно и мы не въ зависимости всецѣло отъ медіума, то вы увидали бы его такъ же ясно, какъ теперь.

Нѣсколько дней спустя, когда Іоланда много разъ показывалась внѣ кабинета, а медіумъ былъ привязанъ за талію тесемкой, оба конца которой были пропущены въ привинченное къ полу кольцо и завязаны въ немъ, а потомъ привязаны къ моему стулу, я спросилъ Вальтера:

— Сколько оставалось на этотъ разъ отъ медіума, когда Іоланда выходила изъ кабинета?

— Не думаю, чтобы отъ него много оставалось, — развѣ только внѣшнія чувства.

— Если въ то время, когда тѣло медіума почти исчезаетъ, я проведу рукою по его сидѣнью, повредитъ ли это медіуму?

— Это будетъ зависѣть отъ того, насколько осторожно вы это сдѣлаете. Если-бъ что-нибудь нанесло вредъ матеріализованной фигурѣ, медіумъ тотчасъ же почувствовалъ бы это.

— А если-бы я провелъ рукою сквозь тѣло медіума?

— Это причинило бы ему серьезный вредъ, если-бъ мы не были на сторожѣ для его предупрежденія. Во всякомъ случаѣ это былъ бы очень опасный опытъ.

— Стало быть, если я потяну за тесемку, обвязывающую талію медіума, тесемка пройдетъ чрезъ его тѣло?

— Да. Но это произошло бы въ такомъ только случаѣ, если-бъ весь матеріалъ былъ поглощенъ фигурой, а это бываетъ очень рѣдко, хотя иногда остается его очень немного.

— Стало быть, невидимость тѣла медіума не служитъ доказательствомъ его отсутствія на этомъ мѣстѣ?

— Конечно нѣтъ. Это только означаетъ, насколько тупо ваше зрѣніе. Вы не можете видѣть, ясновидящій увидалъ бы.

Въ то время, когда эти отвѣты писались собственной рукою миссисъ Э., она приходила въ крайнее удивленіе и безпрестанно восклицала: «Это для меня новость!»... «Это цѣлое откровеніе!»... «А я такъ была увѣрена, что я все время остаюсь все такою же»...

— Но вѣдь это невозможно,—говорилъ я ей,—чтобы вы не чувствовали внутри себя никакой перемѣны въ то время, когда происходитъ такое анормальное явленіе, какъ матеріализація.

*

— Конечно, я чувствую перемѣну, отвѣтила она, но я была глубоко убѣждена, что она ощущается только мной одной.

— Можете вы дать намъ понятіе объ этой перемѣнѣ?

— *Я чувствую внутри себя, какъ если бы я была пустою*, былъ ея отвѣтъ, отвѣтъ многозначущій и вполнѣ согласный съ нижеописываемымъ фактомъ и истекающими изъ него теоретическими умозрѣніями. Миссисъ Э. не подозрѣвала тогда, что это ощущеніе *пустоты* могло быть нѣчто гораздо большее, чѣмъ субъективное ощущеніе.

Далѣе я сообщу интересныя подробности того продолжительнаго допроса обо всемъ испытываемомъ миссисъ Э. на сеансахъ, которому во время моего пребыванія въ Готемборгѣ я подвергъ ее. Подробности единственныя въ своемъ родѣ, такъ какъ она единственный медіумъ, не впадающій въ трансъ и сознающій все, что происходитъ въ ней и вокругъ нея во время матеріализаціоннаго сеанса. Но тогда не время было ихъ обнародовать, все это могло быть лишь субъективнымъ; требуемаго доказательства для подтвержденія этихъ объясненій, доказательства объективнаго, видимаго, осязаемаго еще недоставало; теперь же мы имѣемъ его.

II.

Описаніе сеанса, даннаго миссисъ Эсперансъ 11-го декабря 1893 года въ Гельсингфорсѣ, на которомъ явленіе частичной дематеріализаціи тѣла медіума было удостовѣрено зрѣніемъ и осязаніемъ.

Миссисъ Е. д'Эсперансъ, послѣ своего посѣщенія Гельсингфорса въ ноябрѣ 1893 года, была такъ добра, пріѣхала ко мнѣ на пять дней, въ продолженіе которыхъ дала два сеанса къ полному удовольствію присутство-

вавшихъ на нихъ лицъ. Возвращаясь въ Швецію, она остановилась еще на два дня въ Гельсингфорсѣ, откуда я получилъ отъ нея слѣдующее письмо:

«12-го декабря 1893, Гельсингфорсъ.

«Вчера вечеромъ у насъ былъ сеансъ, хотя я и не чувствовала себя особенно къ тому расположенной, но я боялась отложить его на сегодня, такъ какъ мнѣ предстояло нѣсколько мелкихъ дѣлъ и я, вѣроятно, была бы еще менѣе годна для сеанса.

«Сеансъ происходилъ въ домѣ инженера Сейлинга; кружокъ состоялъ, кажется, изъ четырнадцати человѣкъ. Явленія были настолько замѣчательны, что, я полагаю, вы не безъ интереса о нихъ узнаете, почему и просила г. Сейлинга и генерала Топпеліуса послать вамъ ихъ описаніе, хотя бы и краткое, что они мнѣ и обѣщали.

«Особенность сеанса заключалась въ томъ, что половина моего тѣла совершенно исчезла, и я только случайно открыла это. У меня болѣла голова, или, лучше сказать, нижняя часть затылка, и я закинула обѣ руки за голову, что нѣсколько облегчало боль, но руки утомились отъ этого неестественнаго положенія, и я опустила ихъ на колѣни, и вдругъ убѣдилась, что у меня нѣтъ колѣнъ и мои руки упали на мой стулъ. Это меня нѣсколько испугало; мнѣ хотѣлось удостовѣриться, такъ ли это въ дѣйствительности или только иллюзія. Свѣта было достаточно и я обратила вниманіе моего ближайшаго сосѣда на это странное обстоятельство. Онъ и еще четверо другихъ изслѣдовали мой стулъ и подтвердили фактъ, что дѣйствительно существовала только верхняя половина моего тѣла; стулъ оказался пустымъ за исключеніемъ лежавшаго на немъ моего платья; руки, плечи, грудь все было какъ слѣдуетъ и находилось надъ си-

дѣньемъ стула. Я могла говорить, двигать головою и руками, пить воду и даже чувствовать мои ноги и колѣна, какъ обыкновенно, хотя ихъ тутъ не было.

«Все время показывались разныя фигуры и руки различной величины и формы дотрогивались до сидѣвшихъ вблизи кабинета. Продолжалось это, я думаю, около часа послѣ того, какъ я замѣтила свое особенное состояніе, время совершенно достаточное для всякихъ изслѣдованій и даже слишкомъ долгое для меня лично, такъ что я начала сильно безпокоиться, вернутся-ли ко мнѣ когда-нибудь мои ноги.

«Вотъ вамъ краткій разсказъ о томъ, что случилось, но я надѣюсь, что найдется кто-нибудь, кто пошлетъ вамъ подробный отчетъ».

Зная автора этого письма за личность вполнѣ правдивую, я не имѣлъ причины усумниться въ ея словахъ и тотчасъ-же понялъ громадное значеніе этого факта съ точки зрѣнія какъ теоретической, такъ и феноменальной. Но все-таки главнымъ образомъ требовалось узнать, какъ взглянули на него очевидцы, считаютъ-ли возможнымъ подтвердить его своимъ свидѣтельствомъ и окажется-ли свидѣтельство ихъ достаточнымъ для твердаго установленія этого необычайнаго, можно сказать, сказочнаго факта. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ обѣщанныя подробности и съ какимъ удовольствіемъ получилъ три показанія, любезно доставленныя мнѣ генераломъ Топпеліусомъ. Помѣщаю ихъ здѣсь на первомъ мѣстѣ.

1. Показаніе г-жи Вѣры Ельтъ.

Милостивый государь. Согласно желанію миссисъ Е. д'Эсперансъ, спѣшу сообщить вамъ подробности послѣдняго сеанса, даннаго ею здѣсь 11-го декабря.

Сеансъ происходилъ у инженера Сейлинга. Обстановка была приблизительно та же, какъ и на предыдущихъ сеансахъ, съ тою только разницею, что въ комнатѣ было нѣсколько свѣтлѣе.

Вотъ что я видѣла.

До начала сеанса. Медiумъ вошелъ въ комнату при полномъ освѣщенiи и сѣлъ на довольно широкое мягкое кресло съ мягкой же спинкой, снялъ съ себя свою небольшую бѣлую шаль, которою въ предыдущiе сеансы покрывалъ себѣ плечи, такъ какъ комната тогда была обширнѣе и холоднѣе. Позднѣе миссисъ Е. предложила употребить шаль для уменьшенiя свѣта въ комнатѣ, что и было исполнено. Сняла съ себя перчатки и положила въ карманъ. До начала главныхъ явленiй она ничего не вынимала изъ кармана, даже носового платка. Я обратила на все это особенное вниманiе, потому что послѣ предыдущихъ сеансовъ возникалъ вопросъ: не служитъ-ли шаль къ чему-нибудь для матерiализацiи, также какъ и перчатки, которыя могли-бы сойти за руки, если ихъ сложить на бѣлой шали, пока медiумъ, въ роли духа, будетъ прогуливаться по комнатѣ или по кабинету. При легкомъ движенiи медiума, когда онъ опускалъ перчатки въ карманъ, я услыхала исходящiй оттуда звукъ не то ключей, не то мелкихъ денегъ. Я намѣревалась быть постоянно на-сторожѣ и тщательно прислушиваться, не потворится-ли этотъ звукъ въ продолженiе сеанса, такъ какъ кто-то изъ кружка выразилъ предположенiе о возможности обмана со стороны медiума. Мнѣ же казалось невозможнымъ, чтобы онъ могъ двигаться, не производя того же звука, и подумалось, на сколько было бы неосторожно со стороны лица, готовящагося къ обману, носить въ карманѣ звучащiе предметы. Въ продолженiе сеанса я, однако, не слыхала никакого подобнаго звука.

До начала сеанса я замѣтила еще, что медіумъ закидывалъ руки за голову и съ видимымъ утомленіемъ потягивался, опираясь затылкомъ на руки. Движеніе это, замѣченное мною пока въ комнатѣ было еще совсѣмъ свѣтло, показалось мнѣ совершенно естественнымъ, слѣдствіемъ усталости послѣ ночи, проведенной въ вагонѣ при возвращеніи изъ Петербурга.

б) *Во время сеанса.* Сеансъ начался. Въ кружкѣ, состоявшемъ изъ пятнадцати человѣкъ, я занимала третье отъ медіума мѣсто съ правой стороны, мѣсто очень выгодное. Медіумъ находился передъ мною подъ угломъ 45°, верхняя часть его тѣла ясно вырисовывалась въ полу-профиль на бѣлой сторкѣ, спущенной на одномъ изъ оконъ. Я сидѣла такъ близко къ медіуму, что отлично его видѣла въ его свѣтломъ туалетѣ, также какъ и руки его и ноги, нѣсколько вытянутыя впередъ и закинутыя одна на другую. Слѣдовательно я могла, лишь нѣсколько нагнувшись впередъ, отлично все слышать и видѣть всѣ его движенія.

Ждали мы недолго. Рука по локоть вмѣстѣ съ кистью высунулась изъ кабинета со стороны противоположной отъ той, гдѣ я сидѣла. На бѣломъ фонѣ сторы я могла слѣдить за каждымъ движеніемъ тонкихъ красивыхъ пальцевъ, видимо, женской руки. Отъ запястья въ видѣ длиннаго рукава висѣлъ кусокъ прозрачной ткани въ родѣ газа, сквозь которую стора виднѣлась не совсѣмъ ясно; ткань казалась темнѣе ея. Нѣсколько разъ рука эта протягивалась и пожимала руки близъ сидѣвшихъ членовъ кружка, а потомъ исчезла въ кабинетѣ. Не много спустя съ той же стороны появилась свѣтящаяся фигура и протянула руку сидѣвшимъ по сосѣдству [1]).

---

[1]) См. ниже — показанія г. Сейлинга и Таваширна. *А. А.*

Воспроизведенный сеансъ II декабря 1893 г.-Рис. 2.

Одинъ изъ членовъ кружка г. Сейлингъ подалъ фигурѣ ножницы и попросилъ ее отрѣзать кусочекъ отъ своего вуаля. Фигура взяла ихъ и унесла въ кабинетъ. Нѣсколько минутъ спустя она возвратилась и отдала ножницы г. Сейлингу, который, выразивъ сожалѣніе, что не получилъ ткани, попросилъ позволенія самому отрѣзать отъ нея, что и было ему разрѣшено. Я ясно слышала звукъ ножницъ, рѣжущихъ ткань, и вслѣдъ затѣмъ г. Сейлингъ сказалъ: «получилъ, вотъ она» [1]). Пока происходили явленія, я все время отчетливо видѣла медіума и его руки. Однажды онъ нагнулся впередъ и повернулъ голову по направленію къ фигурѣ, вѣроятно, чтобы тоже разсмотрѣть ее [2]).

Послѣ того нѣчто свѣтящееся показалось между занавѣсками посрединѣ кабинета, имѣвшее видъ какъ будто фигуры, стоявшей за кресломъ медіума, который при этомъ вздохнулъ однимъ изъ своихъ глубокихъ, тяжелыхъ вздоховъ, какіе часто вырываются у него на сеансахъ. Вздохъ этотъ указывалъ на тяжелое ощущеніе. Затѣмъ медіумъ сказалъ: «кто-то изъ кабинета тронулъ меня сзади, я это ясно чувствовала» [3]). Явленіе исчезло. Одинъ изъ членовъ кружка попросилъ медіума взять въ руки карандашъ и бумагу на случай, если «духи» захотятъ сообщить намъ что либо относительно обстановки сеанса или что другое въ этомъ родѣ. Медіумъ,

---

[1]) См. ниже — отчетъ г. Сейлинга. *А. А.*

[2]) Фотографія № 2. На приложенномъ здѣсь фототипномъ оттискѣ съ этой фотографіи г-жа Ельтъ, занявшая мѣсто медіума, оборачивается, чтобы увидать появившуюся *правую* руку; на фонѣ занавѣски обрисовывается контуръ бюста и головы «медіума». Правѣе сидятъ г. Сейлингъ и г-жа Сейлингъ.

[3]) Г-жа Ельтъ говорила мнѣ, что видѣла въ среднемъ разрѣзѣ позади медіума какъ будто фигуру и руку, дотронувшуюся до плеча. См. ниже письмо г-жи Ельтъ. *А. А.*

повидимому, не желая брать бумаги, сказалъ: «Можетъ быть не стоитъ утруждать ихъ писаньемъ, лучше подождемъ». Но просьбу повторили и подали карандашъ и бумагу, которые медіумъ взялъ со словами: «Хорошо, я могу подержать ихъ, увидимъ, что изъ этого выйдетъ».

Въ эту минуту я ясно видѣла медіума, державшаго одной рукой бумагу, положивъ на нее и другую руку. Въ боковой разрѣзъ съ моей стороны нѣсколько разъ показывалась рука; сидѣвшіе возлѣ пожимали ее, я же взяла длинную ткань, висѣвшую у руки на подобіе рукава, и тщательно ее ощупала. Ткань показалась мнѣ нѣсколько сыроватой и очень тонкой, а рука бо́льшаго размѣра, чѣмъ всѣ тѣ, которыя я видѣла до тѣхъ поръ.

Вскорѣ въ томъ же боковомъ разрѣзѣ съ нашей стороны показалась высокая свѣтящаяся фигура. Она, повидимому, хотѣла выйти изъ кабинета, сдѣлала шагъ впередъ, но тотчасъ же скрылась [1]). Вслѣдъ затѣмъ мы увидали свѣтящуюся руку, показывавшуюся изъ кабинета въ то же боковое отверстіе; съ значительной вышины она медленно опускалась по направленію къ рукѣ медіума [2]), и какъ только достигла до нея, движеніемъ, быстрымъ какъ молнія, выхватила карандашъ и бумагу и унесла ихъ въ кабинетъ. Тогда намъ ясно послышалось, какъ тамъ мяли и разрывали на двое бумагу

[1]) Въ эту минуту г-жа Ельтъ очень ясно видѣла медіума и фигуру, голова которой показалась внѣ кабинета, и посмотрѣла на медіума и на бумагу, находившуюся въ его рукахъ. *А. А.*

[2]) Фотографія № 1. На приложенномъ здѣсь съ нея фототипномъ оттискѣ г-жа Сейлингъ изображена сидящей на мѣстѣ медіума, одѣтая въ такое же точно платье, въ какое одѣта была г-жа д'Эсперансъ; она держитъ въ рукахъ бумагу и карандашъ, которые рука высунувшаяся изъ кабинета намѣревается у нея взять; справа сидитъ г. Сейлингъ, слѣва г-жа Тавашерна; г-жа Ельтъ воспроизводитъ появленіе руки.

Воспроизведенный сеансъ II декабря 1893 г.-Рис. 1.

послѣ чего рука вышла опять и подала капитану Топпеліусу оба клочка бумаги, но безъ карандаша; онъ же передалъ ихъ медіуму. Едва медіумъ взялъ ихъ, какъ свѣтящаяся рука также медленно спустилась къ нему и опять выхватила изъ его рукъ бумагу и унесла ее въ кабинетъ. Тотчасъ же послышался звукъ быстраго писанья карандашемъ по бумагѣ, и секунду спустя рука протянула ее изъ кабинета. Взялъ ее всѣхъ ближе сидѣвшій г. Топпеліусъ и собирался передать ее медіуму, когда рука (показавшаяся тутъ вся до плеча вмѣстѣ съ частью бюста) рѣшительно не допустила до этого, выхвативъ бумагу, она опять возвратила ее г. Топпеліусу очень многозначущимъ жестомъ, крѣпко прижавъ ее къ его груди. Такимъ образомъ, мы поняли, что написанное предназначено г. Топпеліусу. (По окончаніи сеанса мы прочли написанное: «Я помогу тебѣ» было написано по-шведски правильнымъ, четкимъ почеркомъ). Въ кабинетѣ не было ни стула, ни стола, на которыхъ можно бы было писать. Все это происходило очень быстро, но и очень отчетливо. Во время всѣхъ явленій я ясно видѣла медіума сидящимъ на своемъ мѣстѣ. Иногда онъ говорилъ съ нами, пока фигура была еще видима; такъ онъ посовѣтывалъ г. Топпеліусу положить бумажку въ карманъ, чтобы прочитать ее послѣ сеанса.

Изъ всего видѣннаго мною я не могла не заключить, что въ кабинетѣ работали, по крайней мѣрѣ, двѣ руки съ извѣстной физической силой и опредѣленно направленной волей. Руки эти не могли быть руками медіума, принадлежали онѣ фигурѣ, *стоявшей* возлѣ, позади *сидящаго* медіума, руки и тѣло котораго я видѣла и слышала его удивленный возгласъ: «О-го», когда у него вырвали изъ рукъ бумагу.

Послѣ того, какъ это произошло, я замѣтила, что въ

ожиданіи какого-либо слѣдующаго явленія, повидимому запаздывающаго, медіумъ, пользуясь пріостановкой для своего отдыха, опять заложилъ обѣ руки за голову, какъ онъ это дѣлалъ уже до начала сеанса. Пока онъ оставался въ этомъ положеніи, я имѣла время пожалѣть, что миссисъ Эс. такъ утомлялась тотчасъ послѣ дороги, и вмѣстѣ съ тѣмъ пожелать, чтобы болѣе отдаленныя отъ нея лица не перетолковали бы невыгодно для нея этотъ жестъ рукъ, закинутыхъ за голову, и ея потягиванія. *Издали возможно было перетолковать ихъ* [1]), *вблизи* же никакъ. Нѣсколько минутъ спустя руки медіума опустились на колѣни и я увидала, какъ Эс. начала ихъ ощупывать, видимо все болѣе и болѣе волнуясь. Мнѣ это показалось очень страннымъ. Я наклонилась впередъ и старалась всѣми силами понять, что случилось. Тутъ послышался глубокій вздохъ медіума, признакъ тяжелаго ощущенія. Прошло еще нѣсколько секундъ и онъ обратился къ своему ближайшему сосѣду съ лѣвой стороны, г. Сейлингу, со словами: «Дайте мнѣ вашу руку». Г. С. всталъ и протянулъ руку. «Ощупайте здѣсь», продолжалъ медіумъ. «Какая странность», сказалъ г. С., «я вижу миссисъ Эсперансъ, слышу, какъ она говоритъ, а ощупывая сидѣнье, нахожу его пустымъ, ее на немъ нѣтъ, тутъ только ея платье». Прикосновеніе, повидимому, причиняло медіуму сильную боль; несмотря на это, онъ пригласилъ еще нѣсколькихъ лицъ изслѣдовать его кресло. Взявъ руки г. Топпеліуса въ свои, м-съ Э. провела ими по всей верхней части своего тѣла до тѣхъ поръ, когда онъ вдругъ ощупалъ подушку стула. Г. Топпеліусъ нѣсколько разъ выражалъ свое изумленіе и испугъ громкими восклицаніями. Медіумъ допустилъ

---

[1]) Т. е. подумать, что медіумъ вставалъ съ своего мѣста.

пятерыхъ изъ присутствующихъ удостовѣриться въ необычайномъ явленіи, хотя несомнѣнно всякій разъ сильно страдалъ при этомъ. Не менѣе двухъ разъ онъ просилъ воды и пилъ съ лихорадочной торопливостью. Замѣтно было его волненіе, даже испугъ, а въ ожиданіи воды онъ нервно вздрагивалъ. *На бѣломъ фонѣ опущенной сторы* я *отчетливо* видѣла верхнюю часть тѣла медіума всякій разъ какъ онъ нагибался впередъ, или протягивая передъ собою руку, ощупью отыскивалъ руки лицъ, которыхъ онъ желалъ направить на изслѣдованіе себя и сидѣнья своего стула, Въ этихъ случаяхъ я видѣла не только переднюю часть его тѣла, но и спину, какъ она отдѣлялась на бѣломъ фонѣ сторы. Голова же вырисовывалась на ней такъ отчетливо, что я могла разсмотрѣть даже прическу. Я не помню, насколько верхняя часть тѣла продолжалась ниже таліи, но увѣрена, однако, что бюстъ не кончался таліей, а продолжался ниже. Видѣла я медіума все время *на одномъ уровнѣ съ собою,* что я считаю очень важнымъ. Однажды онъ нагнулся впередъ, какъ это обыкновенно дѣлается во время сильной боли. Верхняя часть его тѣла приняла тогда положеніе человѣка, сидящаго съ скрещенными на колѣняхъ руками и сильно нагнувшагося впередъ. Въ эту минуту онъ несомнѣнно для меня находился впереди кресельной спинки, и не могъ находиться позади ея, ибо спинка не допустила-бы его принять описанное мною положеніе. Юбки медіума продолжали висѣть, сохраняя свой прежній видъ во все время сеанса, суживаясь около ногъ. Мнѣ казалось, что онѣ какъ будто больше приминались по мѣрѣ того, какъ присутствующіе ихъ ощупывали.

Кто-то изъ кружка предложилъ прекратить сеансъ, если онъ такъ истощаетъ силы медіума, но миссисъ Э.

воспротивилась этому и просила продолжать, пока не вернутся къ ней ея ноги. Мы, конечно, продолжали сидѣть, я же не спускала глазъ съ нижней части тѣла медіума, чтобы видѣть, какъ возвратятся ноги [1]). Въ платьѣ миссисъ Э. не происходило ни малѣйшаго движенія, когда она сказала: «Теперь уже лучше» и нѣсколько минутъ спустя живо прибавила: «Ну, вотъ и вернулись!» Что же касается складокъ на платьѣ, то я видѣла, какъ онѣ, такъ сказать, наполнялись, а ноги, какъ-то для меня невѣдомо, явились опять лежащими одна на другой, въ томъ же положеніи, въ какомъ были до явленія [2]).

Пока явленіе происходило, общее вниманіе было приковано къ медіуму. Все время разговоры не прекращались то съ медіумомъ, то членовъ кружка между собою, которые волновались, мѣнялись мѣстами, ходили по комнатѣ и проч.

По прекращеніи явленія кабинетъ сдвинулся съ своего мѣста; тогда медіумъ, боясь, чтобы тотъ не упалъ на него, подвинулъ свое кресло впередъ. Пока она сидѣла такимъ образомъ въ отдаленіи отъ кабинета, я ясно видѣла его руки и ноги, кабинетъ же двигался нѣсколько разъ.

Желая убѣдиться въ нормальности моего сознанія во время всѣхъ сдѣланныхъ мною наблюденій, я попробовала заставить себя отвлечь мои мысли отъ происходившаго передо мною и направить ихъ на посторонніе сеансу предметы. Я хотѣла видѣть, послушаются-ли мысли моей волѣ, и вполнѣ въ этомъ успѣла. Въ силу этого факта, смѣю утверждать, что перечисленныя мною явленія, какъ ни казались они невозможными моему

---

[1]) Во все это время лицо г-жи Ельтъ находилось на разстояніи 6 дюймовъ отъ ногъ медіума. *А. А.*

[2]) Минуту ихъ исчезновенія г-жа Ельтъ не замѣтила. *А. А.*

разуму, — дѣйствительно происходили, и медіумъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, способствующаго къ проявленію или исчезновенію описанныхъ явленій.

3) *Послѣ сеанса* я имѣла случай разсмотрѣть отрѣзанный кусочекъ ткани, тонкой какъ газъ, напоминающей паутину, но болѣе частой и крѣпкой и не свѣтящейся въ темнотѣ. Изъ разговора съ медіумомъ я узнала, что происшедшее явленіе было новостью для самой миссисъ Эсперансъ; дотолѣ она *сама* не могла наблюдать и провѣрять свои дематеріализаціи, и была очень поражена, когда, опустивъ руки на колѣни, нашла свой стулъ пустымъ. Желая, чтобы другіе могли удостовѣрить этотъ фактъ, она попросила г. Сейлинга дотронуться до ея стула.

По словамъ г-жи Эсперансъ, она совершенно ясно и положительно чувствовала свои нижнія конечности на обычномъ мѣстѣ, но руки ея не могли ощущать ихъ. Остается прибавить, что не медіумъ сообщилъ о явленіи присутствующимъ, а г. Сейлингъ, прежде чѣмъ вернуться на свое мѣсто.

Вѣра Ельтъ.

Гельсингфорсъ. 3/15 декабря 1893 года.

Въ отвѣтъ на предложенные мною письменно г-жѣ Ельтъ вопросы для разъясненія нѣкоторыхъ пунктовъ, она отвѣтила мнѣ слѣдующее:

М. Г. «Вы желаете имѣть болѣе точное опредѣленіе, насколько была освѣщена сеансовая комната. Относительно свѣта должна сказать, что я все время ясно видѣла фигуру медіума, равно какъ и очертаніе его рукъ, вырисовывавшихся на свѣтломъ фонѣ его платья. Что же касается лица и прически, то я не могла видѣть ихъ

постоянно, съ той-же отчетливостью, такъ какъ медіумъ сидѣлъ около самаго кабинета съ очень темными занавѣсками, но всякій разъ, когда онъ перемѣнялъ позу и верхней частью тѣла нѣсколько нагибался впередъ, то голова его и лицо становились для меня очень ясны на свѣтломъ фонѣ описанныхъ мною въ предыдущемъ отчетѣ бѣлыхъ оконныхъ занавѣсей. Всякій разъ какъ онъ протягивалъ руку, я видѣла на томъ-же бѣломъ фонѣ не только движеніе его пальцевъ, но и то, когда онъ сжималъ имѣвшуюся у него въ рукѣ бумагу.

Съ удовольствіемъ узнала я сейчасъ, что вы собираетесь сами побывать въ Гельсингфорсѣ. Если вы этого пожелаете, я охотно исполню передъ вами роль медіума, т. е. буду готова *надѣть платье такого-же фасона, какое было на миссисъ Эсперансъ, и при томъ-же освѣщеніи продѣлать всѣ движенія и всѣ жесты, какіе я наблюдала у нея* въ тотъ вечеръ.

Тогда, надѣюсь, вамъ будетъ не трудно убѣдиться, какъ несправедливы инсинуаціи генерала Седергольма [1]). Занимаемое мною во время сеанса мѣсто было таково, что даетъ мнѣ право утвердительно говорить о самыхъ мелкихъ подробностяхъ происходившаго, тѣмъ болѣе, что зрѣніе какъ мое, такъ и моей подруги, m-elle Таваширна, особенно остро. И я положительно утверждаю, что медіуму не было никакой возможности прибѣгать къ обману безъ того, чтобы я этого не замѣтила.

Миссисъ Э. во время явленія по меньшей мѣрѣ два раза просила воды, которую подавали ей гг. Сейлингъ и Герцбергъ.

Вы спрашиваете объясненія слѣдующаго моего выраженія: «что касается складокъ на платьѣ, то я, такъ сказать, видѣла какъ онѣ наполнялись» и т. д.

---

[1]) Объ этомъ будетъ сказано ниже. *А. А.*

Само собою понятно, что складки не могли во все продолженіе сеанса оставаться одинаково гладкими, и необходимо были измяты отъ изслѣдованія сидѣнія руками столькихъ лицъ, а затѣмъ, когда явленіе прекратилось, то юбки снова наполнились. «И незамѣтно для меня, ноги опять появились въ своемъ прежнемъ положеніи, одна на другой»,— это послѣднее относится собственно къ носкамъ башмаковъ.

Вы спрашиваете еще: «Нельзя-ли предположить, что медіумъ держалъ ноги спрятанными подъ своими юбками?» Пожалуй, предположимъ, но въ такомъ случаѣ, при возвращеніи ногъ на мѣсто, неизбѣжно движеніе бедеръ, которое я не могла-бы не замѣтить, ибо, боясь проглядѣть, какъ это совершится, произойдетъ-ли при этомъ какое-нибудь боковое движеніе, я не спускала глазъ съ того мѣста, гдѣ должны были появиться бедра.

Если вы пріѣдете въ Гельсингфорсъ, я могу примѣрно показать вамъ все это, и вы сами поймете, почему я не допускаю такой возможности. Немного ранѣе, т. е. за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ общее вниманіе обратилось на дематеріализацію, медіумъ вытянулъ ноги впередъ, причемъ уже явилась невозможность, отодвигая ихъ назадъ, избѣгнуть движенія бедеръ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, никакъ не удалось этого сдѣлать, хотя я много разъ это пробовала и всячески старалась».

Вѣра Ельтъ.

Показаніе штабсъ-капитана Густава Топпеліусъ [1]).

... Вслѣдъ за нѣкоторыми другими лицами и мнѣ, нижеподписавшемуся, дозволено было подойти къ медіуму

[1]) Показаніе это, написанное по-русски, помѣщается въ подлинникѣ.

для изслѣдованія. Миссисъ Эсперансъ взяла мои руки и стала водить ими, начиная отъ своихъ плечъ, внизъ, по обоимъ бокамъ, когда я, вдругъ, вмѣсто продолженія тѣла, ощутилъ пустоту; затѣмъ она провела моими руками по всему сидѣнью, вплоть до спинки стула, причемъ, кромѣ ея платья, я ничего не ощущалъ. Промежутокъ между туловищемъ медіума и сидѣньемъ стула былъ довольно малъ.

Мнѣ показалось, что медіумъ все время сильно волновался. На болѣе подробное изслѣдованіе описаннаго явленія я не рѣшился и вернулся на свое мѣсто.

Густавъ Густавовичъ Топпеліусъ, штабсъ-капитанъ.

Гельсингфорсъ, 3/15 декабря 1893 года.

Показаніе профессора Сейлинга [1]).

Письмо А. Н. Аксакову, въ С.-Петербургъ.

Милостивый Государь.

Если, не будучи лично съ вами знакомымъ, я позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ этимъ объясненіемъ, то лишь по желанію хорошо знакомой вамъ миссисъ Эсперансъ, въ убѣжденіи, что содержаніе этого письма должно въ высшей степени интересовать васъ.

На сеансѣ съ миссисъ Эсперансъ, состоявшемся 11-го декабря текущаго года въ моей квартирѣ, между прочими явленіями, произошло слѣдующее. Сеансъ, продолжавшійся около двухъ съ половиной часовъ, подходилъ уже къ концу, когда м-съ Эсп., возлѣ которой я сидѣлъ первымъ около кабинета съ лѣвой стороны, обратилась ко мнѣ съ просьбой ощупать сидѣнье ея стула, и при этомъ допустить ее направлять мою руку своею. Къ

[1]) Профессоръ механической технологіи, общаго машиновѣдѣнія и кинематики при гельсингфорскомъ политехникумѣ.

моему великому изумленію, когда я подошелъ къ ней и она провела моею рукою *по всему сидѣнью*, я не ощутилъ на немъ присутствія нижней части ея тѣла, а только видѣлъ и ощущалъ лежащее на стулѣ платье. Вернувшись на свое мѣсто, я не менѣе четверти часа видѣлъ м-съ Эсп., сидящей на стулѣ безъ нижней части тѣла, такъ что платье свѣшивалось съ сидѣнья подъ прямымъ угломъ. Чтобы дать другому господину, сидѣвшему ближе къ серединѣ кружка, возможность лучше наблюдать явленіе, я перемѣнился съ нимъ мѣстами вслѣдствіе чего я не могъ такъ хорошо слѣдить за возвращеніемъ исчезнувшей части тѣла, какъ сидѣвшіе ближе по сторонамъ. Къ послѣднимъ принадлежала моя жена, которая говоритъ, что ясно видѣла какъ формы нижнихъ оконечностей медіума постепенно принимали нормальный видъ.

Считаю не лишнимъ упомянуть, что, сколько мнѣ помнится, м-съ Эсп. въ этомъ состояніи два раза пила воду.

Освѣщеніе было настолько удовлетворительно, что всѣ пятнадцать человѣкъ, сидѣвшіе полукругомъ, могли видѣть медіума.

Впослѣдствіи, на мои разспросы, почему ея рука должна была направлять мою при ощупываніи сидѣнья, м-съ Э. объяснила, что при одной мысли о возможности движенія ея стула, у нея выступалъ на лбу холодный потъ ужаса, такъ какъ въ случаѣ чего-либо подобнаго при ощупываніи стула она, вѣроятно, сильно-бы пострадала.

Мой общій отчетъ о гельсингфорскихъ сеансахъ появится въ журналѣ «Uebersinnliche Welt» [1]).

Примите и проч.

Максъ Сейлингъ.

Гельсингфорсъ, $^{4}/_{16}$ декабря 1893 года.

---

[1]) Онъ былъ напечатанъ въ январскомъ и февральскомъ выпускѣ журнала 1894 года.

Въ отвѣтъ на предложенные мною письменно г. Сейлингу вопросы по пунктамъ, онъ написалъ мнѣ слѣдующее.

1) Верхняя часть тѣла г-жи Э. не всегда находилась въ прямомъ положеніи, но иногда нагибалась впередъ, именно во время ощупыванія сидѣнья присутствующими. Уже тутъ я понялъ, что находись нижняя часть тѣла медіума позади ея стула или возлѣ него, верхняя его часть никакъ не могла-бы принимать то прямое нормальное положеніе, въ какомъ я не разъ наблюдалъ его сперва съ боку, а потомъ, перемѣнивъ мѣсто, болѣе спереди.

2) Я ровно ничего не ожидалъ, когда г-жа Э. подозвала меня къ себѣ и сказала: «Г. С., дайте мнѣ вашу руку и ощупайте мой стулъ». Только исполнивъ ея желаніе, я понялъ, зачѣмъ это потребовалось. Стало быть невозможно объяснить это явленіе внушенной галлюцинаціей.

3) У меня невольно вырвалось восклицанье: «Г-жа Э. не сидитъ на стулѣ, на немъ лежитъ только ея платье» — потому что въ эту минуту я на стулѣ не находилъ слѣдовъ ея тѣла. Считаю лишнимъ подчеркивать, что я въ то же самое время ясно видѣлъ *всю* верхнюю часть ея тѣла надъ сидѣньемъ, что видѣлъ и каждый присутствующій, по крайней мѣрѣ изъ близко сидѣвшихъ. Я-же и говорилъ съ г-жею Э.

4) Господинъ, съ которымъ я помѣнялся мѣстами, былъ д-ръ Рафаель Герцбергъ; я ѣздилъ къ нему, чтобы передать ему вашу просьбу прислать свое показаніе, но, не заставъ его дома, оставилъ ему записку.

5) Показаніе моей жены при семъ прилагаю.

6) Воду г-жи Э. въ первый разъ подавалъ я, а во-второй — д-ръ Герцбергъ. Когда я подошелъ къ ней во

второй разъ съ стаканомъ воды, она выглядѣла приблизительно также, какъ и въ первый разъ, когда я ощупывалъ ея стулъ.

7) Объясненіе генерала Седергольма чистая фантазія. Я говорю «фантазія» потому, что въ упоминаемомъ сеансѣ онъ сидѣлъ слишкомъ далеко, и сверхъ того, недостаточно хорошо видитъ, чтобы наблюденія его могли быть правильны. Почему ему могло показаться, что миссисъ Э. находилась нѣсколько выше обычнаго положенія человѣка, сидящаго на стулѣ, объясняетъ въ своемъ отчетѣ г-жа Ельтъ. На вопросы ваши, касающіеся этого пункта, я отвѣчаю слѣдующее:

8) Разъ установленное освѣщеніе комнаты оставалось все время приблизительно одно и тоже. Что м-съ Э., несмотря на это, все-таки могла сдѣлать нѣкоторыя движенія, весьма вѣроятно, ибо никто не ожидалъ наступившаго явленія и не былъ къ нему приготовленъ. Но совершенно *невозможно*, чтобы она вернулась незамѣтнымъ образомъ на стулъ, если бы стояла позади его, какъ утверждаетъ это генералъ Седергольмъ.

9) Стулъ стоялъ такъ близко къ кабинетнымъ занавѣскамъ, что свободнаго пространства между ними и стуломъ совсѣмъ не было. Но я все-таки совершенно ясно видѣлъ, что стулъ и кабинетъ составляли нѣчто отдѣльное. Главными доводами противъ объясненія генерала Седергольма служатъ: во-первыхъ, естественное положеніе на стулѣ верхней части тѣла медіума, а во-вторыхъ вышеприведенное указаніе на невозможность вернуться на стулъ.

10) Насколько я знаю, капитанъ Топпеліусъ ощупывалъ верхнюю часть тѣла, но ни я, ни д-ръ Герцбергъ этого не дѣлали.

Примите и проч.

Максъ Сейлингъ.

Показаніе г-жи Елены Сейлингъ.

На сеансѣ, происходившемъ въ нашей квартирѣ 11-го декабря 1893 года, по тѣснотѣ помѣщенія, для меня не хватило мѣста въ полукругѣ присутствующихъ, и я сѣла справа отъ медіума, за полукругомъ между первымъ и вторымъ мѣстомъ. Видѣла я очень хорошо, тѣмъ болѣе, что сидѣвшіе на этихъ мѣстахъ любезно раздвинулись, чтобы не мѣшать мнѣ.

Такъ какъ я совсѣмъ не была приготовлена къ явленію частичной дематеріализаціи миссисъ Е., то и не замѣтила исчезновенія нижней части ея тѣла; ее же самое все время видѣла сидящей на стулѣ. Но какъ только восклицаніе моего мужа, первымъ изслѣдовавшаго сидѣнье, обратило мое вниманіе, я уже не спускала глазъ съ м-съ Э. и могу засвидѣтельствовать, что въ продолженіе, по меньшей мѣрѣ, четверти часа колѣней и ногъ ея не было видно, а платье, лежавшее на стулѣ, спускалось съ него подъ прямымъ угломъ *и доставало до полу*.

Такъ какъ все мое вниманіе было обращено на дальнѣйшее теченіе этого чудеснаго явленія, то я хорошо видѣла, какъ контуръ платья все болѣе и болѣе обозначался и оно постепенно, такъ сказать, наполнялось, пока не приняло вполнѣ нормальнаго вида. Въ продолженіе всего этого времени я видѣла верхнюю часть тѣла м-съ Э. въ обыкновенномъ положеніи сидящаго человѣка, иногда нѣсколько нагнувшимся впередъ и слегка отдѣлившимся отъ спинки, видѣла, какъ она брала стаканъ и пила воду, и слышала, какъ она разговаривала.

Елена Сейлингъ.

Показаніе г-жи Тавашерна

(дочери покойнаго генерала Карла Іоганна Тавашерна).

Письмо къ А. Н. Аксакову.

Гельсингфорсъ $^{3}/_{14}$ апрѣля 1894 года.

Милостивый государь! Наконецъ, я могу переслать вамъ мое обѣщанное показаніе. Мнѣ очень жаль, что я заставила васъ такъ долго ждать его. Единственнымъ мнѣ извиненіемъ служитъ, что послѣ вашего отъѣзда изъ Гельсингфорса я была два раза больна.

Перехожу къ сеансу.

Весьма подробное описаніе внѣшней стороны его вы имѣете въ показаніи г-жи Ельтъ и повторять его я не буду. Что касается лично меня, я могу только прибавить, что въ послѣдній сеансъ, данный намъ м-съ Эсперансъ въ Гельсингфорсѣ, мнѣ удалось получить прекрасное мѣсто, съ котораго я могла отлично *наблюдать за медіумомъ*. Я занимала второй стулъ по лѣвой сторонѣ отъ медіума, а такъ какъ въ кружкѣ сидѣли весьма тѣсно, то колѣни мои находились на разстояніи сантиметровъ тридцати отъ колѣнъ медіума. Благодаря такому близкому сосѣдству, а также и достаточному освѣщенію (сосѣдъ мой съ правой стороны ясно видѣлъ положеніе стрѣлокъ на своихъ карманныхъ часахъ), я могла слѣдить за каждымъ движеніемъ медіума. Ни минуты не упускала я его изъ виду и утверждаю, что ему невозможно было встать съ мѣста безъ того, чтобы я этого не замѣтила. Считаю нужнымъ при этомъ заявить, что я не принадлежу къ числу лицъ, готовыхъ просто «вѣрить», но что я все время относилась ко всему критически.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, перейду къ явленіямъ, которыхъ я была свидѣтельницей на по-

слѣднемъ сеансѣ. Послѣ недолгаго ожиданія, въ отверстіи кабинета съ моей стороны показалась рука. Сосѣдъ мой справа—г. Сейлингъ, занимавшій первое мѣсто около медіума, пожавъ эту руку, тотчасъ-же скрывшуюся за занавѣской, сказалъ: «Здѣсь женская фигура, желающая подать вамъ руку». Послѣ чего рука появилась снова и сосѣдъ, быстро схвативъ мою руку, вложилъ ее въ руку появившуюся въ разрѣзѣ занавѣси. Рука оказалась довольно холодной и влажной, но пожатіе, которымъ она привѣтствовала мою руку, было дружеское.

Черезъ нѣсколько времени драпировки снова распахнулись съ моей стороны и я увидала высокую свѣтящуюся фугуру, стоявшую неподвижно въ образовавшемся отверстіи. Я протянула ей руку и почувствовала, какъ моя рука была охвачена другой, гораздо большей, нежели та, которую я пожимала нѣсколько минутъ тому назадъ. Пальцы показались мнѣ сперва нѣсколько одеревенѣлыми (raide), какъ-бы у очень стараго человѣка, но когда наши руки окончательно встрѣтились, я почувствовала такое живое и дружеское рукопожатіе, какое мнѣ рѣдко приходилось испытывать. Все это время я видѣла медіума спокойно сидѣвшимъ на своемъ стулѣ, на шагъ разстоянія отъ меня. Здѣсь я должна обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, что обѣ руки, которыя я пожимала съ лѣвой стороны медіума, на значительной высотѣ драпировокъ кабинета, *были правыя руки*, очевидное доказательство того, что я имѣла дѣло не съ рукою медіуму. Г. Сейлингъ, сидѣвшій первымъ слѣва около кабинета, взялъ ножницы и спросилъ фигуру, не пожелаетъ-ли она дать ему кусочекъ своего одѣянія. Фигура взяла ножницы и скрылась съ ними за драпировку кабинета, откуда послышался звукъ, какъ будто что-то разрѣзываютъ. Спустя нѣсколько минутъ

она появилась снова и протянула ножницы г-ну Сейлингу, который, не получивъ желаемаго, остался недоволенъ и сказалъ фигурѣ: «Но я, вѣдь, не получилъ кусочка вашего одѣянія». Тогда фигура взяла край своей одежды и поднесла г-ну Сейлингу, который отрѣзалъ отъ нея кусочекъ. Мы разсматривали послѣ сеанса эту матерію и любовались красотой и тонкостью ткани.

Было еще нѣсколько явленій, съ противоположной стороны кабинета, но такъ какъ я видѣла ихъ не совсѣмъ ясно, то и не буду о нихъ говорить, и я перейду къ дематеріализаціи, ибо, еще разъ повторяю, съ моего мѣста я отлично видѣла все, что происходило съ медіумомъ. Не переставая ни на секунду наблюдать за нимъ, я стала слышать частые и тяжелые вздохи м-съ Эсперансъ, какъ если бы она очень страдала. Еще я замѣтила, что она не разъ приподымала свои юбки обѣими руками или шевелила ими, и должна сознаться, что это возбудило во мнѣ подозрѣніе. «Будемъ смотрѣть въ оба», сказала я себѣ, «она, пожалуй, собирается ускользнуть или сыграть съ нами какую-нибудь штуку». Чтобы лучше видѣть, я нагнулась впередъ и стала на нее смотрѣть на разстояніи нѣсколькихъ сантиметровъ. Въ ту же минуту я услыхала, какъ она сказала г-ну Сейлингу: «Подойдите ощупать мой стулъ». Онъ встаетъ и я вижу, какъ медіумъ беретъ одну изъ его рукъ. Сейчасъ вслѣдъ за тѣмъ г. С. говоритъ: «Странно, я вижу м-съ Эсперансъ, я слышу, какъ она говоритъ, но на стулѣ только одно платье». Съ перерывами въ нѣсколько минутъ м-съ Эсперансъ позволила еще четыремъ мужчинамъ ощупать стулъ. Въ продолженіе всего этого времени она, казалось, сильно страдала: вздыхала и раза два, если не больше просила пить. Я видѣла, какъ она брала стаканъ съ водой слышала, какъ она пила, и видѣла, какъ потомъ

возвращала стаканъ. Я замѣтила тоже, что въ то время какъ верхняя часть ея тѣла сохраняла свои очертанія, съ нижней его частью происходило что-то странное. Медіумъ передъ тѣмъ сидѣлъ вытянувъ ноги нѣсколько впередъ и мнѣ ясно были видны очертанія какъ колѣнъ, такъ и ногъ, но теперь юбки падали со стула подъ прямымъ угломъ, какъ будто подъ ними ничего не было. Продолжалось это приблизительно минутъ пятнадцать, послѣ чего я увидала, что юбки снова вздулись, хотя не могу сказать, какъ это произошло, и я услышала, какъ медіумъ сказалъ: «Теперь мнѣ лучше. Ноги вернулись».

Среди лицъ, присутствовавшихъ на этомъ сеансѣ и сидѣвшихъ на мѣстахъ, болѣе отдаленныхъ отъ кабинета, нѣкоторыя утверждаютъ, что медіумъ, чтобы продѣлать это, или всталъ позади стула или сдвинулъ ноги въ одну сторону стула. Что-же касается меня, то я могу завѣрить, что медіуму было положительно невозможно продѣлать ни того, ни другого, ибо, какъ я уже говорила, кружокъ былъ такъ тѣсенъ, что когда сидѣвшіе подлѣ медіума мужчины подходили ощупывать его стулъ, они непремѣнно дожны были-бы споткнуться на его ноги, еслибы онъ ихъ свѣсилъ по одну сторону стула. Притомъ, освѣщеніе было вполнѣ достаточное и я сидѣла довольно близко къ миссисъ Э., чтобы видѣть, если-бъ она, въ своемъ почти бѣломъ платьѣ, встала-бы или перемѣнила положеніе. Тому-же, кто-бы высказалъ предположеніе, что я, можетъ быть, была загипнотизирована, я отвѣчу, что будь это дѣйствительно такъ, въ моемъ умѣ не могло-бы появляться во время сеанса никакихъ сомнѣній.

Примите и пр.

Фанни Таватерна.

Дополненіе. Въ отвѣтъ на мой вопросъ объ ея отношеніи къ спиритизму до послѣдняго времени, г-жа Тавашерна отвѣтила слѣдующее:

...Въ отвѣтъ на сдѣланный мнѣ вами вопросъ я имѣю сказать очень мало. Я почти ничего не знала о спиритизмѣ до сеансовъ съ миссисъ Эсперансъ. Читать о спиритизмѣ мнѣ почти вовсе не приходилось и я не знала, что существуетъ такая обширная и интересная литература по этому предмету. Кое что слышала я о немъ отъ сестры моей, состоящей членомъ общества психическихъ изслѣдованій въ Стокгольмѣ, и отъ г-жи Ельтъ, которая годъ тому назадъ присутствовала на нѣкоторыхъ сеансахъ вышепоименнованнаго общества. Вопросъ этотъ меня живо интересовалъ и мнѣ очень хотѣлось поближе съ нимъ познакомиться и я была, конечно, чрезвычайно довольна, когда мнѣ удалось попасть на сеансы миссисъ Эсперансъ.

Ф. Тавашерна.

Гельсингфорсъ $^{8}/_{20}$ апрѣля 1894 г.

Показаніе генерала Топпеліуса [1]).

По возвращеніи г-жи Эсперансъ изъ Петербурга, она опять остановилась у меня въ домѣ, и когда рѣчь зашла о слѣдующемъ сеансѣ, я сказалъ ей, что, по моему мнѣнію, необходимо, чтобы онъ происходилъ при лучшемъ освѣщеніи, и тутъ я искренно высказалъ ей, что по поводу одного изъ ея сеансовъ, до отъѣзда въ Петербургъ,

---

[1]) Во время моего пребыванія въ Гельсингфорсѣ г-жа Топпеліусъ и обѣ дочери ея отсутствовали, но генералъ сказалъ мнѣ, что онѣ сидѣли слишкомъ далеко отъ медіума, для того чтобы подмѣтить что-либо особенное, такъ что его свидѣтельство вполнѣ замѣняетъ то, что онѣ могли бы сказать. *А. А.*

было выражено подозрѣніе, что она вставала съ своего мѣста, оставляя на немъ одно свое платье. Такое недовѣріе глубоко ее огорчило, но не вызвало съ ея стороны никакого возраженія.

Сеансъ происходилъ въ тотъ же вечеръ, 11-го декабря, въ домѣ г. Сейлинга, при свѣтѣ небольшой лампы, хорошо прикрытой, но все-таки дозволявшей ясно видѣть очертанія присутствующихъ и медіума. Такъ какъ я сидѣлъ въ отдаленномъ концѣ кружка, я недостаточно ясно видѣлъ, чтобы самому засвидѣтельствовать, съ требуемой точностью, всѣ поразительныя явленія, происходившія на этомъ сеансѣ. Я слышалъ то, что говорили и высказывали другіе по мѣрѣ своихъ наблюденій, и на основаніи сохранившихся во мнѣ впечатлѣній, признаю описаніе г-жи Ельтъ совершенно согласнымъ съ истиной, почему и спѣшу препроводить его вамъ. По моему мнѣнію, только одного не достаетъ въ немъ, именно не упомянуто, что въ концѣ сеанса миссисъ Э. находилась въ такомъ состояніи утомленія и упадка силъ, какого я никогда еще и ни у кого не видывалъ. На лицѣ ея и на всей фигурѣ выражалось такое истощеніе и страданіе, что нельзя было не почувствовать къ ней самой глубокой жалости. Она казалась совершенно уничтоженной. Если бы въ это время поставить ее на вѣсы, тѣло ея, вѣроятно, оказалось бы легче по крайней мѣрѣ килограммовъ на десять противъ ея обычнаго вѣса.

На слѣдующее утро дочь моя сообщила мнѣ, что когда мы вернулись съ сеанса, миссисъ Э. была такъ утомлена, что должна была тотчасъ же лечь въ постель, да и утромъ она чувствовала еще такую слабость, что не была въ состояніи заняться укладкою своего багажа; а такъ какъ она должна была уѣзжать въ тотъ же день, то уборкою ея туалетовъ и другихъ вещей пришлось

заняться моей дочери. Она воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы все тщательно разсмотрѣть и изслѣдовать, и не нашла во всемъ ея багажѣ ничего подозрительнаго: никакихъ слѣдовъ вуалей, масокъ или каучуковыхъ рукъ, какія многіе у нея предполагали.

Ж. Топпеліусъ.

Гельсингфорсъ, 5-го декабря 1893 года.

Показаніе д-ра Рафаэля Герцберга [1]).

Гельсингфорсъ, 18-го апрѣля 1894 года.

Милостивый государь!

Въ отвѣтъ на вопросы ваши относительно «дематеріализаціи», происшедшей на одномъ изъ здѣшнихъ сеансовъ, могу сообщить вамъ слѣдующее.

Прежде нежели миссисъ Эсперансъ обратила наше вниманіе на «дематеріализацію», я и мой сосѣдъ замѣтили, что нижняя часть ея платья особеннымъ образомъ—какъ казалось намъ, — расширяется. Г-жа Ельтъ сейчасъ сказала мнѣ, что принятое мною за расширеніе платья миссисъ Эсперансъ была независимая отъ нея легкая матеріализація, которая въ эту минуту расстилалась на подобіе тумана передъ медіумомъ. Г-жа Ельтъ не только сама ощупала это туманное явленіе и нашла его какъ бы покрытымъ какимъ-то вуалемъ, но и, взявъ руку своего сосѣда, направила ее къ наблюдавшемуся явленію, которое при этомъ отдалилось.

Когда вслѣдъ за тѣмъ началась «дематеріализація», миссисъ Эсперансъ подозвала меня къ себѣ, взяла обѣ мои руки и стала водить ими по сидѣнью стула [2]), на

---

[1]) Д-ръ философіи, писатель и предсѣдатель клуба литераторовъ въ Гельсингфорсѣ. *А. А.*

[2]) Во время моего свиданія въ Гельсингфорсѣ съ докторомъ

которомъ я видѣлъ и осязалъ лишь одно ея платье. Мнѣ были ясно видны верхняя часть ея туловища и ея руки, но я еще не успѣлъ вдуматься въ это явленіе, ни дать себѣ яснаго отчета объ отношеніи верхней части тѣла къ дальнѣйшему его продолженію, когда моему изслѣдованію помѣшалъ нетерпѣливый сочленъ, вынудившій меня своимъ стремительнымъ приближеніемъ вернуться на свое мѣсто. Немного позднѣе я занялъ, по желанію миссисъ Эсперансъ, ближайшій къ ней стулъ. Руки и верхняя часть ея тѣла были мнѣ видны совершенно ясно; лѣвой рукой она опиралась на сидѣнье своего стула и вскорѣ попросила дать ей стаканъ воды, что я тотчасъ же и исполнилъ. Повидимому, она крѣпко опиралась на руку, которая вся, начиная отъ плеча, дрожала отъ напряженія. Черезъ нѣсколько времени медіумъ живо схватилъ обѣими руками мою руку, которая все время лежала на сидѣньѣ его стула, и я замѣтилъ, что подушка немного подалась, какъ бываетъ, если кто сразу порывисто садится. Спустя нѣсколько минутъ миссисъ Э. позволила мнѣ себя ощупать и тѣло ея оказалось опять все на мѣстѣ.

Такъ какъ я, совершенно незнакомый съ спиритическими явленіями, держалъ себя пассивнымъ зрителемъ, особенно на этомъ сеансѣ, то и не изслѣдовалъ всего дѣла подробнѣе, почему и не могу сказать о немъ ничего болѣе.

Герцбергомъ, меня крайне интересовало узнать въ точности, какимъ образомъ онъ ощупалъ стулъ. На мою просьбу показать мнѣ это, онъ подошелъ къ стулу и провелъ руками по всему сидѣнью до самой спинки.

— «Какъ!»—воскликнулъ я,—«даже до самой спинки?»—«Точно такъ»,—отвѣчалъ онъ,—«до самой спинки, вотъ какъ я сейчасъ показалъ вамъ». *А. А.*

Попытки г-на Лённбома объяснить явленія, происходившія на сеансахъ,—ребячливы до смѣшного. Онъ высказывлетъ предположеніе, что миссисъ Эсперансъ орудовала гуттаперчевыми руками и куклами, и въ то же время заявляетъ, что не замѣтилъ ничего подозрительнаго и готовъ подтвердить это даже подъ присягой.

Примите и проч.

Рафаэль Герцбергъ.

P. S. Миссисъ Эсперансъ не держала моей руки, и, вѣроятно, хочетъ сказать [1]), что рука моя все время лежала на сидѣньѣ ея стула въ непосредственной близости отъ ея руки. Схвативъ мою руку, она нѣкоторое время судорожно сжимала ее какъ бы подъ вліяніемъ боли, но рука моя все время продолжала лежать на стулѣ. Поэтому позволю себѣ прибавить, что миссисъ Э. во время дематеріализаціи не стояла за своимъ стуломъ, какъ утверждаетъ это генералъ Седергольмъ.

Показаніе генерала Седергольма [2]).

«4-го декабря 1893 года г-жа Э. поѣхала въ Петербургъ и вернулась оттуда въ Гельсингфорсъ 11-го числа того же мѣсяца. Въ тотъ же вечеръ устроился частный сеансъ. Присутствовало на немъ шестнадцать человѣкъ. Медіумъ былъ въ свободномъ свѣтломъ платьѣ безъ таліи. Указанное мнѣ мѣсто находилось вдали отъ кабинета. Въ этотъ разъ я видѣлъ немного, только одну руку, которая нѣсколько разъ высовывалась изъ кабинета и дотрагивалась до плечъ и головы сидящихъ вблизи. Ширина кабинета не превышала полутора метра, такъ что,

[1]) См. ниже ея показаніе. *А. А.*

[2]) Взято изъ гельсингфорской газеты «Nya pressen», 343.

находясь по серединѣ, г-жа Э. могла, подъ прикрытіемъ занавѣски, свободно протягивать руку и слегка прикасаться пальцами къ своему ближайшему сосѣду, причемъ рука ея выше кисти могла быть не замѣчена. Нѣсколько позже г-жа Э. предложила нѣкоторымъ изъ присутствующихъ изслѣдовать стулъ, на которомъ она сидѣла. Стулъ оказался занятымъ фигурой безъ ногъ, но обладавшей руками и говорящей головой. Изслѣдовавшіе стулъ заявляли, что онъ былъ пустъ; подъ платьемъ не было тѣла. Какъ объяснить себѣ такое чудо, что человѣкъ безъ тѣла и безъ ногъ, словно висящій въ воздухѣ, въ состояніи говорить и трогать руки тѣхъ, которые ощупывали стулъ? Совершенно просто! Если вы, мои читательницы, надѣнете такую блузу, какая была на госпожѣ Э., встанете за стуломъ и платьемъ вашимъ прикроете его спинку, то вы можете произвести такое же чудо; ибо всякій, кто будетъ ощупывать стулъ, разумѣется въ темнотѣ, найдетъ его покрытымъ вашими юбками и платьемъ. Но гдѣ же тѣло? Оно исчезло, дематеріализовалось. Утверждать, что она стояла за спинкой стула не захочетъ никто изъ вѣрующихъ въ г-жу Э., вѣдь это значило бы не довѣрять ей и откровеніямъ ея духовъ.

Пусть читатель самъ выводитъ свое заключеніе; я же только привелъ факты, которыхъ самъ былъ свидѣтелемъ».

Примѣчаніе. Это все, что почтенный генералъ нашелъ сказать объ этомъ столь интересующемъ насъ сеансѣ 11-го декабря 1893 года. Намъ незачѣмъ на этомъ останавливаться, ибо что касается сеанса, генералъ упоминаетъ только о такихъ фактахъ, которыхъ онъ именно *не былъ свидѣтелемъ*. Вмѣсто фактовъ онъ высказываетъ одни предположенія, которыя мы и приняли къ свѣдѣнію.

Показанія самого медіума миссисъ Эсперансъ.

Я очень устала послѣ ночного путешествія изъ Петербурга и чувствовала сильную боль въ задней части шеи, въ то же время болѣла у меня и голова, что, какъ мнѣ говорили, указывало на начало инфлюэнцы.

Я пробовала отдохнуть днемъ, но не могла заснуть и намѣревалась отложить сеансъ, однако же подумала, что если у меня дѣйствительно начинается инфлюэнца, то врядъ ли мнѣ будетъ лучше на слѣдующій день, а послѣ завтра я уже собиралась ѣхать обратно домой, въ Готенбургъ, почему и рѣшила, что откладывать сеансъ безполезно.

Было уже довольно поздно, когда я пріѣхала къ Сейлингамъ, и всѣ члены кружка уже сидѣли на своихъ мѣстахъ.

Сеансовая комната освѣщалась лампою, стоявшей на боковомъ столикѣ, двери ея были настежъ отворены въ сосѣднее зало, гдѣ на потолкѣ висѣла затемненная лампа, а стоявшій тамъ рояль былъ близко придвинутъ къ дверямъ.

Генералъ Топпеліусъ сидѣлъ на правомъ концѣ полукруга, рядомъ съ устроеннымъ для сеанса кабинетомъ; возлѣ него г. Ленбомъ, а позади ихъ и отчасти между ними г-жа Сейлингъ. Слѣва первымъ возлѣ кабинета сидѣлъ г-нъ Сейлингъ. Какъ размѣстились другіе, я не замѣтила, помню только, что генералы Седергольмъ, Галиндо и докторъ Герцбергъ сидѣли противъ кабинета, всего дальше отъ него. Войдя въ комнату, я, почти ни съ кѣмъ не разговаривая, прямо сѣла на свое мѣсто передъ кабинетомъ, не заглянувъ въ него, какъ я обыкновенно это дѣлаю; я чувствовала себя слишкомъ усталой и нездоровой для бесѣды. Не мало было труда устроить освѣщеніе: поставили лампу (я думаю это была лампа,

хотя я ея не видала) въ нишу печки, которую закрыли красной или оранжевой бумагой.

Свѣтъ падалъ прямо на кабинетъ и безпокоилъ всѣхъ сидѣвшихъ къ нему лицомъ. Старались всячески смягчить его, наконецъ я предложила завѣсить отверстіе ниши моей свѣтлосѣрой кашемирой шалью, что и нашли подходящимъ. Когда все было приведено въ порядокъ, г-нъ Сейлингъ сыгралъ одну пьесу на роялѣ, если не ошибаюсь—это была серенада Вагнера. Во время музыки все стихло, послѣ чего Сейлингъ возвратился на свое мѣсто возлѣ меня, по лѣвую мою руку.

Я слышала движеніе внутри кабинета и видѣла, какъ за мною и надо мною стали появляться руки.

Эти руки, кажется, трогали сидящихъ ближе къ кабинету какъ справа, такъ и слѣва отъ меня. Видѣла я эти руки разъ или два, когда онѣ достаточно выдвигались впередъ; но изъ замѣчаній присутствующихъ я могла заключить, что онѣ появлялись уже и ранѣе.

Я сидѣла на разстояніи полуфута или даже далѣе отъ занавѣсокъ, спиною къ нимъ. Свѣта было на столько достаточно, что я могла видѣть и узнавать каждаго въ кружкѣ: тутъ я замѣтила, что капитанъ Топпеліусъ сидитъ седьмымъ или восьмымъ отъ меня по лѣвую мою руку и вспомнила, что онъ просилъ позволенія сѣсть рядомъ со мною; тогда я спросила генерала Топпеліуса, не согласится ли онъ перемѣниться съ нимъ мѣстами, что онъ тотчасъ же исполнилъ. Такимъ образомъ капитанъ Топпеліусъ сѣлъ рядомъ со мною по правую мою руку, и такъ близко, что когда я двигалась, то невольно дотрогивалась до него.

Послѣ этой перемѣны мѣстами явленія прекратились и кто-то предложилъ, чтобы я попробовала получить письменныя указанія, что намъ теперь дѣлать. Кто-то

далъ мнѣ листъ бумаги малаго формата и карандашъ, которые я и держала на колѣняхъ.

Пока я ихъ такъ держала, обнаженная рука съ большою кистью высунулась изъ кабинета надъ моей головой, опустилась ко мнѣ, схватила бумагу и карандашъ и исчезла съ ними за моей спиной въ кабинетѣ.

Я слышала, кккъ бумагой шелестили и какъ ее рвали и затѣмъ звукъ писанья. Послѣ того, изъ-за занавѣсокъ за моей спиной появилась рука и бросила карандашъ и половину бумаги ко мнѣ на колѣни, другая половина была вложена въ руку капитана Топпеліуса и рука опять исчезла.

Впослѣдствіи капитанъ Т. увидѣлъ, что ему было сдѣлано письменное сообщеніе на шведскомъ языкѣ. Кисть и рука появились гораздо выше нашихъ головъ, какъ будто онѣ принадлежали человѣку высокаго роста, стоящему за нами.

Занавѣски раздвигались много разъ и я видѣла тамъ нѣсколько фигуръ болѣе или менѣе матеріализованныхъ. Не думаю, чтобы онѣ выходили впередъ далѣе того мѣста, гдѣ я сидѣла, но, впрочемъ, я въ этомъ не увѣрена, такъ какъ большую часть времени, если со мною не разговаривали и меня не трогали, я сидѣла съ закрытыми глазами, заложивъ руки за шею, поддерживая голову. Это какъ будто облегчало боль въ головѣ и шеѣ и успокоивало меня.

Капитанъ Топпелліусъ разъ или два заговаривалъ со мною, и мнѣ помнится, что дѣлались замѣчанія относительно сильнаго запаха скипидаромъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, распространявшагося въ комнатѣ. Я тоже чувствовала этотъ запахъ. Большую же часть времени я старалась ничего не видѣть и не слышать, чтобы не мѣшать и безъ того, какъ мнѣ казалось, слабымъ явленіямъ.

*

Во время явленій я испытывала весьма непріятное чувство утомленія, слабости и нервнаго упадка силъ, что я приписывала грозившей мнѣ инфлуэнцѣ, и нетерпѣливо желала, чтобы явленія скорѣе прекратились и мнѣ можно было бы отдохнуть. Наконецъ, я устала держать руки заложенными за шеей и опустила ихъ на колѣни, какъ вдругъ почувствовала, что лежатъ онѣ не на колѣняхъ, а прямо касаются стула, на которомъ я сидѣла. Это меня крайне изумило и я подумала, не уснула ли я и не вижу ли это во снѣ. Я принялась тщательно ощупывать свое платье, колѣни и туловище и оказалось, что верхняя часть моего тѣла, руки, плечи и т. д. были, какъ всегда, на своемъ мѣстѣ, а нижняя, т. е. колѣни, бедра и ноги, — совершенно отсутствовали. Я опустила руки на то мѣсто, гдѣ должны были быть мои колѣни, но подъ платьемъ и юбками не было ничего. Однако же самочувствіе мое относительно колѣней было обыкновенное, можетъ быть даже яснѣе, полнѣе обыкновеннаго. Нажимая руками колѣни, я чувствовала ихъ такъ же явственно, какъ всегда. Не будь мое вниманіе случайно привлечено къ этому явленію, я бы, вѣрно, ничего особеннаго не замѣтила.

Нагнувшись, чтобы ощупать, тутъ ли мои ноги, я чуть не потеряла равновѣсіе. Это окончательно испугало меня; я сознавала, что должна удостовѣриться, не нахожусь ли я подъ вліяніемъ какой-либо иллюзіи или не вижу ли это во снѣ; и протянувъ руку, я схватила за руку г-на Сейлинга, прося его сказать, въ самомъ ли дѣлѣ я сижу на стулѣ или нѣтъ? И со страхомъ ожидала его отвѣта.

Я чувствовала, какъ рука его дотрогивалась до моихъ колѣней, но онъ отвѣтилъ — «нѣтъ, здѣсь только ваше платье». Я испугалась еще болѣе, но положивъ свою

свободную руку на грудь, я почувствовала біеніе своего сердца. Мнѣ стало дѣлаться дурно и тошно и я попросила воды, которую мнѣ тотчасъ же дали; я выпила немного и тотчасъ же явилась сильная испарина. Я пугалась все болѣе и болѣе и не могла себѣ представить, что будетъ дальше.

Я слышала, какъ другіе спрашивали, въ чемъ дѣло, а г-нъ Сейлингъ объяснялъ имъ, что половина моего тѣла исчезла. Нѣкоторые просили позволенія приблизиться и самимъ въ этомъ удостовѣрится. Я вспомнила, что это могло интересовать доктора Герцберга и попросила его подойти ближе. Онъ пересѣлъ на мѣсто господина Сейлинга и съ этой минуты я почти все время держала его руку. Потомъ меня спрашивали: можетъ ли тотъ, или другой подойти? Подходили, ощупывали меня, клали свои руки на стулъ и находили на немъ одно мое платье. Мое нервное возбужденіе и страхъ все возрастали, и я чувствовала себя ужасно дурно.

Капитанъ Топпеліусъ тоже меня ощупалъ и вскрикнулъ въ испугѣ: «Здѣсь нѣтъ и половины ея тѣла, мнѣ дѣлается дурно при одной этой мысли». Полученное имъ потрясеніе отчасти передалось и мнѣ, и хотя другимъ очень хотѣлось точнѣе удостовѣриться въ происшедшемъ, но я чувствовала, что не въ силахъ болѣе выносить прикосновенія и попросила оставить меня нѣкоторое время въ покоѣ. Кто-то предложилъ прекратить сеансъ, но я боялась того, что въ такомъ случаѣ могло бы сдѣлаться со мною, и просила посидѣть еще немного, что они и исполнили. Кажется, г-нъ Сейлингъ сыгралъ на фортепіано какую-то нѣжную мелодію или же кто-то пропѣлъ ее. Я плохо сознавала, было ли это пѣніе или музыка; во всякомъ случаѣ оно меня успокоивало, и черезъ нѣсколько времени я стала чувствовать, что мои

члены постепенно возвращаются, или иначе сказать, наполняютъ пустую одежду. Нервный страхъ мой сталъ понемногу проходить и приблизительно черезъ полчаса послѣ послѣдняго ощупыванія меня присутствующими, я, насколько была способна судить объ этомъ, находилась уже въ нормальномъ состояніи, кромѣ, конечно, неизбѣжной реакціи послѣ испытаннаго мною нервнаго возбужденія.

Сеансъ окончился и я попробовала пойти въ сосѣднюю комнату, но была слишкомъ слаба, чтобы двигаться безъ посторонней помощи.

Я выпила чашку чаю и, кажется, поѣла чего-то, но въ послѣднемъ я не увѣрена. Вскорѣ, однако, я нѣсколько оправилась и приблизительно черезъ полчаса была въ состояніи вернуться домой съ г-жей Топпеліусъ, у которой я остановилась.

Съ тѣхъ поръ прошло ровно три мѣсяца, но только двѣ недѣли тому назадъ нервы мои оправились отъ возбужденія, испытаннаго ими во время сеанса.

Весьма вѣроятно, что въ каждомъ сеансѣ происходитъ болѣе или менѣе сильная дематеріализація тѣла медіума; въ данномъ же случаѣ она должно быть произошла неравномѣрно, т. е. одна часть моего тѣла оставалась безъ измѣненія, тогда какъ другая, насколько я могу судить, совсѣмъ дематеріализовалась. Если оно и происходило ранѣе подобнымъ же образомъ, то я этого не знала, да и въ этотъ разъ обязана открытіемъ простой случайности.

Мои главныя ощущенія состояли въ физическомъ утомленіи и особенной слабости: мнѣ не хотѣлось ни двигаться, ни говорить, однако въ то же самое время я живо сознавала чувства и мысли обо мнѣ каждаго изъ присутствующихъ. И это на меня сильно дѣйствовало. Таковы, впрочемъ, чувства, которыя я обыкновенно испы-

тываю на сеансахъ. Но въ настоящемъ случаѣ меня потрясло открытіе частичной дематеріализаціи, когда я вспомнила, что я нахожусь среди чужихъ людей, совершенно незнакомыхъ съ подобными явленіями. И такъ какъ при этомъ необходимо сохранить полное спокойствіе, то мною овладѣлъ, быть можетъ, и неразумный нервный страхъ, тѣмъ болѣе, что дематеріализація продолжалась, какъ казалось мнѣ, цѣлый часъ, хотя, въ сущности, я не имѣю понятія, сколько именно времени она дѣйствительно продолжалась. Я чувствовала, что волненіе присутствующихъ замедляло и затрудняло мое возвращеніе въ нормальное состояніе; хотя эта своеобразная полу-дематеріализація и была для меня новостью, однако же вопросъ о томъ, насколько я дематеріализуюсь или же прихожу въ флюидическое или полу-флюидическое состояніе во время сеансовъ, не разъ возникалъ дома, но мы не могли прийдти къ окончательному рѣшенію въ виду того, что я сильно страдаю, если до меня дотрогиваются въ то время, когда матеріализованныя фигуры показываются внѣ кабинета. Когда меня держали или до меня дотрогивались во время явленій, я испытывала такія страданія, что всегда бывала послѣ этого въ продолженіе нѣсколькихъ дней больна.

Когда я въ первый разъ начала сидѣть внѣ кабинета, то случилось нѣчто, послужившее присутствующимъ доказательствомъ того, что мнѣ было доказано инымъ способомъ. Мы всѣ видѣли, какъ изъ груди моей сталъ выходить какъ бы туманъ, похожій на облако или на паръ. Послѣ нѣкотораго колебательнаго движенія онъ принялъ форму и образъ ребенка, и когда его трогали за лицо, пальцы какъ бы проникали въ него; я же въ это время чувствовала на своемъ лицѣ давленія этихъ пальцевъ. Ребенокъ этотъ былъ чрезвычайно подвижной и

весело барахтался ножками у меня на колѣняхъ совершенно какъ живой. Это заинтересовало Гудсона, сына м-ра Фидлера; ему захотѣлось ощупать ножки. Для этого онъ положилъ свою руку ко мнѣ на колѣни, но она проникла черезъ мои колѣни до самаго стула. Испугавшись, онъ поспѣшно отдернулъ ее, частью вслѣдствіе своего страха, главнымъ же образомъ оттого, что я, не будучи въ состояніи вынести прикосновенія, попросила его тотчасъ же отнять руку. Въ этомъ случаѣ все мое тѣло было, повидимому, въ полу-флюидическомъ состояніи. Я могла говорить и двигаться, но не могла стоять на ногахъ; ноги у меня были какъ будто размягченныя и отказывались держать меня.

Въ другой разъ я, можетъ быть, попробую дать вамъ дальнѣйшее доказательство этого явленія, теперь же я еще не составила плана, какъ это сдѣлать такъ, чтобы избѣгнуть всякихъ серьезныхъ послѣдствій, а также непріятнаго и болѣзненнаго ощущенія во время подобнаго опыта. **Е. д'Эсперансъ.**

Готенбургъ, марта 14-го 1894 [1]).

Вопросы, сдѣланные А. Н. Аксаковымъ медіуму, м-съ Эсперансъ, по поводу предшествующаго письма.

1) Главный недостатокъ вашего показанія касается того пункта, что вы сами держали руки изслѣдовавшихъ стулъ и направляли ихъ. Поэтому прошу васъ объяснить: а) зачѣмъ вы это дѣлали? и б) какимъ образомъ стулъ

---

[1]) Я не могъ получить раньше этого показанія, ибо на мою просьбу прислать мнѣ его м-съ Э. отвѣтила, что она слишкомъ еще слаба, и что даже мысль объ этомъ сеансѣ въ связи съ воспоминаніемъ объ ужасныхъ ощущеніяхъ, ею тогда вынесенныхъ, невыносима для нея. *А. А.*

былъ изслѣдованъ; ощупывали ли его всего до самой спинки? И что вы тогда чувствовали? Все это чрезвычайно важно.

2) Ваше состояніе было такъ необычайно, что вы, по всей вѣроятности, сами старались насколько возможно опредѣлить всѣ его особенности; такъ, напримѣръ, скажите, проводили ли вы руками подъ верхней частью вашего туловища — было ли пустое пространство между вашимъ тѣломъ и стуломъ? Если было (какъ это увѣряютъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ), то ваше тѣло значитъ *висѣло, такъ сказать, въ воздухѣ* безъ всякой видимой поддержки.

3) Прошу опредѣлить, насколько точно господа Сейлингъ и Герцбергъ изслѣдовали стулъ; Больдъ и Шульцъ говорятъ, что они трогали только часть стула.

4) Прошу объяснить, насколько подробно производилъ это изслѣдованіе капитанъ Топпеліусъ: онъ пишетъ, что вы положили его руки или, вѣрнѣе, провели ими вдоль обоихъ своихъ боковъ, пока онъ не прикоснулся къ стулу; итакъ онъ былъ единственный, который удостовѣрился въ дѣйствительномъ присутствіи верхней части вашего тѣла. Прошу васъ дать ваше показаніе объ этомъ важномъ пунктѣ. Вы говорите объ этомъ очень кратко: *«Капитанъ Топпеліусъ тоже ощупывалъ меня»*. Одной рукой или двумя? Здѣсь всѣ малѣйшія подробности имѣютъ большую цѣну.

5) Въ вашемъ показаніи есть одно выраженіе: «у меня тотчасъ же показалась сильная испарина», именно послѣ того, какъ вы выпили воды. Объясните подробнѣе то, что вы ощущали, когда пили воду въ такомъ необыкновенномъ состояніи?

6) Зачѣмъ недостаетъ еще весьма важнаго пункта, именно сообщенія о состояніи вашего здоровья *послѣ*

гельсингфорскаго случая со всѣми возможными подробностями и, конечно, объ исчезновенiи вашей медiумичности. Какимъ образомъ вы замѣтили это исчезновенiе? Когда и какъ появились первые признаки ея возвращенiя.

Отвѣты м-съ Эсперансъ на вопросы А. Н. Аксакова.

1) Я направляла руку перваго лица, изслѣдовавшаго стулъ и меня, потому что мнѣ было трудно говорить и потому еще, что не вѣрилось, чтобы это происходило въ дѣйствительности, и я хотѣла, чтобы кто-нибудь другой подтвердилъ мое открытiе прежде, чѣмъ обращать общее на него вниманiе.

Мы быстро провели руками по сидѣнiю стула и онѣ прикоснулись къ спинкѣ, причемъ я почувствовала легкое сотрясенiе.

До этого изслѣдованiя я чувствовала себя дурно и ощущала въ ногахъ особенную усталость; боли же никакой не чувствовала, кромѣ боли въ шеѣ, до тѣхъ поръ, пока не стали ощупывать стулъ и то, что должно было быть частью моего тѣла, тогда боль сдѣлалась такъ ужасна, будто нервы мои были обнажены и къ нимъ грубо прикасались.

Докторъ Герцбергъ подошелъ по моей просьбѣ и тоже провелъ руками по сидѣнiю стула и по тому мѣсту, гдѣ должны были быть мои колѣни. Кажется я не направляла его рукъ, но я въ этомъ не увѣрена. Затѣмъ онъ сѣлъ рядомъ со мною на мѣстѣ, занимаемомъ раньше г-номъ Сейлингомъ. Потомъ подошли господа Шульцъ и Больдъ, чтобы тоже произвести изслѣдованiе; они до нѣкоторой степени заслонили свѣтъ. Двигали они руками какъ-то нерѣшительно и причиняли мнѣ такую

страшную боль, что я схватила ихъ за руки скорѣе для того, чтобы оградить себя, чѣмъ ради чего другого. Кажется, я не очень ясно сознавала, что я въ это время дѣлала.

Движенія ихъ были поспѣшны, нервны и нерѣшительны. Стоя спиной къ свѣту, они затемняли меня, такъ что, можетъ быть, они не могли видѣть такъ хорошо, какъ другіе. Они сдѣлали ошибку, подойдя оба одновременно, ибо мѣшали другъ другу въ своихъ движеніяхъ.

2) Я не знаю, какъ велико было пространство между моимъ тѣломъ и стуломъ, кажется, оно не всегда было одинаково. Кромѣ моей одежды, не было другой видимой поддержки для моего тѣла.

3) Послѣ того, какъ г-да Шульцъ и Больдъ меня изслѣдовали, я почувствовала себя такой усталой и мнѣ такъ было дурно, что я боялась упасть въ обморомъ. Волненіе между сидящими дѣйствовало на меня очень странно: я страшно боялась чего-то, но чего — сама не знала. Я схватила правую руку д-ра Герцберга въ свою лѣвую и держала ее на сидѣніи своего стула, чтобы удержаться въ прямомъ положеніи, иначе мнѣ казалось, что я упаду впередъ. Нѣкоторое время я сидѣла такъ, продолжая держать руку д-ра Герцберга на стулѣ, что, казалось, придавало мнѣ силы. Не могу сказать, какъ долго это продолжалось.

4) Капитанъ Топпеліусъ попросилъ позволенія подойти и какъ только я оправилась отъ страха и дурноты, онъ подошелъ ко мнѣ. Тогда я вынула свою руку изъ руки д-ра Герцберга и взяла руки капитана; боясь боли, осторожно провела его руками отъ мышекъ внизъ до сидѣнія на стулѣ, гдѣ должны были быть мои колѣни, и дальше внизъ вдоль моихъ ногъ. Тутъ я чуть было

опять не потеряла равновѣсія. Въ ту же минуту онъ почувствовалъ какое-то потрясеніе, которое тотчасъ же передалось мнѣ. Онъ воскликнулъ: «Боже мой, половина ея тѣла исчезла, мнѣ дурно!» или что-то въ этомъ родѣ. Благодаря его прикосновенію и волненію, слабость моя вернулась, но я замѣтила, когда мы проводили руками внизъ вдоль моего тѣла, что оно оставалось въ цѣлости и ниже тальи и не кончалось сразу, такъ какъ я не могу опредѣленно указать, гдѣ началось исчезновеніе. Мнѣ послѣ пришло въ голову, что дематеріализація была болѣе общая, нежели казалось вначалѣ, такъ какъ я помню, что, трогая себя и направляя руки капитана, я чувствовала свое тѣло тоньше и мягче, чѣмъ обыкновенно. Но это все были мысли, пришедшія уже послѣ: въ то же время, отъ боли, страха и волненія, я не могла думать ни о чемъ, кромѣ совершившагося явленія.

5) Когда капитанъ снова сѣлъ на свое мѣсто, г-нъ Сейлингъ потребовалъ тишины и полнаго спокойствія. Онъ запѣлъ гимнъ, къ которому присоединились и прочіе, что и помогло водворенію тишины. Я попросила и выпила немного воды и интересовалась узнать, какимъ образомъ вода будетъ поглощена мною. Когда меня не трогали, я не чувствовала никакой боли, только слабость, поэтому могла думать и интересоваться тѣмъ, что меня ожидаетъ: буду ли я опять цѣлой и гдѣ была отсутствующая часть моего тѣла? Все это время я и ближе ко мнѣ сидѣвшіе сознавали и чувствовали, что въ кабинетѣ за мною находилась одна или нѣсколько фигуръ, но когда мною овладѣлъ страхъ, я о нихъ не думала.

Я чувствовала, какъ выпитая мною вода стала выходить черезъ поры на поверхность моей кожи: это меня нѣсколько заинтересовало; затѣмъ я увидала, что одежда

моя стала постепенно наполняться; я не чувствовала уже никакой боли, а только глухое, покалывающее ощущеніе, какъ будто «мурашки забѣгали», точно мои ноги «затекли».

Я слѣдила за наполненіемъ моей одежды съ большимъ интересомъ и замѣтила, что мало-по-малу въ кабинетѣ все стихло.

6) Послѣ сеанса я была очень слаба и утомлена, испытывала еще странное чувство, будто все кругомъ меня не было дѣйствительностью, будто все, что я говорила и дѣлала — говорилось и дѣлалось другимъ лицомъ, я же только присутствовала.

Черезъ день или два я вернулась домой, но это ощущеніе меня не покидало. Я не чувствовала влеченія ни къ развлеченіямъ, ни къ работѣ, ничѣмъ не интересовалась, голова была пуста. Пробовала ли я работать, думать или даже писать письма, все это казалось превышало мои силы; если же я заставляла себя дѣлать что-нибудь, то начиналась сильная головная боль. Волосы мои совсѣмъ посѣдѣли и послѣ каждаго припадка головной боли сильно падали. Такъ какъ я и всегда охотно спала, то теперь сдѣлалась постоянно сонливою и съ трудомъ бодрствовала впродолженіе дня.

Такое состояніе продолжалось три мѣсяца, по прошествіи которыхъ мнѣ стало лучше. По желанію моихъ друзей, мы втеченіе этого времени нѣсколько разъ пробовали получить спиритическія явленія, думая, что это принесетъ мнѣ пользу, однако же, всѣ наши усилія были напрасны приблизительно до половины марта, когда я присутствовала на одномъ сеансѣ у г-на Карла Нордмарка, гдѣ посредствомъ стуковъ было получено сообщеніе и сдѣлана попытка къ матеріализаціи.

Недѣлю спустя, мы снова попробовали, но безъ

успѣха, а затѣмъ вторично и съ успѣхомъ: матеріализовалась фигура, которая была узнана однимъ или двумя изъ присутствующихъ; затѣмъ, во второй разъ матеріализовалась вполнѣ вторая фигура, ходила по комнатѣ и была признана многими за мать одного молодого человѣка, находившагося въ кружкѣ.

Послѣ этого сеанса я болѣе стала чувствовать себя самой собою. Здоровье мое гораздо лучше теперь, чѣмъ оно было все это время послѣ страннаго гельсингфорскаго явленія. Е. д'Эсперансъ.

Партенкирхенъ. Верхняя Баварія, 26-го апрѣля 1894 г.

III.

Разслѣдованіе, произведенное лично А. Н. Аксаковымъ въ Гельсингфорсѣ.

Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ показаній и подробностей, я могъ бы, пожалуй, довольствоваться ими и обойтись безъ поѣздки въ Гельсингфорсъ. Но данный случай былъ такъ необычаенъ, такъ невѣроятенъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ важенъ, что я счелъ своимъ долгомъ не пренебречь никакимъ средствомъ для его возможно полнаго изслѣдованія. Съ этой точки зрѣнія я вскорѣ призналъ необходимымъ произвести личное разслѣдованіе въ самомъ Гельсингфорсѣ, и призналъ я это по слѣдующимъ причинамъ:

1) Прежде всего мнѣ нужно было лично познакомиться съ лицами, присутствовавшими при описываемомъ явленіи, на основаніи показаній которыхъ долженъ быть рѣшенъ главный вопросъ: *дѣйствительно-ли это явленіе произошло*? Значеніе каждаго показанія, конечно, много зависитъ отъ нравственной и умственной компетенціи свидѣтеля, въ которой мнѣ и требовалось получить несомнѣнную увѣренность. Въ спиритизмѣ особенно

надо быть въ этомъ отношеніи очень осторожнымъ, даже недовѣрчивымъ. Моя многолѣтняя опытность въ этой области, къ сожалѣнію, доказала мнѣ, что самые серьезные люди, даже посвятившіе себя положительнымъ наукамъ, могутъ, когда рѣчь идетъ о спиритизмѣ, видѣть вещи на выворотъ. Съ другой стороны, сильное желаніе добиться, во что бы то ни стало, нѣкоторыхъ явленій, лишаетъ иногда всякой критической способности и дѣлаетъ добивающихся ихъ слѣпыми ко всему, что служитъ къ отрицанію реальности ожидаемаго явленія... Для меня, слѣдовательно, было очень важно убѣдиться въ томъ, что мои гельсингфорскіе свидѣтели не нестоющіе довѣрія энтузіасты. Каждому изъ нихъ я имѣлъ предложить не мало вопросовъ, чтобы провѣрить и дополнить устно то, что они засвидѣтельствовали письменно.

2) Для меня было очень важно видѣть сеансовую комнату съ тѣмъ же кабинетомъ, съ тѣмъ же расположеніемъ стульевъ и проч., ибо часто самыя простыя вещи, ускользающія отъ описанія, но бросающіяся въ глаза при личномъ осмотрѣ, получаютъ большое значеніе для оцѣнки какого-нибудь факта.

3) Чтобы составить себѣ вполнѣ ясное и точное понятіе о главныхъ моментахъ этого достопамятнаго сеанса, я собирался, когда пріѣду на мѣсто, сдѣлать ему, такъ сказать, репитицію, т. е. насколько возможно, повторить его съ помощью главныхъ свидѣтелей. Изъ напечатанной переписки читатели уже знаютъ, что г. Сейлингъ, въ чьемъ домѣ происходилъ сеансъ, обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе, а г-жа Ельтъ была настолько любезна, что предложила сыграть роль медіума, одѣвшись въ платье такого же цвѣта, какое было въ томъ сеансѣ на медіумѣ. Я же, пользуясь этимъ любезнымъ предложе-

ніемъ, просилъ ее заказать себѣ (конечно на мой счетъ) платье и того же самаго фасона, въ виду того, что въ данномъ случаѣ фасонъ, какъ мы увидимъ, играетъ большую роль.

4) Наконецъ, для меня еще болѣе важно было составить себѣ точное понятіе о количествѣ допущеннаго на этомъ сеансѣ свѣта и о способѣ освѣщенія. Что касается обоихъ въ сеансовой комнатѣ оконъ, то мы знаемъ, что на одномъ изъ нихъ бѣлая стора была спущена, а на другомъ поднята. Отсюда новое осложненіе: такимъ образомъ приходилось принять еще къ свѣдѣнію количество и самый родъ свѣта, приходившаго извнѣ; малѣйшій лунный свѣтъ очень бы измѣнилъ вопросъ освѣщенія. Но, по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, сеансъ происходилъ при полномъ отсутствіи луны, стало быть требовалось сообразить мой пріѣздъ съ этимъ условіемъ, что я и сдѣлалъ, отправившись въ Гельсингфорсъ 18-го февраля (2-го марта) 1894 года; я пріѣхалъ туда на слѣдующій день, пробывъ въ дорогѣ 14 часовъ. Поѣздка неособенно трудная, еслибъ мое плохое здоровье не осложняло бы для меня всякое путешествіе.

Я тотчасъ отправился къ г. Сейлингу, который тутъ же представилъ меня своей женѣ. Приняли они меня самымъ радушнымъ образомъ. Послѣ нашей продолжительной переписки мы встрѣтились какъ старые знакомые и тотчасъ же перешли въ сеансовую комнату, гдѣ все ужъ было приготовлено точно такъ-же, какъ во время знаменитаго сеанса. Я нашелъ тамъ тотъ же кабинетъ, устроенный изъ ширмъ (заимствованныхъ и теперь, какъ и тогда, у генерала Топеліуса), покрытыхъ пледами, составлявшими занавѣски, а передъ кабинетомъ тотъ же стулъ, на которомъ м-съ Эсперансъ сидѣла во время сеанса, возлѣ же него съ обѣихъ сто-

ронъ стояли стулья для членовъ кружка. Первое, что меня поразило, это очень небольшой размѣръ комнаты, гдѣ для пятнадцати стульевъ едва нашлось мѣсто. Такъ близко находились они одинъ возлѣ другого, что между медіумомъ и его ближайшими сосѣдями едва ли было какое-нибудь свободное пространство; все было занято ногами и колѣнями сосѣдей; это подтвердили мнѣ г-нъ и г-жа Сейлингъ, и тутъ же доказали фактически. Обстоятельство очень важное, ибо оно прямо исключаетъ возможность тѣхъ движеній медіума, какими генералъ Седергольмъ пробуетъ объяснить интересующій насъ фактъ.

Вскорѣ затѣмъ пріѣхали г-жи Ельтъ и Тавашерна. Г-жа Ельтъ, переодѣвшись въ то бѣлое платье фасона princesse, которое она заказала себѣ по моей просьбѣ, тотчасъ же посвятила меня въ тайны этого туалета, указавъ, почему объясненіе генерала Седергольма вполнѣ неподходяще, т. е. почему, ставъ за стуломъ, невозможно покрыть его юбкой платья, такъ чтобы присутствующіе продолжали думать, что медіумъ сидитъ на своемъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что платье это не растегивается сполна ни спереди, ни сзади, а надѣвается сверху, растегиваясь спереди только до пояса; сверхъ того, фасонъ этотъ требуетъ какъ подкладку цѣлый чехолъ изъ коленкору, къ которому платье пришивается, иначе его очень тонкая матерія не могла бы держаться, а чехолъ этотъ дѣлается очень узкимъ, безъ всякихъ складокъ въ юбкѣ, такъ что предполагаемыя ухищренія медіума совершенно невозможны. Вотъ какъ придуманныя объясненія, безъ точной провѣрки легко приводятъ къ отрицанію факта, кажущагося невѣроятнымъ.

Послѣ этого небольшого и столь новаго для меня туалетнаго урока, мы приступили къ повторенію сеанса.

Г-жа Ельтъ заняла мѣсто медіума, а другіе свидѣтели свои тогдашнія мѣста: г. Сейлингъ по лѣвую ея руку, а г-жа Сейлингъ по правую, г-жа же Тавашерна налѣво отъ г-на С. (капитана Топеліуса въ Гельсингфорсѣ въ то время не было). Имѣя въ рукахъ подробное описаніе сеанса г-жею Ельтъ, я сталъ читать его, постепенно разспрашивая свидѣтелей обо всѣхъ малѣйшихъ обстоятельствахъ сеанса, дополняя описаніе личнымъ представленіемъ наиболѣе интересныхъ и замѣчательныхъ моментовъ. Г-жа Ельтъ давала мнѣ то словесно, то посредствомъ представленія всѣ подробности съ такою точностью, что не было возможности усумниться въ вѣрности ея наблюденій и въ остротѣ ея памяти. Отчетъ ея объ этомъ сеансѣ вѣренъ до послѣдней строчки; мнѣ пришлось прибавить къ нему лишь очень мелкія подробности, помѣщенныя въ выноскахъ подъ отчетомъ. Такимъ образомъ, напр., ставъ за занавѣски и посадивъ на мѣсто медіума г-на Сейлинга, она повторила съ замѣчательной точностью появленіе руки, вырвавшей карандашъ и бумагу изъ рукъ медіума. Я же неоднократно прерывалъ ея представленіе вопросомъ: «А въ эту минуту вы ясно видѣли медіума сидящимъ на своемъ мѣстѣ, а также и руки его, держащія бумагу?» И всякій разъ г-жа Ельтъ давала мнѣ съ полной увѣренностью утвердительные отвѣты. Этотъ инцидентъ имѣетъ важное значеніе, какъ несомнѣнно устанавливающій чудесный и невѣроятный фактъ матеріализаціи, заключающей въ себѣ возможность и другого не менѣе чудеснаго и невѣроятнаго факта — дематеріализаціи. Когда мы дошли до этого инцидента, г-жа Ельтъ перешла на мѣсто, занимавшееся ею во время сеанса, и показала мнѣ, какъ подъ вліяніемъ крайняго любопытства, она такъ приблизилась къ медіуму, что часто

не болѣе полуфута раздѣляло ихъ между собою, особенно когда она наклоняла голову, чтобы видѣть еще лучше. Я старался выяснить, могла ли г-жа Ельтъ замѣтить ту разницу въ складкахъ платья медіума во время исчезновенія его ногъ, какую видѣла въ немъ г-жа С. Такъ какъ г-жа Е. сидѣла подъ другимъ угломъ зрѣнія, чѣмъ г-жа С., она естественно не могла видѣть профиля этого платья, ясно вырисовывшагося передъ глазами г-жи С., при помощи сверхъ того и освѣщенія, падающаго со стороны подъ прямымъ угломъ, чѣмъ не пользовалась г-жа Ельтъ, имѣвшая передъ собою черный фонъ кабинета. Много и другихъ вопросовъ, предложенныхъ мною г-жѣ Е. письменно, были тутъ повторены и еще разъ выяснены.

Точно также были мною спрошены и остальные три свидѣтеля, каждый о томъ обстоятельствѣ, какое ему всего удобнѣе было наблюдать съ своего мѣста; такъ г-на С. и г-жу Е. о появленіи съ ихъ стороны руки — *правой*, хотя на лѣвой сторонѣ отъ медіума и на высотѣ, доказывавшей, что рука эта могла принадлежать лишь человѣку, *стоявшему* за занавѣской. И, конечно, уже больше всего о самомъ явленіи дематеріализаціи, которое г. С. могъ наблюдать лучше всѣхъ: я просилъ его показать мнѣ на томъ же стулѣ, какимъ образомъ онъ изслѣдовалъ его по просьбѣ м-съ Э., что онъ и исполнилъ.

— «Одного не достаетъ вашему свидѣтельству—сказалъ я г-ну С.— почему вы не провели рукой за стуломъ, чтобы убѣдиться, что медіума тамъ не было?» — «Мысль эта не могла придти мнѣ въ голову—отвѣтилъ С.— зачѣмъ пойду я искать м-съ Э. за стуломъ, когда я вижу ее передъ собою сидящей на своемъ стулѣ. Не забудьте, что въ продолженіе этого времени, я разъ, по

ея просьбѣ, подалъ м-съ Э. пить, что дозволило мнѣ видѣть еще съ большей увѣренностью, что она находится на своемъ мѣстѣ». На это объясненіе мнѣ нечего было возразить ему.

Г-жа С., съ своей стороны была тщательно распрошена мною о подробностяхъ ея очень важнаго показанія, подтвержденнаго ею по всѣмъ пунктамъ, въ особенности на счетъ подробности, касавшейся платья, т. е. юбки медіума, которая прежде висѣла вертикально на стулѣ, а потомъ стала постепенно наполняться и принимать очертанія, соотвѣтствующія появлѣнію вновь колѣней и ногъ медіума.

Однимъ словомъ, въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ часовъ я утомлялъ моимъ чтеніемъ, разспросами и возраженіями этихъ четырехъ лицъ и получилъ глубочайшее убѣжденіе, что все происходило именно такъ, какъ они свидѣтельствовали въ самомъ началѣ.

Послѣ утренней репетиціи сеанса мнѣ оставалось еще сдѣлать репетицію освѣщенія сеансовой комнаты въ данный вечеръ, чтобы убѣдиться, что упомянутые свидѣтели могли дѣйствительно видѣть то, что они описывали. Съ этой цѣлью мы опять собрались у г-на Сейлинга въ 8 часовъ вечера, и я имѣлъ удовольствіе встрѣтить у него еще двухъ свидѣтелей сеанса: генерала Топеліуса и инженера г. Шульца. Задача устроить точно такое же освѣщеніе была далеко не такъ легка, какъ наше утреннее дѣло. Конечно, та же маленькая лампа была поставлена въ ту же печную нишу, какъ и тогда, но, къ сожалѣнію, г. Сейлингу не удалось найти ту же красную бумагу, какую употребляли въ тотъ вечеръ для уменьшенія свѣта. Вслѣдствіе этого мнѣнія раздѣлялись: то взятая теперь бумага давала слишкомъ много свѣта, то слишкомъ мало. Наконецъ, удалось найти освѣщеніе, признанное

всѣми наиболѣе подходящимъ къ тогдашнему. Но г-нъ Сейлингъ утверждалъ, что тогда было свѣтлѣе, ибо на крышахъ лежалъ снѣгъ и отблескъ его проникалъ въ комнату сквозь окно съ поднятой сторой; въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ сказалъ, что тогда онъ видѣлъ на своихъ карманныхъ часахъ положеніе стрѣлокъ — освѣщеніе дѣйствительно совершенно достаточное; во всякомъ случаѣ я удостовѣрился, что и при устроенномъ нами освѣщеніи г-нъ Сейлингъ несомнѣнно могъ видѣть медіума сидѣвшаго передъ нимъ на разстояніи всего одного фута, что я провѣрилъ, сѣвши на его мѣсто, а перейдя на другую сторону, на мѣсто, занимаемое тогда г-жею Ельтъ, я убѣдился, что и она могла на бѣломъ фонѣ сторы ясно видѣть очертанія и бюстъ медіума, сидѣвшаго между сторой и ею, и слѣдить за его движеніями.

Слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что способность видѣть въ темнотѣ не у всѣхъ одинакова, и у иныхъ лицъ достигаетъ замѣчательной степени. Я зналъ одну особу, видѣвшую въ темнотѣ на полу булавку. Что же касается г-жъ Ельтъ и Тавашерна, то, по ихъ словамъ, онѣ пользуются отличнымъ зрѣніемъ.

Я сказалъ уже выше, что цѣнность всякаго свидѣтельства много зависитъ отъ личныхъ качествъ свидѣтеля. Съ удовольствіемъ могу теперь прибавить, что я вынесъ наилучшее впечатлѣніе о четырехъ свидѣтеляхъ, подтверждающихъ необыкновенный фактъ, о которомъ идетъ рѣчь. Я нашелъ въ г-нѣ Сейлингѣ человѣка точной науки, готоваго безпристрастно изучать всякое явленіе природы. Я уже сказалъ въ выноскѣ, что г-нъ Сейлингъ профессоръ механической технологіи, общаго машиновѣдѣнія и кинематики въ Гельсингфорскомъ политехникумѣ, стало быть человѣкъ, привыкшій къ математи-

ческой точности, къ наблюденію и изслѣдованію явленій природы съ технической точки зрѣнія. Я очень удивился, увидавъ у него въ кабинетѣ портретъ философа Майнлэндера, на что онъ сообщилъ мнѣ, что ученіе этого философа ему особенно симпатично, что онъ серьезно изучалъ его и даже издалъ брошюру подъ заглавіемъ: «Майнлэндеръ — новый мессія». Такъ что и въ отношеніи философскаго направленія мыслей г. Сейлингъ никакъ не можетъ считаться склоннымъ къ спиритизму, ибо Майнлэндеръ, какъ пантеистъ и ученикъ Шопенгаура, противникъ всякаго ученія, признающаго личное безсмертіе. Слѣдовательно, участіе г-на Сейлинга въ первый разъ въ жизни въ спиритическихъ сеансахъ никакъ не могло быть вызвано предрасположеніемъ какъ къ ученію спиритовъ, такъ и къ спиритическимъ явленіямъ, и свидѣтельство его никакъ не можетъ быть заподозрѣно въ пристрастіи.

Г-жи Сейлингъ и Тавашерна несомнѣнно должны быть признаны отличными свидѣтельницами: многосторонне образованныя, съ умомъ свѣтлымъ и положительнымъ, спокойнаго и серьезнаго характера, каждое слово ихъ внушало полное довѣріе. Разсказывали онѣ обѣ такъ хладнокровно и послѣдовательно то, что видѣли и наблюдали, что слушателю становилось ясно, насколько въ словахъ ихъ не было ни преувеличенія, ни фантазіи, ни чего либо предвзятаго.

Что же касается г-жи Ельтъ, то я уже сказалъ выше, что меня поразила замѣчательная точность въ ея отчетѣ о данномъ сеансѣ. Личное знакомство съ нею только усилило это впечатлѣніе: я нашелъ въ ней наилучшее олицетвореніе здороваго, практически дѣятельнаго ума. Впечатлѣніе мое было вполнѣ подтверждено всѣмъ, что я о ней слышалъ отъ лицъ, хорошо ее знавшихъ.

Кстати, мнѣ попался въ руки номеръ отъ 18-го марта 1892 года шведскаго женскаго журнала «Идунъ» съ ея краткимъ біографическимъ очеркомъ и портретомъ, гдѣ г-жу Ельтъ называютъ одной изъ наиболѣе выдающихся и замѣчательныхъ женщинъ въ Финляндіи. Какъ оказывается, она ввела совершенно новую отрасль труда для финскихъ женщинъ, а именно — рѣзьбу по дереву; и въ 1885 году учредила въ Гельсингфорсѣ школу для обученія преподавательницъ этого издѣлія. Позднѣе она открыла въ окрестностяхъ Гельсингфорса паровую фабрику разныхъ столярныхъ издѣлій, имѣющую, также какъ и школа, большой успѣхъ. Изъ этихъ указаній ясно, что г-жа Ельтъ ни по своему характеру, ни по своимъ занятіямъ не могла быть расположена къ увлеченію спиритизмомъ, прежде чѣмъ не убѣдилась въ реальности его фактовъ неопровержимыми доказательствами.

Я придаю большое значеніе тому, что эти четыре свидѣтеля имѣли уже предварительно нѣсколько сеансовъ съ миссисъ Эсперансъ. Ибо когда наблюдатель знакомъ ранѣе съ явленіями, при которыхъ присутствуетъ, для него выясняются тѣ слабыя и болѣе подозрительныя стороны, на которыхъ слѣдуетъ сосредоточивать вниманіе для окончательнаго вывода и заключенія.

На слѣдующее утро я направился къ генералу Топеліусу, чтобы выразить ему мою благодарность за доставленіе мнѣ въ самомъ началѣ отчетовъ о сеансѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, предложить ему нѣсколько вопросовъ о м-съ Эсперансъ, жившей въ его домѣ. Я очень сожалѣлъ, что супруга его и дочь, также какъ и сынъ его, капитанъ Топеліусъ, отсутствовали; особенно досадно было, что мнѣ не удалось видѣть капитана, одного изъ болѣе важныхъ свидѣтелей явленія дематеріализаціи, какъ это видно изъ его выше напечатаннаго показанія.

Затѣмъ я поѣхалъ къ генералу Седергольму, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться раньше въ Петербургѣ, гдѣ онъ навѣстилъ меня, желая выразить мнѣ свою благодарность, какъ издателю на нѣмецкомъ языкѣ заинтересовавшихъ его сочиненій Дэвиса. Что же касается настоящаго случая, въ немъ то интересно, что м-съ Эсперансъ пріѣхала въ Гельсингфорсъ только по настоятельной просьбѣ генерала. Онъ самъ ѣздилъ въ Готенбургъ приглашать ее, но перспектива давать сеансы въ неизвѣстной ей, весьма разнородной средѣ, очень мало знакомой съ спиритизмомъ, нисколько ей не улыбалась, не говоря уже о томъ, что отсутствіе изъ Готенбурга въ октябрѣ и ноябрѣ, не менѣе какъ на цѣлый мѣсяцъ, совсѣмъ не согласовалось съ интересами коммерческаго дѣла, при которомъ она служила. Однимъ словомъ, м-съ Эсперансъ не могла еще рѣшиться принять приглашеніе генерала, когда одно обстоятельство измѣнило ея воззрѣнія. Вотъ что она писала мнѣ 23-го августа:

«Недавно мы были обрадованы посѣщеніемъ генералъ-маіора Седергольма. Онъ намъ всѣмъ понравился, — и пребываніе его среди насъ, хотя очень непродолжительное, доставило намъ удовольствіе. Онъ желалъ присутствовать на моихъ сеансахъ, но тогда ихъ невозможно было устроить, такъ какъ никого не было дома, а я чувствовала себя не совсѣмъ здоровой. Онъ прислалъ намъ нѣсколько изданныхъ имъ на шведскомъ языкѣ книгъ о спиритуализмѣ. Насъ очень удивило его серьезное продолжительное изученіе предмета, мнѣ же было и досадно и совѣстно, что въ бытность его здѣсь я отказала ему въ моей помощи для дальнѣйшаго изслѣдованія. Очень объ этомъ сожалѣю и постараюсь исправить мою ошибку, когда будетъ можно».

Нѣсколько позднѣе отъ 27-го сентября м-съ Эсперансъ писала мнѣ:

«До сихъ поръ ничего еще не рѣшено на счетъ моей поѣздки въ Гельсингфорсъ; отлучиться мнѣ очень трудно, но я сознаю себя не въ правѣ отказываться отъ случая поработать на пользу спиритизма, не зная сколько мнѣ еще остается времени для этого дѣла; я почувствовала бы себя очень несчастной, когда-бы пришлось упрекнуть себя въ томъ, что не сдѣлала всего, что могла бы сдѣлать».

И наконецъ, отъ 11-го октября м-съ Эсперансъ писала мнѣ:

«Дня два тому назадъ я написала генералу Седергольму, какъ я сожалѣю, что отказалась помочь ему тогда, какъ онъ былъ здѣсь, но что теперь я охотно это сдѣлаю, иначе совѣсть совсѣмъ бы меня измучила».

Вотъ какимъ образомъ случилось, что м-съ Эсперансъ пріѣхала въ Гельсингфорсъ, за что генералъ Седергольмъ вознаградилъ ее оскорбительнѣйшей статьей, помѣщенной имъ въ самой распространенной гельсингфорской газетѣ, въ которой онъ даетъ ясно понять, что сама м-съ Эсперансъ, своей особой исполняетъ роль духовъ. Любовь къ истинѣ на столько ослѣпляетъ генерала, что онъ ставитъ ни во что общепринятыя приличія, не обращаетъ вниманія на то, что м-съ Эсперансъ не дѣлаетъ изъ своей медіумической способности профессіи, что она пріѣхала въ Гельсингфорсъ по его же просьбѣ, съ цѣлью дать нѣсколько частныхъ сеансовъ кружку, заинтересованному вопросомъ,— и бросаетъ ей въ лицо свое оскорбленіе съ ея полнымъ именемъ!.. Дѣло въ томъ, что генералъ ожидалъ отъ этихъ сеансовъ нѣчто совершенно иное. Вѣроятно, пораженный дошедшими изъ Швеціи извѣстіями объ истинно чудесныхъ сеансахъ,

бывшихъ въ Христіаніи, онъ надѣялся на подобные же результаты, не принявъ въ разсчетъ того, какъ много потрудился кружокъ, собиравшійся въ Христіаніи для достиженія этихъ результатовъ.

Нѣтъ ничего болѣе сложнаго, болѣе темнаго и болѣе обманчиваго, какъ эти матеріализаціонныя явленія. Только продолжительныя наблюденія, и въ исключительныхъ условіяхъ, заставляютъ насъ признать ихъ реальность. Но существованіе факта еще очень далеко отъ его философіи. Необходимы еще болѣе продолжительное изученіе и въ особенности многолѣтній опытъ въ области спиритизма, чтобы проникнуться тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что мистификація преслѣдуетъ насъ въ ней на каждомъ шагу, начиная съ простыхъ стуковъ до поражающаго явленія матеріализаціи. Если въ изученіи физическихъ явленій природы заблужденія и разочарованія нерѣдко были и продолжаютъ быть удѣломъ человѣческой науки, тѣмъ неизбѣжнѣе они въ области психическихъ изслѣдованій. Цѣлыя тысячелѣтія вѣрили мы въ восходъ и захожденіе солнца, а давно ли мы ихъ поняли? Точно также и въ спиритизмѣ: цѣлое полстолѣтіе наблюдаемъ мы его явленія, будемъ наблюдать ихъ еще нѣсколько вѣковъ, но скоро-ли мы поймемъ ихъ?

Опытные спириты становятся все болѣе и болѣе осторожными во всемъ, что касается спиритической теоріи, а тѣмъ болѣе еще относительно спиритическаго ученія, но неофиты, простые сердцемъ, разочарованные въ жизни, много потерпѣвшіе отъ ея испытаній, принимаютъ ихъ съ восторгомъ. Точно также и въ данномъ случаѣ, потребность сердца была главной побудительной причиной, привлекавшей генерала Седергольма къ этимъ сеансамъ. Онъ искалъ утѣшенія, а нисколько не стремился изслѣдовать интересное явленіе. Велико же было его разоча-

рованіе! Почтенный генералъ ожидалъ видѣть тотчасъ же появленіе недавно скончавшейся дочери, а вмѣсто того увидалъ двойника медіума, принявшаго имя его дорогой отшедшей. Увы! это такъ часто бываетъ въ спиритизмѣ. Письменныя сообщенія наполнены такими персонификаціями. Вѣроятно и генералъ имѣлъ не разъ случай получать такія сообщенія, но не счелъ нужнымъ изобличать написавшихъ ихъ медіумовъ въ поддѣлкѣ, ибо мистификація на письмѣ не такъ волнуетъ насъ, какъ мистификація въ человѣческомъ образѣ!

Повидимому, генералъ совсѣмъ не былъ знакомъ съ извѣстными въ литературѣ наблюденіями спиритовъ касательно философіи матеріализацій, представляющихъ въ большей части случаевъ двойниковъ медіума. Матеріализованная фигура можетъ быть совершенно тождественна съ формой медіума, и эта все-таки не можетъ служить доказательствомъ обмана съ его стороны. Вотъ, что не было извѣстной генералу. Въ своемъ негодованіи, вполнѣ извинительномъ съ точки зрѣнія чувства, но неизвинительномъ съ точки зрѣнія разумнаго и серьезнаго изслѣдованія, онъ поспѣшилъ напечатать статью, оскорбительную для чести м-съ Эсперансъ. Статья эта, правда, вызвала въ Гельсингфорсѣ самыя горячія опроверженія со стороны лицъ, имѣвшихъ случай видѣть факты, прямо противорѣчащіе обвиненіямъ генерала, но опроверженія остались въ Гельсингфорсѣ, а клевета обошла весь свѣтъ, безъ всякаго возраженія.

Во время моего свиданія съ генераломъ я могъ убѣдиться въ его полномъ невѣдѣніи предмета. Когда я изложилъ ему въ нѣсколькихъ словахъ вопросъ матеріализаціи, какъ я изложилъ его выше въ I-й главѣ, и разсказалъ ему о моемъ свиданіи съ Кэти Кингъ, это видимо было для него цѣлымъ откровеніемъ, а между

тѣмъ онъ говорилъ, что прочиталъ мою книгу «Анимизмъ и Спиритизмъ»!

Затѣмъ я отправился къ генералу Галиндо, давнишнему моему знакомому. Онъ былъ моимъ спутникомъ во время поѣздки въ Готенбургъ въ 1890 году. И его привлекала къ спиритизму также сердечная потребность утѣшенія и поддержки въ тяжелыхъ испытаніяхъ этой жизни. Онъ присутствовалъ на нѣкоторыхъ изъ моихъ тогдашнихъ сеансахъ съ м-съ Э., но не нашелъ въ нихъ того, чего искалъ. Продолжая интересоваться этимъ вопросомъ, онъ, конечно, принималъ участіе въ гельсингфорскихъ сеансахъ. Зная его за хорошаго наблюдателя, хотя и скептика, но скептика вполнѣ честнаго, я просилъ его извѣщать меня обо всемъ, у нихъ происходившемъ, что онъ и исполнилъ; но онъ не увидѣлъ на этихъ сеансахъ ничего удовлетворительнаго, благодаря слабому освѣщенію, а иногда и полной темнотѣ, къ сожалѣнію допущенной м-съ Э., снисходя на убѣдительныя просьбы присутствовавшихъ, стремившихся помочь явленіямъ, которымъ мѣшала дисгармоническая среда новичковъ. Когда я сталъ разспрашивать генерала Галиндо о занимавшемъ меня сеансѣ, онъ отвѣчалъ, что на немъ было такъ темно, что онъ ровно ничего не видалъ. А такъ какъ и онъ высказалъ мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія, я попросилъ его дать мнѣ свое письменное показаніе совершенно откровенно, но онъ этого не сдѣлалъ.

Для завершенія моего изслѣдованія мнѣ оставалось повидаться еще съ нѣсколькими свидѣтелями; болѣе другихъ интересовали меня бывшіе въ числѣ пяти осматривавшихъ стулъ съ медіумомъ, а именно гг. Герцбергъ и Больдтъ. Благодаря любезному посредничеству г. Сейлинга, господа эти посѣтили меня въ моей гостиницѣ въ вечеръ этого же дня. Г. и г-жа Сейлингъ и г-жи

Ельтъ и Таваштерна присоединились къ нимъ. Такимъ образомъ мы еще разъ разсмотрѣли все *за* и *противъ* въ этомъ необычайномъ случаѣ. Г. Герцбергъ, по моей просьбѣ, показалъ мнѣ на стулѣ, какимъ образомъ онъ изслѣдовалъ тотъ стулъ, на которомъ сидѣла м-съ Э. во время матеріализаціи: онъ провелъ руками по всему сидѣнью вплоть до спинки. Когда же глубоко удивленный показаннымъ, я переспросилъ его:

— Какъ, вы совершенно увѣрены въ томъ, что провели руками до спинки?

— Конечно, отвѣтилъ онъ, совершенно такъ, какъ я вамъ сейчасъ показалъ.

— Вы давали пить м-съ Э. во время явленія?

— Да.

— Видѣли-ли вы ея голову, руки, бюстъ, какъ принадлежавшіе лицу, сидѣвшему на стулѣ?

— Конечно видѣлъ, но, по правдѣ сказать, я не съ достаточно критическимъ вниманіемъ отнесся къ дѣлу. Вообразите, я находился тогда подъ впечатлѣніемъ — понятнымъ, полагаю—что все это не можетъ быть очень серьезно.

— А провели вы рукою за стуломъ, чтобы удостовѣриться, что тамъ никого не было?

— Я думалъ, что сдѣлать это нужно, но по вышесказанной сейчасъ мною причинѣ я не сдѣлалъ.

Въ своемъ продолжительномъ разговорѣ со мною г. Герцбергъ сообщилъ мнѣ много интересныхъ подробностей на счетъ видѣннаго имъ на сеансахъ м-съ Э. Многое, когда ему удавалось наблюдать явленіе и медіума одновременно, онъ нашелъ совершенно доказательнымъ, другое же представлялось ему нѣсколько сомнительнымъ; такъ, напримѣръ, когда онъ рукою удостовѣрился въ отсутствіи тѣла медіума на стулѣ, на ко-

торомъ онъ долженъ былъ сидѣть. «Но теперь, — прибавилъ онъ,—нѣкоторыя соображенія заставляютъ меня заключить, что отсутствіе это могло еще не быть доказательствомъ обмана со стороны медіума».

Г. Больдтъ не могъ сказать мнѣ ничего положительнаго, ибо онъ ощупалъ стулъ только частью, а не весь, и очень спѣшно; показаніе его ограничилось тѣмъ, что въ томъ, какъ медіумъ сидѣлъ на стулѣ, онъ не замѣтилъ ничего ненормальнаго.

На слѣдующій день я вернулся въ Петербургъ очень довольный результатомъ моего разслѣдованія и тѣмъ, что мое обычное болѣзненное состояніе не помѣшало мнѣ совершить эту поѣздку.

Какое же долженъ я вывести заключеніе изъ всего предыдущаго?

Въ отвѣтъ бросимъ бѣглый взглядъ на всѣ данныя *за* и *противъ* подлинности изслѣдуемаго явленія. Сперва займемся возраженіями *противъ*.

1) Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что м-съ Э. сама направляла руки лицъ, изслѣдовавшихъ сидѣнье, стало быть изслѣдованіе было несвободно. Возраженіе это дѣйствительно вѣское. Но станемъ на минуту на мѣсто м-съ Э. и допустимъ, что явленіе было реальнымъ. Возможно-ли ей было въ это время оставаться въ нормальномъ состояніи? Неожиданность, странность явленія, страхъ, ею испытанный, не могли не повергнуть ее въ ужасъ и волненіе. Вѣдь это былъ вопросъ жизни и смерти. И мы легко поймемъ состояніе крайняго испуга и нервности, испытанное м-съ Э. «Въ эту минуту, говоритъ она, я плохо сознавала, что дѣлала». И если мы примемъ еще во вниманіе невыразимую боль, ощущавшуюся ею при малѣйшемъ прикосновеніи «къ тому, что

имѣло быть частью ея тѣла», боль, сравниваемую м-съ Э. съ грубымъ прикосновеніемъ къ обнаженному нерву, и сверхъ того вспомнимъ щекотливое и неловкое положеніе женщины, обращающейся къ мужчинамъ съ просьбою удостовѣриться въ исчезновеніи ея бедръ и ногъ, то найдемъ совершенно естественнымъ, что м-съ Э. схватывала руки, направляя ихъ сама во время изслѣдованія стула, на которомъ сидѣла. И то удивительно, что у нея достало присутствія духа понять все важное значеніе происходившаго и подумать о констатированіи явленія, насколько это было возможно. Какъ бы то ни было, возраженіе это падаетъ передъ положительнымъ утвержденіемъ двухъ свидѣтелей г. Сейлинга и г. Герцберга, которые, хотя руки ихъ и находились въ рукахъ м-съ Э., все-таки изслѣдовали все сидѣнье стула до самой спинки.

2) Второе возраженіе состоитъ въ томъ, что ни одинъ изъ свидѣтелей не удостовѣрился посредствомъ зрѣнія или осязанія, что во время исчезновенія ногъ никого не было за стуломъ медіума. Возраженіе вѣское, но вполнѣ опровергнутое согласными показаніями шести лицъ, изъ которыхъ двое—гг. Сейлингъ и Герцбергъ—утверждаютъ, что видѣли м-съ Э. на ея стулѣ въ то время, какъ они его изслѣдовали, а одинъ—капитанъ Топеліусъ—свидѣтельствуетъ, что онъ не только видѣлъ на стулѣ весь бюстъ медіума, но и ощупалъ его обѣими руками отъ плечъ и до сидѣнья. Чего яснѣе? Сверхъ того, мы имѣемъ свидѣтельство еще трехъ лицъ — г-жи Сейлингъ, г-жи Ельтъ и г-жи Тавашерна, которыя утверждаютъ, что во все продолженіе сеанса, въ особенности же во время дематеріализаціи, видѣли медіума *на его стулѣ* и сверхъ того видѣли платье его отвѣсно висѣвшимъ на сидѣньи и потомъ наполнявшимся, а медіума все время сидѣвшимъ и не трогавшимся съ своего

мѣста. Показанія тѣхъ, кто ничего изъ этого не видѣлъ, конечно не могутъ уничтожить положительныхъ и ясныхъ показаній тѣхъ, кто видѣлъ.

3) Третье возраженіе состоитъ въ томъ, что подобное исчезновеніе половины живого тѣла невозможно, недопустимо, нелѣпо. Куда же исчезла на цѣлую четверть часа половина тѣла, и какъ могла другая половина его жить въ такомъ состояніи, говорить, пить воду? Я совершенно понимаю всю силу такого возраженія и всю физіологическую невозможность допустить подобное явленіе. Но съ общей точки зрѣнія всѣ физическія явленія спиритизма невозможны и — какъ это любятъ повторять—прямо противорѣчатъ вѣчнымъ законамъ природы. Самопроизвольныя движенія неодушевленныхъ предметовъ, кратковременныя появленія совершенно пластическихъ рукъ—развѣ это не нелѣпость, не невозможность!! На это спиритизмъ можетъ только возразить: а между тѣмъ все это факты, видѣнные и удостовѣренные тысячами лицъ, и слѣдовательно, изучать ихъ обязательно. Въ настоящемъ случаѣ единственная, серьезная сторона возраженія та, что этотъ фактъ *единиченъ*. Въ виду этого, конечно, болѣе, чѣмъ желательно, чтобы явилась возможность наблюдать его еще много разъ.

Послѣ этихъ трехъ возраженій, по моему мнѣнію, достаточно опровергнутыхъ, я долженъ высказать слѣдующія соображенія, говорящія въ пользу явленія.

1) Очень важный, по моему, пунктъ — это согласіе этого явленія съ общей спиритической теоріей, относящейся къ явленіямъ подобнаго рода, и, въ особенности, съ фактами и гипотезами, изложенными мною въ началѣ этой статьи. Еслибъ это было шутка, фокусъ, подстроенный м-съ Э., онъ могъ бы оказаться въ прямомъ противорѣчіи со всѣми предыдущими наблюденіями и

теоріями въ области спиритизма, и тогда придуманное ею чудо, оказавшись логически и исторически несостоятельнымъ, могло бы оказаться только смѣшнымъ.

2) Что въ этомъ случаѣ особенно доказываетъ полное чистосердечіе м-съ Э., это ея недовѣріе къ самой себѣ. Боясь возможнаго обмана чувствъ, она не спѣшитъ заявлять о чудѣ; не она сама восклицаетъ: «у меня нѣтъ болѣе ногъ»; напротивъ, не сказавъ о томъ ни слова, она тотчасъ же подзываетъ г-на Сейлинга и проситъ его, хорошенько осмотрѣть ея стулъ, сказать, дѣйствительно ли она сидитъ на немъ. Такъ какъ она такимъ образомъ—что очень важно — тотчасъ же огласила фактъ, который для нея былъ явленіемъ, а другимъ кажется теперь ловкимъ фокусомъ и такъ какъ она дала тотчасъ же возможность изслѣдовать это явленіе, то этимъ самымъ она отдавала себя въ руки наблюдателей — сожгла свои корабли. Если бы это былъ дѣйствительно необдуманный фарсъ съ ея стороны, еслибъ ей удалось посредствомъ какой-то ловкой продѣлки стать незамѣтно за стуломъ, пока ничье вниманіе не было обращено въ эту сторону, то разъ возбудивши его и когда всѣ глаза, въ особенности ея ближайшихъ сосѣдей, обратились на нее, *возвращеніе ея на стулъ, такъ чтобы никто этого не замѣтилъ, становилось полной невозможностью.* Желая удивить міръ этимъ чудомъ, этимъ ловкимъ фокусомъ, она сама бы себя выдала.

3) Въ-третьихъ, результаты моего разслѣдованія на мѣстѣ доставили мнѣ нѣмое, но очень краснорѣчивое доказательство противъ возможности подобнаго фокуса. Это именно чисто физическія условія мѣста, гдѣ будто бы происходилъ этотъ фокусъ. Дѣло въ томъ, что сосѣди медіума какъ слѣва, такъ и справа сидѣли такъ близко отъ его стула, что пройти за стулъ, не зацѣ-

пивъ ногъ сосѣдей, было *физическою невозможностью.* Сверхъ того, чтобы совершить это перемѣщеніе, медіумъ долженъ былъ встать съ своего мѣста, а упомянутые сосѣди единогласно утверждаютъ, что ни разу медіумъ не оставлялъ сидячаго положенія, принятаго имъ въ началѣ сеанса, — чего, благодаря его бѣлому платью, они проглядѣть не могли бы.

4) Я не могу умолчать здѣсь о моемъ личномъ наблюденіи, имѣющемъ для меня въ этомъ случаѣ очень важное значеніе: дѣло въ томъ, что м-съ Э.,—хотя это можетъ показаться страннымъ—никогда не пьетъ воды, ни за обѣдомъ и завтракомъ, ни въ промежуткахъ, а пьетъ только во время матеріализаціонныхъ сеансовъ и пьетъ много. Я зналъ это по ея словамъ, знаю и по моему собственному наблюденію, когда она жила у меня. Многимъ извѣстно, что графинъ воды необходимъ на сеансахъ м-съ Э., многіе знаютъ еще, что она пьетъ много, именно когда сеансъ удаченъ и матеріализаціи происходятъ, въ особенности послѣ появленія вполнѣ сформированной фигуры; но немногіе знаютъ, что внѣ сеансовъ она никогда не пьетъ воды. Для меня тотъ фактъ, что она два раза просила пить именно впродолженіе четверти часа, когда заявляли о частичномъ исчезновеніи ея тѣла, служитъ доказательствомъ происхожденія процесса дематеріализаціи. Ибо ясно, что эта дематеріализація ея тѣла—явленіе обычно совершающееся во время происходящихъ на ея сеансахъ матеріализаціяхъ, но, обыкновенно, она не даетъ себѣ въ немъ отчета и что эта сильная жажда именно во время этихъ явленій возбуждается огромной потерей жизненнаго элемента, вѣроятно, совершающейся тогда въ ея тѣлѣ.

5) Наконецъ, развѣ мы не должны обратить вниманіе на крайне нервное состояніе, сопровождавшееся то-

ской и страданіями, въ какомъ м-съ Э. тогда находилась? Говоритъ она о немъ и сама, свидѣтельствуютъ и лица, вблизи его наблюдавшія. Также какъ и на чрезмѣрный упадокъ силъ тотчасъ послѣ сеанса, поразившій генерала Топпеліуса? Было ли и все это тоже хорошо разыгранной комедіей; но зачѣмъ? съ какой цѣлью? — обыкновенно матеріализаціи не сопровождаются страданіемъ. Мнѣ кажется, что невозможно читать безъискусственное показаніе м-съ Э., не почувствовавъ его искренности. Она говоритъ: «Моя нервность и страхъ увеличивались съ каждой минутой, я чувствовала себя крайне нехорошо». Я ей вполнѣ вѣрю. Впродолженіе моего долгаго пребыванія въ Готенбургѣ я успѣлъ узнать м-съ Э., какъ женщину глубоко правдивую и искреннюю и я не имѣю никакой причины сомнѣваться въ ея показаніи объ этомъ необычайномъ случаѣ. И теперь, когда я пишу это ровно годъ спустя, могу ли я не принять также во вниманіе болѣе чѣмъ непріятныя послѣдствія, вызванныя этимъ случаемъ, отразившіяся на ея здоровьи вообще, и на ея медіумической способности въ частности, совершенно у нея исчезнувшей, не исключая даже самаго легкаго ея проявленія въ автоматическомъ письмѣ. Впродолженіе трехъ мѣсяцевъ — ровно ничего; приходилось заключить, что медіумическая сила потеряна ею навсегда. Нервное потрясеніе было такъ сильно, что впродолженіе всего этого времени она не могла приняться за свои конторскія занятія, оставленныя ею на время ея пребыванія въ Гельсингфорсѣ. Всякая умственная работа была выше ея силъ. Лѣто, проведенное въ Баваріи, какъ будто возвратило ей силы, но едва она пріѣхала въ Готенбургъ, какъ тотъ же крайній упадокъ ихъ проявился снова. Для г-на Седергольма и К° все это не существуетъ; м-съ Э. пріѣзжала и уѣхала и за-

нимающее насъ явленіе было ничто иное, какъ ловкій фокусъ, о которомъ вспоминаютъ со смѣхомъ. Но для м-съ Э. тяжелыя послѣдствія этого такъ называемаго фокуса—продолжительная грустная реальность, и я, постоянно получавшій извѣстія о мученіяхъ, черезъ которыя она прошла, не могу не принять ихъ во вниманіе и не видѣть въ нихъ самаго положительнаго доказательства того, насколько совершившійся съ нею фактъ былъ далеко не шуткой.

И теперь, подводя итогъ всѣмъ даннымъ *за* и *противъ* явленія, я не могу не признать, что данныя *за* берутъ верхъ надъ данными *противъ* и что явленіе дѣйствительно произошло.

Я совершенно понимаю, насколько подобный фактъ сказоченъ и невѣроятенъ даже *для насъ*, спиритовъ, не говоря уже о постороннихъ, вѣроятно, считающихъ меня помѣшавшимся. Но разъ мы признаемъ явленіе матеріализаціи — которое *для насъ* неоспоримый фактъ — дематеріализація является его дополненіемъ, логически неопровержимымъ. Теоретическія умозрѣнія мои о проявленіи Кэтъ Кингъ, изложенныя въ I главѣ, представляются мнѣ вполнѣ логически допустимыми, дающими ключъ къ логической возможности занимающаго насъ явленія. Но почему же оно такъ поражаетъ насъ?—потому, что необычайное явленіе всегда легче допустимо, какъ логическій постулатъ, чѣмъ видимое нашими собственными глазами и осязаемое собственными руками.

Дополненіе.

Нахожу полезнымъ представить здѣсь въ подкрѣпленіе моихъ словъ слѣдующія извлеченія изъ писемъ ко мнѣ м-съ Э.; въ нихъ предстанетъ какъ въ зеркалѣ

точное отраженіе ея физическаго и нравственнаго состоянія впродолженіе послѣдняго года.

Готенбургъ, 7-го января 1894 года.

... «О сеансахъ въ Христіаніи (новая серія которыхъ должна была начаться 12-го января, согласно прежнему приглашенію, принятому м-съ Э. — *А. А.*) еще нѣтъ и рѣчи, такъ какъ мой медіумизмъ, со времени моего послѣдняго сеанса въ Гельсингфорсѣ, еще не возвращался, и я думаю, что для многихъ будетъ и лучше, если онъ и вовсе мнѣ не возвратится, такъ какъ онъ многимъ, повидимому, причиняетъ безпокойство и непріятности. Лично мнѣ это безразлично — никто во мнѣ не нуждается; но вся эта газетная огласка и всѣ оскорбительныя статьи бросаютъ подозрѣніе на тѣхъ, кто меня защищаетъ, и на г-на Фидлера и его семью падаетъ значительная доля непріятностей и поношеній, которыя относятся ко мнѣ; и не только это, но даже причиняютъ не малый матеріальный ущербъ, потому что многіе отказываются имѣть дѣло съ лицами, столь близко прикосновенными къ такой «обманщицѣ», какъ я...»

«Съ тѣхъ поръ какъ я вернулась изъ Финляндіи, мнѣ постоянно нездоровилось. Меня безпокоитъ и угнетаетъ особенное ощущеніе утраты чего-то, и я не могу отъ этого отдѣлаться. Я не знаю, что я утратила, развѣ мой медіумизмъ; но это ощущеніе—угнетающее и весьма странное... Но я все-таки думаю, что медіумизмъ мой вернется, желаю ли я этого или не желаю...»

Готенбургъ, 30-го января 1894 года.

... «Нѣтъ! Мой медіумизмъ не вернулся! Я сдѣлала нѣсколько попытокъ, чтобы убѣдиться въ этомъ, больше изъ чувства долга, нежели по какому-либо другому побужденію, потому что, повидимому, добра отъ этого

нѣтъ никому, сравнительно съ тѣми громадными непріятностями, которыя онъ каждому причиняетъ. Если онъ вернется, я думаю, что я имъ буду вновь пользоваться, но я искренно надѣюсь, что этого не случится...»

«Пожалуй и жалко, что сеансы въ Христіаніи не состоялись! Если я когда-нибудь буду въ силахъ, я исполню данное имъ мною обѣщаніе, но если нѣтъ, то, можетъ быть, это и къ лучшему!»

... «Я думаю, что вамъ удастся получить полное и настоящее подтвержденіе того, что произошло на послѣднемъ сеансѣ въ Гельсингфорсѣ, ибо было бы слишкомъ горько, еслибъ оказалось, что я поплатилась и своимъ медіумизмомъ и своимъ здоровьемъ понапрасну. Утрата того и другого и разстройство всей моей нервной системы явились, я знаю, послѣдствіемъ того факта, что я допустила столь многихъ изъ присутствующихъ къ изслѣдованію явленія...»

... «Я не могу сказать, что я нездорова, но мнѣ крайне тяжело всякое занятіе, требующее малѣйшаго напряженія мысли. Еслибы это было мнѣ возможно, я готова была бы лежать цѣлые часы, ничего не дѣлая; но слишкомъ у меня много работы, чтобы позволить себѣ нѣчто подобное.»

Готенбургъ, 6-го февраля 1894 года.

... «Я надѣюсь, что вы добьетесь чего-нибудь положительнаго о послѣднемъ сеансѣ. Мнѣ кажется, что я никогда такъ не желала получить подтвержденія случившагося, какъ въ этотъ разъ; и зная, какъ трудно добиться обстоятельнаго подтвержденія явленія въ такихъ случаяхъ, когда не является сомнѣнія, я недоумѣваю, легко ли этого будетъ достигнуть на этотъ разъ.»

«Во всякомъ случаѣ я всегда буду жалѣть, что это

случилось среди такихъ новичковъ, какъ въ Гельсингфорсѣ.»

«До сихъ поръ нѣтъ никакого признака возвращенія моего медіумизма...»

Готенбургъ, 4-го марта 1894 года.

... «Вамъ интересно будетъ узнать, что недѣлю тому назадъ я была на сеансѣ у г-на Нордмарка, президента здѣшняго психо-физическаго общества, и получились достаточныя доказательства тому, что мои медіумическія способности до нѣкоторий степени возвратились; мы получили сообщеніе путемъ стуковъ, которое впослѣдствіи было провѣрено; это нѣчто похожее на случай Стромберга...»

Готенбургъ, марта 15-го 1894 года.

... «Мой медіумизмъ, повидимому, возвращается по мѣрѣ того, какъ поправляется мое здоровье; 10-го состоялся сеансъ у г-на Нордмарка и очень удачный...»

Партенкирхенъ въ Верхней Баваріи
6-го апрѣля 1894 года.

«Вы удивитесь, конечно, получивъ письмо изъ этого укромнаго уголка... Одинъ изъ хорошихъ моихъ друзей, баронесса фонъ Ц., приглашала меня уже давно пріѣхать къ ней, но я ранѣе все еще недостаточно была здорова, чтобы пуститься въ путь; какъ только я достаточно окрѣпла, она пріѣхала за мной и мы пріѣхали съ ней сюда... Я никому не сообщила моего адреса, потому что не желаю, чтобы меня приглашали на сеансы. Теперь я только художница, пока совсѣмъ не оправлюсь. Съ тѣхъ поръ какъ я знаю, что мой медіумизмъ не пропалъ, я могу ждать терпѣливо и дать ему оправиться отъ испытаннаго потрясенія...»

Партенкирхенъ, 26-го апрѣля 1894 года.

... «Я почти совсѣмъ оправилась, хотя не думаю, чтобы воздухъ здѣшнихъ долинъ былъ для меня вполнѣ пригоденъ...»

Партенкирхенъ, 14-го мая 1894 года.

... «Я теперь совсѣмъ поправилась и силы мои снова вернулись; если я чувствовала себя вначалѣ нѣсколько слабой, то, можетъ быть, это было послѣдствіемъ стоявшей здѣсь сильной жары...»

Готенбургъ, 23-го іюня 1894 года.

... «Я вернулась домой съ мѣсяцъ тому назадъ, чтобы дать возможность кассиру нашей конторы уѣхать въ отпускъ... Я теперь совсѣмъ здорова, пребываніе въ Баваріи въ концѣ концовъ оказало благопріятное дѣйствіе, хотя вначалѣ казалось, что оно скорѣе разстраивало мои нервы...»

Готенбургъ, 20-го октября 1894 года.

... «Когда я писала, что я совсѣмъ здорова, то это было написано преждевременно, ибо, едва я вернулась домой, какъ почувствовала, что сдѣлала ошибку, уѣхавши изъ Альпъ такъ рано; когда я принялась за свое обычное дѣло, я убѣдилась, что я совсѣмъ не пригодна къ нему, и до сихъ поръ не могла имъ заняться. На самомъ дѣлѣ, я сегодня въ первый разъ сначала сентября встала съ постели. Нашъ докторъ сказалъ сегодня, что я не должна оставаться на зиму въ Швеціи, и совѣтовалъ какъ возможно скорѣе уѣхать сколь можно южнѣе... Это очень непріятно, такъ какъ я очень желала снова приняться за работу...»

Вилла Кларенція, Монтрё, Швейцарія,
20-го декабря 1894 года.

... «Вотъ я и въ Швейцаріи, пытаясь поправить свое здоровье; не то, чтобы я была очень больна, но самые пустяки меня раздражаютъ и разстраиваютъ окончательно. Да, это послѣдствія этого сеанса, которыя даютъ себя помнить цѣлый годъ. Вся нервная система поражена; какъ только я простужусь, или не слѣдую совсѣмъ строго предписанной діэтѣ, я осуждена лежать въ постели... Мнѣ казалось, что я настолько поправилась лѣтомъ послѣ моего продолжительнаго отпуска, что я вернулась къ моимъ занятіямъ, но уже, спустя нѣсколько дней, я убѣдилась, что здоровье мое настолько же плохо, какъ и раньше, что я совсѣмъ неспособна заниматься какимъ-либо умственнымъ трудомъ. Я вынуждена была также совсѣмъ покинуть занятіе живописью... Въ другихъ отношеніяхъ я здорова; я могу достаточно ѣсть, спать и гулять.»

«У меня все еще не вернулся прежній цвѣтъ волосъ (это въ отвѣтѣ на мой вопросъ о состояніи волосъ м-съ Э. — *А. А.*); вся часть надъ лбомъ и теменемъ бѣлые, остальные волоса черные; мнѣ кажется, однако, что новые волоса, которые растутъ вмѣсто выпадающихъ сѣдыхъ — темные, но они дѣлаются тотчасъ же сѣдыми, когда появляется у меня нервная головная боль, что случается при самомъ ничтожномъ поводѣ.»

IV.

Личныя ощущенія медіума во время матеріализаціоннаго сеанса по его собственнымъ показаніямъ [1]).

Миссисъ Эсперансъ единственный мнѣ извѣстный медіумъ, не впадающій въ трансъ въ матеріализаціонныхъ сеансахъ и это вслѣдствіе условія, заключеннаго ею съ невидимыми силами, когда ея медіумическія способности для матеріализаціи обнаружились. Обнаруженіе это произошло случайно слѣдующимъ образомъ, какъ она сама мнѣ разсказывала. Пріѣхавъ однажды къ своей любимой подругѣ миссисъ Фэрлямъ (теперь миссисъ Меллонъ), уже извѣстной въ качествѣ медіума для матеріализаціи, и не найдя кэба для возвращенія домой, она была вынуждена пробыть у нея долѣе обыкновеннаго. Миссисъ Эсперансъ, не сомнѣваясь, впрочемъ, въ честности своей подруги, все-таки не вѣрила матеріализаціи. Чтобы провести время и позабавиться, миссисъ Фэрлямъ предложила своей гостьѣ сѣсть одной въ кабинетѣ, устроенномъ въ ея комнатѣ для сеансовъ. Только что миссисъ Э. со смѣхомъ усѣлась тамъ, какъ появилась фигура... Послѣ этого ея, конечно, не оставили въ покоѣ, настаивая на продолженіи сеансовъ, но наслышавшись достаточно объ обвиненіяхъ противъ медіумовъ, разыгрывающихъ роль «духовъ», и о непріятностяхъ, которымъ они тѣмъ самымъ подвергались,—она согласилась садиться въ кабинетъ *только при одномъ условіи*: ни-

[1]) Эта глава составляетъ одну изъ главъ разслѣдованія моего о гельсингфорскомъ сеансѣ миссисъ Эсперансъ, напечатаннаго въ моемъ нѣмецкомъ журналѣ «Psychische Studien». Русскій переводъ былъ помѣщенъ въ «Ребусѣ» въ 1895 году, подъ заглавіемъ «Выдающееся явленіе въ области матеріализаціи».

когда не впадать въ трансъ, а оставаться все время въ полномъ сознаніи, если только «духи» могутъ дѣйствовать при такихъ условіяхъ. Они отвѣтили, что это возможно и обѣщали никогда не погружать ея въ трансъ.

Такимъ образомъ, миссисъ Э., находясь въ кабинетѣ, была вполнѣ увѣрена, что ея не заставятъ безсознательно играть роль духа. Вотъ почему она такъ удивилась и пришла въ такое негодованіе, неожиданно признавъ себя, такъ сказать, жертвой иллюзіи, подъ вліяніемъ которой, при полномъ сознаніи, что она сидитъ въ кабинетѣ, тѣло ея находилось внѣ его и разыгрывало роль, навязанную ей незримыми дѣятелями. Это было для нея цѣлымъ *откровеніемъ* [1]) *и съ тѣхъ поръ она не иначе* соглашалась продолжать свои сеансы, какъ сидя *внѣ* кабинета.

Находясь въ Готенбургѣ въ 1890 году я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы предложить медіуму рядъ вопросовъ относительно его физическаго и умственнаго состоянія во время матеріализаціонныхъ сеансовъ. Миссисъ Эсперансъ самымъ любезнымъ образомъ согласилась исполнить мое желаніе. Я предлагалъ вопросы, а м-ръ Фидлеръ [2]) стенографировалъ отвѣты медіума. Затрудняясь въ то время согласовать это совершенное раздвоеніе тѣла медіума — эту, говоря языкомъ современнаго гипнотизма, полную экстеріоризацію съ яснымъ сознаніемъ медіума, что онъ сидитъ на своемъ мѣстѣ въ кабинетѣ, — я не рѣшился тогда опубликовать эти отвѣты. Теперь же, послѣ гельсингфорскаго явленія, служащаго нагляднымъ примѣромъ — «demonstratio ad oculos» того, что можетъ произойти на еще высшей

[1]) См. I-ю главу напечатанной въ «Ребусѣ» въ 1895 году статьи: *Выдающееся явленіе въ области матеріализаціи.*

[2]) Хозяинъ дома, гдѣ происходили Готенбургскіе сеансы.

ступени этой фазы медіумическихъ явленій, я считаю себя вправѣ предать гласности нижеслѣдующіе матеріалы, въ убѣжденіи, что придетъ время, когда они будутъ оцѣнены по достоинству.

Вотъ вопросы и отвѣты медіума.

1-й вопросъ. Что вы чувствуете тѣлесно и умственно, сидя въ темномъ кабинетѣ, когда явленіе начинается?

Отвѣтъ. Въ самомъ началѣ, когда я усядусь и занавѣски задернутся, я чувствую потребность знать — сидятъ-ли члены кружка, какъ слѣдуетъ, по своимъ мѣстамъ. Пока я могу ихъ видѣть, я не чувствую никакой попытки со стороны «духовъ» воспользоваться мною; когда занавѣски задернуты, мое вниманіе обращено на присутствующихъ, и если среди нихъ безпорядокъ, то я чувствую себя возбужденной, и пока все не устроится, я не достаточно покойна для того, чтобы могли начаться явленія.

Когда же наступаетъ полная тишина и спокойствіе, я чувствую, что ни о чемъ болѣе не забочусь, даже о себѣ самой. И чѣмъ долѣе я сижу, тѣмъ менѣе забочусь о чемъ бы то ни было, заявляю же я, что кто-то находится въ кабинетѣ лишь потому, что считаю своимъ долгомъ извѣщать о томъ присутствующихъ, а совсѣмъ не отъ того, что это имѣетъ какой-либо интересъ для меня самой.

Когда въ кружкѣ кто-либо двигается или мѣняетъ мѣсто, то какъ будто разрываетъ этимъ какую-то связь и причиняетъ остановку въ явленіяхъ. Въ послѣднемъ сеансѣ я почувствовала, что кто-то ушибся, но кто это былъ и насколько силенъ ушибъ — этого я не знала.

Первое, что я чувствую, когда покойно усядусь въ кабинетѣ, это какъ-бы паутину на лицѣ и на рукахъ, и тру тогда лицо и руки. Чувство это проходитъ и я

начинаю ощущать, какъ воздухъ наполняется какимъ-то веществомъ, и мнѣ становится тяжело дышать. Когда же и это проходитъ, я знаю, что фигура сформировалась. Начинаются явленія ощущеніемъ паутины, которое впродолженіе всего сеанса уже не возвращается, и только въ одномъ случаѣ, если сеансъ прерывается, ощущеніе паутины является снова.

Когда сеансы не удаются, я замѣчаю, что паутина все время исчезаетъ, и, повидимому, не является ни фигуры, ни другихъ признаковъ матеріализаціи. Если черезъ занавѣску проходитъ ко мнѣ хотя небольшой свѣтъ, я могу видѣть бѣлую парообразную массу, движущуюся вокругъ, какъ паръ локомотива. Я часто вкладывала въ него руку, чтобы изслѣдовать, что это такое, такъ сказать, ощутить этотъ паръ, но ни разу не имѣла такого ощущенія, что рука моя до чего-нибудь дотрогивается. Вижу я это не такъ часто, да и въ очень рѣдкихъ случаяхъ проявляется у меня достаточно любопытства изслѣдовать, что такое этотъ движущійся паръ. Меня это до нѣкоторой степени интересуетъ лишь потому, что другіе могутъ быть этимъ заинтересованы, иначе я бы оставалась вполнѣ равнодушной.

Послѣ того, какъ этотъ паръ впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, а, можетъ быть, и получаса, клубится и двигается во всѣ стороны, онъ вдругъ останавливается, и я знаю, что возлѣ меня уже стоитъ живое существо. Движеніе пара можетъ продолжаться не болѣе минуты, и живое существо уже появляется.

Одновременно съ ощущеніемъ паутины я начинаю испытывать чувство пустоты, но замѣчаю я его только въ самомъ началѣ, хотя и позднѣе, какъ мнѣ кажется, оно меня не покидаетъ. Когда пробую двинуться, то не сознаю разстоянія. Я не могу сказать, насколько да-

леко я подвинула палецъ; когда же онъ двинулся, я не могу сказать, гдѣ прекратится его движеніе. Это можно сравнить съ движеніемъ членовъ въ водѣ. Законы тяжести, какъ будто пріостановлены. Я знаю, что становлюсь, такъ сказать, все болѣе и болѣе безчувственной, и хотя я знаю, что между мною и концомъ кабинета очень небольшое разстояніе, мнѣ представляется, что кабинетъ исчезъ и нѣтъ тутъ никакого предѣла. Когда приходитъ Іоланда, мнѣ кажется, что она пришла очень издалека [1]).

2-й вопросъ. Замѣтили-ли вы что прежде матеріализуется: тѣло или одѣяніе? Имѣли-ли вы возможность наблюдать, какъ одѣвается Іоланда? Не замѣтили-ли вы, что для своего одѣянія она пользуется вашими вещами?

Отвѣтъ. Когда паръ превращается въ живое существо, я никогда не могу опредѣлить, что сперва образуется: сама ли фигура или ея одѣяніе. Превращеніе происходитъ такъ быстро, можно сказать, мгновенно, что я не могу сказать, что появляется прежде — тѣло или одежды. Іоланда, большей частью, подходитъ ко мнѣ, какъ только матеріализовалась. Ея приближеніе всегда возбуждаетъ во мнѣ нѣкоторый къ ней интересъ, хотя я рѣдко имѣю случай ее видѣть. Появленіе ея всегда неожиданно, отъ того-ли, что я утрачиваю чувство своей предѣльности и всякое появленіе представляется мнѣ идущимъ издалека, что и возбуждаетъ мое любопытство.

Я клала на нее руку и трогала ея волосы, но никогда не было у меня желанья внимательно ихъ разслѣдовать. На послѣднемъ сеансѣ она положила голову ко мнѣ на колѣни и я чувствовала у себя на рукахъ ея волосы;

---

[1]) Постоянно являвшаяся въ то время фигура.

плечи ея, локти и руки были голые. Насколько я знаю, она никогда не брала ничего изъ моего туалета для своей одежды. Однажды г-жа Фидлеръ замѣтила, что отдѣлка ея юбки совершенно походила на мою; но тщательно осмотрѣвъ эту отдѣлку, мы убѣдились, что она была чиста, сплоена и лежала въ комодѣ, не тронутая. Послѣ этого случая я во время сеансовъ всегда надѣвала юбки съ темной отдѣлкой, такъ какъ Іоланда всегда появлялась въ бѣломъ.

Когда Лейлу [1]) фотографировали, я замѣтила при вспышкѣ магнія, что на ней была такая же шаль, какая есть у меня, подаренная моему отцу султаномъ Абдулъ-Азисомъ за какую-то оказанную ему услугу во время Крымской кампаніи. Тотчасъ же послѣ сеанса я пошла отыскивать мою шаль, и нашла ее тщательно сложенною на ея обычномъ мѣстѣ, въ комодѣ, подъ замкомъ.

Во время пребыванія Іоланды внѣ кабинета, мнѣ случалось вліяніемъ моей воли заставлять ее приходить ко мнѣ, что очень ее сердило; она хотѣла, чтобы я дозволила ей возвратиться къ кружку.

3-й вопросъ. Когда Іоланда появляется между занавѣсокъ, ясно-ли вы ее видите? Что вы тогда чувствуете, и почему не отвѣчаете на вопросы?

Отвѣтъ. Когда Іоланда стоитъ въ разрѣзѣ занавѣски, и я могу ее видѣть, я чувствую себя сонливой и равнодушной ко всему, что происходитъ; вѣроятно, причина тому моя слабость, полное безсиліе чѣмъ-нибудь заняться.—Когда ко мнѣ обращаются съ вопросомъ, мнѣ нужно, такъ сказать, собрать мои мысли и силы, чтобы быть въ состояніи отвѣтить. Я чувствую и думаю смутно,

[1]) Имя одной изъ матеріализованныхъ фигуръ, появлявшихся на цѣлой серіи сеансовъ, данныхъ миссисъ Эсперансъ г. Хедлунду въ 1889 году въ Готенбургѣ.

какъ-бы во снѣ. Я могу думать и чувствовать, но не двигаться, будучи какъ-бы парализованной.

4-й вопросъ. Движенія тѣла рукъ и ногъ Іоланды производятъ-ли какое воздѣйствіе на ваше собственное тѣло.

Отвѣтъ. Всякое сколько-нибудь рѣзкое движеніе Іоланды производитъ во мнѣ испарину. Я не знаю, гдѣ она двигается, только чувствую, что двигается, потому что знаю по опыту, что всякое усиліе съ ея стороны болѣе истощаетъ меня, чѣмъ мое собственное.

Часто по окончаніи сеансовъ я нахожусь въ такой испаринѣ, что бываю вынуждена все на себѣ перемѣнить. Въ нормальномъ же состояніи у меня, можно сказать, никогда не бываетъ испарины. Когда я беру турецкія ванны, то необходимо сильно нагрѣть ихъ, чтобы вызвать испарину.

5-й вопросъ. Когда Іоланда находится совсѣмъ внѣ кабинета, знаете ли вы это? Что вы тогда чувствуете? Существуетъ-ли какое либо отношеніе, какая либо связь между ею и вами? Когда кто-нибудь изъ присутствующихъ до нея дотрагивается, или она сама кого-нибудь трогаетъ, чувствуете ли вы это?

Отвѣтъ. Когда Іоланда внѣ кабинета, я это знаю, но, можетъ быть, потому, что видѣла, какъ она вышла. Когда она дематеріализуется внѣ, я чувствую, что становлюсь сильнѣе, и заключаю изъ этого, что она ушла, но не могу сказать, что знаю это какъ нѣчто несомнѣнное. Когда она дематеріализуется внѣ моего помѣщенія, я не знаю, совсѣмъ ли она исчезла, или вошла въ кабинетъ, такъ какъ я этого не видала. Все, что я чувствую, когда она находится внѣ кабинета, это нервный страхъ за нее, за то, что она теперь дѣлаетъ, такъ какъ, ускользнувъ изъ подъ моего надзора, она можетъ сдѣлать то, чего не слѣдуетъ дѣлать. Я никогда не думаю

о себѣ, а только о ней, точно какъ бы она была ребенокъ, ввѣренный моему попеченію. Этого никогда не бываетъ относительно другихъ матеріализованныхъ фигуръ, до тѣхъ мнѣ нѣтъ дѣла, онѣ для меня ничто; нѣсколько интересуютъ меня, пожалуй, но нисколько не безпокоятъ.

Можетъ быть, причиною этого безпокойства относительно Іоланды то, что ее не разъ раздражали. Такъ, напримѣръ, когда м-ръ Джоржъ Джаксонъ былъ здѣсь во время нашихъ опытныхъ сеансовъ, онъ былъ причиною ея раздраженія. Когда Іоланда стала выбрасывать на полъ драпировавшую ее ткань, онъ подумалъ, что она отдаетъ ее ему, и попробовалъ положить ее въ карманъ, но какъ онъ ни старался ее упрятать, ткани все какъ будто прибавлялось и прибавлялось. Іоланда совсѣмъ не желала, чтобы онъ ею завладѣлъ, и стала выказывать признаки нетерпѣнія и досады. Присутствующіе сказали м-ру Джаксону, чтобы онъ не трогалъ ткани, но не понимая по-шведски, онъ продолжалъ засовывать ее въ карманъ. Наконецъ, Іоланда окончательно разсердилась и начала топать ногою. Тогда Джаксонъ понялъ, что ошибся, и возвратилъ ей ея ткань. Я ясно видѣла ее на порогѣ кабинета, но не могла понять, что съ нею случилось. Я видѣла только, какъ она топала ногой и дергала свою вуаль.

Когда Іоланда, находясь внѣ кабинета, до кого нибудь дотрагивается или кто до нея дотрагивается, я всегда это чувствую. Я не знаю, когда она просто трогаетъ какой-нибудь предметъ, напримѣръ, книгу, столъ, но если она что-нибудь схватитъ, я чувствую, какъ мои мускулы напрягаются, какъ будто схватила это я сама.

Когда она окунула руку въ растопленный парафинъ,

я почувствовала ощущеніе обжога [1]). Во время сеансовъ у м-ра Хедлунда я помню одинъ вечеръ, въ который онъ приподнялъ занавѣску по серединѣ кабинета; повидимому, въ эту минуту Іоланда попала ногой на гвоздь, я тотчасъ же почувствовала боль въ ногѣ, а она ничего не чувствовала. Позднѣе боль прошла; вернулась лишь въ концѣ сеанса.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ньюкастлѣ она держала въ рукахъ розанъ и укололась шипомъ, я тотчасъ же почувствовала уколъ въ пальцѣ. Она сначала обратилась къ одному изъ присутствующихъ, чтобы вынулъ шипъ, но онъ ея не понялъ и она пришла за тѣмъ же ко мнѣ.

За исключеніемъ боли (когда Іоландѣ случалось ощущать ее) я не чувствую, чтобы между нею и мною существовала *какая нибудь связь*, что касается до моего личнаго я. Я отлично чувствую, что ничего не потеряла, кромѣ чувства тѣлесности; я знаю, что въ присутствіи Іоланды я не теряю ни способности мыслить, ни способности разсуждать; напротивъ, разсудокъ мой еще болѣе проясняется. Хотя она беретъ часть моего тѣла, но я однако знаю, что она не завладѣваетъ моими мыслями и способностями.

6-й вопросъ. Были ли вы когда въ состояніи видѣть Іоланду, когда она находится въ комнатѣ вдали отъ кабинета?

Отвѣтъ. Я видѣла ее играющей внѣ кабинета на органчикѣ, когда она случайно нѣсколько приподняла занавѣску. И въ другіе разы я видала ее по ту сторону занавѣски. Во время сеансовъ у м-ра Хедлунда я часто

[1]) Это происходило на одномъ изъ моихъ сеансовъ; я приготовилъ парафинъ, растопленный въ горячей водѣ, чтобы попробовать получить форму руки Іоланды. *А. А.*

видала ее, когда она производила опыты со свѣтомъ, чтобы узнать, до какой степени я могу его переносить; она привязывала занавѣси кверху такъ, чтобы я могла ее видѣть. Я видѣла ее тоже, когда она осматривала комнату. Но когда я желаю ее видѣть, что со мной иногда случается, я не имѣю силы приподнять занавѣску.

Разъ шесть я совершенно ясно видѣла Іоланду внѣ кабинета; однажды въ Ньюкастлѣ она подошла ко мнѣ черезъ третье отдѣленіе кабинета, пройдя по всей комнатѣ. Я видѣла, какъ она вышла, и тогда потеряла ее изъ виду и ничего уже не знала о ней, пока она не приблизилась ко мнѣ на разстояніе нѣсколькихъ футовъ. *Я пошла съ нею*, она обняла меня за талію и помогла мнѣ дойти до органа. Иногда она матеріализовалась возлѣ меня внѣ кабинета, и тогда я могла ее видѣть такъ же, какъ и остальные присутствующіе.

7-й вопросъ. Замѣчаете ли вы во время сеансовъ какія-нибудь измѣненія въ вашемъ состояніи тѣлесномъ или умственномъ, которыя соотвѣтствовали бы явленіямъ?

Отвѣтъ. Соотвѣтственно образованію призраковъ, ихъ исчезновенію или движенію, я испытываю тѣлесныя впечатлѣнія, какъ, напр., ощущеніе пустоты или парализаціи; но ощущенія эти тотчасъ же проходятъ, какъ только призракъ исчезаетъ. Что касается моего умственнаго состоянія, то это совершенно напротивъ: живость въ моихъ впечатлѣніяхъ несравненно сильнѣе въ первой фазѣ явленія, чѣмъ въ нормальномъ состояніи, въ которомъ не бываетъ ни матеріализаціи, ни призраковъ.

Я знаю и чувствую все, что происходитъ внѣ кружка. Я видѣла, что вы отлучились [1]); я знаю, когда кто-ни-

[1]) Это относится къ слѣдующему случаю: на одномъ изъ сеансовъ, когда все уже было готово—миссисъ Эсперансъ въ кабинетѣ,

будь ходитъ въ какой бы то ни было части дома, и знаю это гораздо яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ состояніи. Я слыхала бой часовъ на церковной башнѣ; могу слышать свистки пароходовъ въ гавани, также и шумъ отъ проходящихъ поѣздовъ, что невозможно въ нормальномъ состояніи.

8-й вопросъ. Слышите ли вы, что говорятъ между собою присутствующіе, въ особенности если рѣчь идетъ объ Іоландѣ?

Отвѣтъ. Я слышу разговоры присутствующихъ, и мнѣ кажется, что я даже знаю, что они думаютъ: когда кто-нибудь говоритъ съ Іоландой, на какомъ бы то ни было языкѣ, мнѣ сдается, что я какъ будто знаю, что они хотятъ сказать. Я узнаю не потому, что они дѣлаютъ, а потому, что они думаютъ.

9-й вопросъ. Дотрогивается ли до васъ когда либо Іоланда, и что вы въ такомъ случаѣ ощущаете?

Отвѣтъ. Когда я трогаю Іоланду, я чувствую, какъ будто я трогаю самое себя; но такъ какъ при этомъ я ощущаю четыре руки, то и заключаю, что руки эти не мои. Въ одномъ изъ сеансовъ, когда она взяла обѣ мои руки, одну, чтобы держать гитару, а другую для игры на струнахъ, у меня было такое ощущеніе, что я играю

занавѣси опущены, всѣ по своимъ мѣстамъ, освѣщеніе установлено—только дверь еще не была заперта на ключъ, чѣмъ я воспользовался, чтобы выйти на минуту изъ комнаты, не дѣлая ни малѣйшаго шума. Когда я вернулся, мнѣ сказали, что миссисъ Эсперансъ воскликнула: «нельзя начинать: г-нъ Аксаковъ вышелъ. Прибавляю, что медіумъ сидѣлъ въ кабинетѣ ко мнѣ спиною, благодаря тому, что такъ стояло его кресло. Насъ раздѣляла одна занавѣска, но мой стулъ находился около лѣваго угла кабинета немного позади кресла медіума, такъ что онъ не могъ меня видѣть, даже еслибъ въ занавѣскѣ былъ просвѣтъ. *А. А.*

моими собственными руками. Единственная разница только въ томъ, что ея руки были холоднѣе моихъ.

10-й вопросъ. Дотрогиваетесь ли вы до Іоланды всегда, когда желаете, и настолько, насколько желаете? Очень естественно вамъ желать убѣдиться, что передъ вами настоящее тѣло?

Отвѣтъ. Я никогда не ищу дотронуться до Іоланды, если она не находится возлѣ меня и не проситъ меня что-нибудь для нея сдѣлать. Я чувствовала ее въ упомянутомъ мною сеансѣ, когда, испугавшись, она на меня бросилась. Я ощущала все ея тѣло, слышала біеніе ея сердца, чувствовала ея дыханіе, или, вѣрнѣе, сказать, мнѣ казалось, что я какъ будто слышу, какъ бьется ея сердце. Я не могла понять причину ея страха. Напугало ее такъ сильно не что иное, какъ только звуки гитары. Пальцы ея были влажны, и когда она дотронулась до моего лица, я почувствовала отъ нихъ запахъ земли [1]), изъ чего заключила, что она имѣла дѣло съ растеніемъ; я чувствовала песокъ.

Я пробую дотрогиваться до Іоланды только въ началѣ сеанса; позднѣе всякая къ тому охота, всякій интересъ пропадаетъ. *Когда я протягиваю руку, чтобы до нея дотронуться, я ровно ничего не ощущаю,* точно какъ будто тутъ ничего нѣтъ. Когда занавѣси раскрыты, я конечно вижу, что есть здѣсь что-то, или кто-то, но позднѣе, когда она матеріализуется полнѣе, я перестаю чѣмъ-либо интересоваться; однако, когда она меня трогаетъ, я могу ее чувствовать.

Я не помню, чтобъ когда-нибудь находила Іоланду у себя на колѣняхъ; въ большей части случаевъ она са-

[1]) Сеансъ 28-го іюня 1890 г. въ продолженіе котораго Іоланда матеріализовала растеніе. («Psychische Studien» 1891 года. Ноябрь и декабрь).

дится на полъ у моихъ ногъ и кладетъ голову ко мнѣ на колѣни; тогда она находится впереди меня и какъ будто проходитъ между мной и занавѣсками; и хотя тутъ не болѣе пространства какъ три или четыре дюйма, но она проходитъ, и я при этомъ ничего не чувствую. Когда она становится на мои ноги или на мои колѣни, *я не чувствую никакой тяжести.* Однако, въ этомъ сеансѣ я чувствовала всю тяжесть ея тѣла; но обыкновенно, въ ней какъ будто нѣтъ никакого вѣса.

Я не помню, чтобъ Іоланда когда-нибудь проходила позади меня, но Нина [1]) дѣлаетъ это нерѣдко, и тогда какъ будто частью входитъ въ кабинетную стѣнку, что ее нисколько не стѣсняетъ; Іоланда никогда этого не дѣлаетъ.

Живая личность ростомъ съ Іоланду никогда бы не могла двигаться, какъ она между занавѣсками и мною, безъ того, чтобы я этого не замѣтила.

Вопросъ 11-й. Видѣли ли вы когда, чтобы Іоланда матеріализовалась или дематеріализовалась въ разрѣзѣ занавѣсокъ, какъ мы однажды это видѣли? Что вы тогда чувствовали?

Отвѣтъ. Я никогда не видала, чтобы Іоланда дематеріазовалась, а только предполагала это по ощущенію возврата моихъ силъ. Я ясно помню, какъ во время пребыванія моего въ Христіаніи, у меня было такое ощущеніе, что въ комнатѣ недостаетъ воздуха и мнѣ трудно дышать; и вотъ раза два или три, когда я усиливалась глубже вдыхать въ себя воздухъ, то присутствующіе говорили: «Теперь она (фигура) опускается въ полъ». Однажды я нарочно съ этой цѣлью начала глубоко ды-

---

[1]) Маленькая дѣвочка, матеріализующаяся на сеансахъ миссисъ Эсперансъ.

шать и услыхала, какъ г-жа Фидлеръ сказала: «вотъ она опять уходитъ въ полъ».

Вопросъ 12-й. Когда въ концѣ сеанса Іоланда готовится уходить, чувствуете ли вы что особенное въ своемъ тѣлѣ? — Что вы чувствуете до и послѣ сеанса?

Отвѣтъ. Въ концѣ сеанса я всегда думаю, какъ бы хорошо было взять ванну, такъ какъ обыкновенно я чувствую себя очень нехорошо по той, полагаю, причинѣ, что Іоланда для матеріализаціи заимствуетъ и у присутствующихъ нѣкоторое количество субстанцій, которыя отчасти возвращаются тоже мнѣ и производятъ это чувство недомоганія. Теперь я всегда беру ванну до сеанса, но тогда я брала ее послѣ, и не думаю, чтобы это мнѣ вредило, а, впрочемъ, навѣрно не знаю.

Всегда передъ сеансомъ, даже часовъ восемь—девять ранѣе, я чувствую, какъ у меня по всему тѣлу пробѣгаютъ мурашки; когда я знаю, что сеансъ готовится, то ощущаю въ пальцахъ особеннаго рода покалыванія, какъ бы отъ прикосновенія къ электрической батареѣ; меня ничто уже не интересуетъ, думать о чемъ-либо только утомляетъ. Такъ что я предпочитаю не знать ранѣе о приготовляющемся сеансѣ.

Послѣ сеанса у меня обыкновенно бываетъ тошнота со рвотой; происходитъ это отъ того, что я поглащаю нѣкоторые изъ элементовъ присутствующихъ [1]), заимствованные Іоландой для своей матеріализаціи. Въ продолженіе дня, передъ сеансомъ, я, насколько возможно, воздерживаюсь отъ пищи.

Вопросъ 13-й. Пробовали ли вы когда удержать ру-

---

[1]) Недавно миссисъ Эсперансъ разсказала мнѣ, что во время опытовъ въ Христіаніи, въ 1893 году, она была очень удивлена тѣмъ, что не испытывала своихъ обычныхъ страданій: члены кружка воздерживались отъ вина и табаку. *А. А.*

ками саму Іоланду или ея вуаль? Очень естественно желать добыть кусочекъ ея одѣянія.

Отвѣтъ. Вотъ именно, на этихъ дняхъ, когда я взяла ножницы, чтобы отрѣзать у нея прядь волосъ, мнѣ не удалось съ ней справиться; она сильнѣе меня. Впрочемъ, я никогда не пробовала ее удерживать, когда она сжимала мнѣ кисти рукъ такъ, что я не могла пошевельнуть ими, мнѣ было интереснѣе испытать ея силу, чѣмъ что другое.

14-й вопросъ. Видѣли-ли вы когда Іоланду лицомъ къ лицу?

Отвѣтъ. Когда она бывала со мною внѣ кабинета, *лицо ее всегда было закрыто вуалью,* такъ что я не могла ее видѣть; но въ Ньюкэстлѣ я видѣла ее въ среднемъ отдѣленіи кабинета, когда занавѣска распахнулась и свѣтъ прямо упалъ на нее. Я видѣла тогда ея плечи и руки такъ же ясно, какъ руки и плечи всякаго другого лица. Было это во время одного изъ дневныхъ сеансовъ. *Я видѣла француженку*[1]) *и впечатлѣніе у меня было такое, какъ будто я смотрѣла въ зеркало: такъ она была похожа на меня.*

15-й вопросъ. Узнаете-ли вы себя въ Іоландѣ: по лицу, по рукамъ или по какимъ либо другимъ сходствамъ тѣлеснымъ или умственнымъ?

Отвѣтъ. Я никогда не замѣчала сходства со мною въ чертахъ лица Іоланды; или лучше сказать, я никогда не имѣла случая судить о немъ.

16-й вопросъ. Не чувствуете-ли вы иногда, что вы, какъ будто, находитесь въ Іоландѣ, что ваше сознаніе, какъ будто, переносится въ нее? Или вы постоянно сознаете себя отдѣльно отъ нея, всегда самой собою, на

---

[1]) Такъ называли фигуру, являвшуюся на сеансахъ.

своемъ мѣстѣ въ кабинетѣ? Можете-ли думать и судить о томъ, что происходитъ вокругъ васъ?

Отвѣтъ. Когда она до меня дотрогивается, у меня такое же ощущеніе, какъ будто я сама себя трогаю. Я не чувствую себя частью Іоланды, напротивъ, чувствую, что она составляетъ какъ бы часть меня самой. Гдѣ-бы ни была Іоланда, я, однако, знаю, что я — я, и нахожусь на моемъ мѣстѣ, въ кабинетѣ. Это для меня ясный и непреложный фактъ, и никто въ мірѣ не можетъ поколебать эту увѣренность, такъ она тверда во мнѣ; это болѣе, чѣмъ простая вѣра. Но хотя я это знаю и сознаю себя здѣсь, и что эта часть меня самой, дышащая и исходящая изъ меня, какъ будто освобождается изъ подъ моей власти, она все-таки сознается мною какъ нѣчто мнѣ принадлежавшее и перешедшее въ распоряженіе другого лица. Я не могу сказать вполнѣ отчетливо, что потеряла: а знаю однако, что не лишилась никакой части моего существа, но что все-таки это новое существо принадлежитъ мнѣ.

Я считаю Іоланду отдѣльной отъ меня личностью и вполнѣ увѣрена, что она имѣетъ собственную индивидуальность, собственныя чувства, собственное сознаніе, отдѣльное отъ всего, мнѣ принадлежащаго.

17-й вопросъ. Если вы чувствуете, что Іоланда дѣйствительно отдѣльная, независящая отъ васъ личность, можете-ли вы указать на умственныя и нравственныя черты характера этой личности? Когда вы сидите въ кабинетѣ, думаете-ли вы о Іоландѣ? Желаете-ли вы, чтобъ она пришла?

Отвѣтъ. Она своевольна и капризна какъ ребенокъ; на мой взглядъ она находится въ степени развитія дѣвочки лѣтъ 13-ти—14-ти; безъ особенныхъ умственныхъ способностей, но очень любопытна. Она походитъ на

существо, перенесенное въ среду болѣе интеллегентную; она понимаетъ и учится легко; самая выдающаяся черта ея характера — любопытство.

Въ началѣ — когда она явилась среди насъ, она, повидимому, не знала, что такое стулъ и пробовала употреблять его на разные лады; сѣла на спинку и упала; что же касается употребленія карандашей и бумаги, то она тотчасъ же поняла его.

Все, что ей приносили, возбуждало въ ней сильное любопытство; она отлично понимала употребленіе платьевъ и разныхъ украшеній и умѣла ими пользоваться.

Іоланда никогда не выказывала ни мнѣ, и никому другому никакой привязанности; она свободно играетъ съ сыновьями м-ра Фидлеръ, потому что привыкла къ нимъ, а совсѣмъ не изъ привязанности.

Полагаю, что она съ удовольствіемъ чѣмъ-нибудь занимается. Если мнѣ случалось попросить у нея что либо, напримѣръ, цвѣтовъ, она давала мнѣ ихъ, но съ капризной миной, какъ мнѣ тогда казалось. Если другіе просятъ, она даетъ охотнѣе; мою же просьбу она не только исполняетъ съ видимымъ нежеланіемъ, но смотритъ на меня подозрительно, точно я надзираю за ней.

Мнѣ кажется, что Іоланда исполняетъ, что отъ нея требуется потому, что желаетъ, чтобы ее хвалили и считали умной. Вѣроятно, впродолженіе этихъ десяти лѣтъ она сдѣлала нѣкоторые успѣхи, потому что Вальтеръ [1]) говоритъ, что она выучила первыя буквы азбуки но что ей остается учиться еще многому.

Я никогда не пробую думать о чемъ бы то ни было, когда сижу въ кабинетѣ, и никогда не желаю появленія Іоланды. Я не знаю, *она* ли придетъ, а только то что

---

[1]) Духъ-руководитель, проявляющійся черезъ писаніе.

придетъ кто-нибудь. Еслибъ ничего не происходило, мнѣ было бы скучно; въ виду чего, полагаю, что я должна желать ея появленія.

18-й вопросъ. Когда появляются другія фигуры, ощущаете-ли вы, что онѣ составляютъ часть васъ самихъ, или напротивъ, что онѣ вамъ чужды и отъ васъ независимы?

Отвѣтъ. Съ другими фигурами я не ощущаю того, что съ Іоландой, и, не посмотрѣвъ, я знаю, она ли это, или другая фигура; отчего это происходитъ — объяснить не могу; только чувствую разницу.

Когда фигура воскликнула — «Карлъ», мнѣ было только любопытно взглянуть, кто это. Я чувствовала, что Іоланда ушла и что я нахожусь въ нормальномъ состояніи. Въ ту минуту, когда говорила съ вами, я почувствовала перемѣну въ себѣ и фигура, произносившая Карлъ, появилась.

19-й вопросъ. Проявлялась-ли когда Іоланда какимъ-нибудь другимъ способомъ, кромѣ сеансовъ съ кабинетомъ?

Отвѣтъ. Сколько я знаю, Іоланда никогда не проявлялась иначе какъ на моихъ сеансахъ съ кабинетомъ для матеріализаціи. Другіе проявляющіеся на сеансахъ «духи» давали доказательства своего присутствія и въ другихъ случаяхъ.

Помню, какъ однажды вечеромъ, когда я жила еще въ Англіи, у меня на колѣняхъ сидѣлъ одинъ изъ дѣтей г-на Фидлера и мы вмѣстѣ пѣли, и вдругъ услыхали аккомпанирующій намъ голосъ. Мальчики спросили: «Ты ли это поешь, Нина?»—Она отвѣтила: «Да». Тогда они побѣжали по лѣстницѣ наверхъ, и не найдя ее тамъ, закричали: «Ты внизу?»—Голосъ отвѣчалъ: «Да». Они стали искать ее по всѣмъ комнатамъ, такъ что запыхались. И вездѣ, по всему дому слышали тотъ же голосъ

20-й вопросъ. Скажите мнѣ, пожалуйста, ваши впечатлѣнія относительно Вальтерова отвѣта 16-го іюня 1890 г., который вы признали за нѣчто совершенно для васъ новое; такъ сказать за «откровеніе». Я говорю о вашемъ полномъ исчезновеніи, когда я вдругъ посмотрѣлъ въ кабинетъ [1]).

Отвѣтъ. До сеанса 16-го іюня 1890 г. я была несомнѣнно убѣждена въ томъ, что въ моемъ тѣлѣ во время сеансовъ не происходитъ видимой перемѣны. Я, конечно, чувствовала, что нѣкоторая перемѣна во мнѣ происходитъ, но не думала, чтобы она могла быть замѣчена кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ меня. Сколько мнѣ извѣстно, я всегда могла видѣть, чувствовать, слышать, или лучше сказать, когда я нахожусь въ кабинетѣ, слухъ мой становится гораздо тоньше, чѣмъ въ обыкновенное время: я слышу тогда тиканье часовъ въ сосѣдней комнатѣ, или даже въ нижнемъ этажѣ; могу слышать разные городскіе звуки, напр., бой башенныхъ часовъ, слышу тиканіе карманныхъ часовъ у присутствующихъ. Несомнѣнно, что чувства мои тогда обостряются. Я могу чувствовать чужія мысли, или вѣрнѣе мнѣ чувствуется какъ будто я слышу ихъ; недавно я попробовала удержать въ памяти такимъ образомъ почувствованныя или слышанныя мною мысли, чтобы повторить ихъ, но мнѣ это не удалось.

Еслибъ я знала, что я бываю иногда преобразуема, какъ это думаетъ Вальтеръ, я никогда бы не рѣшилась давать сеансы лицамъ, не имѣющимъ яснаго понятія объ этомъ состояніи.

Иногда я гуляла съ Іоландой внѣ кабинета, такъ что присутствующіе могли одновременно видѣть насъ вмѣстѣ.

---

[1]) См. «Psych. Studien». 1894 г., стр. 298—299.

Во многихъ случаяхъ я видѣла Іоланду стоящею передо мною на колѣняхъ, ощупывающею мое платье, а иногда подававшею мнѣ стаканъ воды. Я говорила съ ней, трогала ее и могла всѣми способами убѣдится, что мы двѣ отдѣльныя другъ отъ друга личности. Въ первый разъ, когда я замѣтила въ себѣ болѣе сильную перемѣну и вполнѣ поняла ея реальность, это было во время фотографическихъ сеансовъ Хедлунда, когда мужская фигура дотронулась до меня: я такъ испугалась, что попробовала вскочить и бѣжать изъ кабинета, но убѣдилась, что я не могу *двинуться съ мѣста*. Присутствующіе увидали фигуру, о которой я говорила, и какъ эта фигура потомъ постепенно испарилась. Въ то же время я почувствовала, какъ силы мои и способность двигаться стали возвращаться.

Дополнительное примѣчаніе.

Не могу лучше дополнить эти интересныя свѣдѣнія, какъ указавъ читателю на живое и вмѣстѣ съ тѣмъ такое простое описаніе самой миссисъ Эсперансъ всего того, что она видитъ, думаетъ и чувствуетъ во время матеріализаціоннаго сеанса, сидя внѣ кабинета передъ глазами присутствующихъ,—описаніе, сообщенное ею въ журналѣ «*Медіумъ*» (за 1892 и 1893 гг.) въ цѣломъ рядѣ статей подъ заглавіемъ: «*Что чувствуетъ медіумъ во время матеріализаціи духовъ*».

Здѣсь же считаю нужнымъ привести изъ нихъ одно мѣсто, имѣющее прямое отношеніе къ содержанію этой статьи и дающее вполнѣ ясное представленіе о томъ состояніи раздвоенія, въ которомъ находится медіумъ, сохраняя при этомъ свое самосознаніе. Миссисъ Эсперансъ говоритъ здѣсь сама, и надо замѣтить, что написано это было ранѣе гельсингфорскаго событія.

«Теперь является другая фигура, маленькая и худенькая, съ распростертыми объятіями. Въ дальнемъ концѣ кружка кто-то встаетъ, подходитъ къ ней и они обнимаются. Слышны неясные возгласы: «Анна! О, Анна! Дитя мое! Мое милое дитя!» Встаетъ еще кто-то и обнимаетъ фигуру, слышатся рыданія, возгласы, благословенія. Я же чувствую, что шатаюсь изъ стороны въ сторону, въ глазахъ у меня темнѣетъ. Чувствую, какъ чьи-то руки обнимаютъ меня, чье-то сердце бьется на моей груди. Я чувствую, что что-то совершается... Возлѣ меня никого нѣтъ, никто не обращаетъ на меня вниманія, глаза и мысли всѣхъ устремлены на эту стройную, бѣлую фигуру, которую обнимаютъ двѣ женщины въ черномъ.

Вѣроятно, сердце, біеніе котораго я такъ ясно слышу, мое собственное, но, навѣрно, есть же какія-то руки, меня обнимающія; никогда еще никакое прикосновеніе не было для меня такъ ощутительно. Я начинаю спрашивать себя: кто же я? Эта ли бѣлая фигура или та, что сидитъ на стулѣ? Мои ли руки обнимать шею старой дамы, или мои руки тѣ, что лежатъ передо мной на моихъ колѣняхъ? Я ли призракъ, или я не знаю, какъ должна я называть ту, что сидитъ на стулѣ.

Вѣдь губы, которыя онѣ цѣлуютъ, навѣрно мои губы, мое лицо мокро отъ слезъ, обильно проливаемыхъ этими добрыми женщинами. Но какъ же это можетъ быть? Какое ужасное чувство — потеря собственной самоличности. Я жажду протянуть одну изъ безсильно лежащихъ рукъ, чтобы до кого-нибудь дотронуться и рѣшить, наконецъ, существую ли я, или я только призракъ. — Я ли Анна или моя личность слилась съ нею, исчезла въ ней?

Я чувствую дрожащія руки старушки, ея поцѣлуи, ея слезы, ласки и благословенія сестры, и мною овла-

дѣваетъ смертельный страхъ: сколько времени можетъ это продлиться? Долго ли насъ будетъ двѣ? Чѣмъ это кончится? Буду ли я Анной, или Анна будетъ мною?

Затѣмъ я чувствую какъ кто-то кладетъ двѣ маленькія ручки въ мои оцѣпенѣлыя руки, что даетъ мнѣ какъ бы новую точку опоры и я съ радостью начинаю сознавать, что я все еще я сама и что маленькая Джутта [1]), которой надоѣло оставаться за тремя большими фигурами никѣмъ незамѣченной, тяготится своимъ одиночествомъ и ищетъ общества.

Какъ меня успокаиваетъ прикосновеніе даже этой дѣтской руки! Всѣ мои сомнѣнія въ томъ, гдѣ я и кто я — разсѣялись. Пока я все это думаю и чувствую, бѣлая фигура Анны исчезаетъ въ кабинетѣ и обѣ дамы возвращаются на свои мѣста, взволнованныя, въ слезахъ, но очень счастливыя». («Медіумъ», 1893 года стр. 146).

V.

Дальнѣйшія теоретическія соображенія и выводы.

Я уже сказалъ въ началѣ этой статьи, что явленію, которому она спеціально посвящена, суждено бросить яркій свѣтъ на нѣкоторыя темныя и загадочныя стороны явленія матеріализаціи. Ограничусь здѣсь указаніемъ на нихъ въ нѣсколькихъ словахъ, не входя въ подробности.

1) Во-первыхъ, столь обычный фактъ сходства медіума съ матеріализованной фигурой находить теперь свое естественное объясненіе. Фигура эта, какъ раздвоеніе тѣла медіума, естественно имѣетъ всѣ его черты. Еще недавно, во время нашихъ миланскихъ сеансовъ съ

[1]) Ребенокъ, находящійся между присутствующими.

Евзапіей [1]), я имѣлъ случаи наблюдать это сходство *въ рукахъ.* Въ моемъ «*Анимизмѣ*» я, между прочимъ, упомянулъ объ одномъ случаѣ сходства *въ ногахъ,* доказаннаго парафиновыми слѣпками. Что касается *лица,* у насъ есть фотографіи г. Крукса, на которыхъ нельзя не признать сходства Кэтъ Кингъ съ ея медіумомъ. Слѣдовательно (что очень важно для изслѣдованія и критики), ясно, что самое полное сходство не есть еще несомнѣнное доказательство обмана со стороны медіума. Такимъ образомъ генералъ Сецергольмъ могъ легко ошибиться въ своемъ заключеніи, что м-съ Эсперансъ разыгрывала сама роль духа.

2) Болѣе того, можно схватить матеріализованную фигуру, удержать ее и увѣриться, что она ничто иное— какъ самъ медіумъ съ плотью и костями, и это еще не будетъ доказательствомъ обмана съ его стороны. Ибо, согласно этой гипотезѣ, что должно случиться, если мы задержимъ силою двойника медіума, на столько матеріализованнаго, что отъ тѣла медіума, сидящаго за занавѣской, осталось только невидимое подобіе его? Очевидно, что это подобіе — минимальная, тончайшая, эѳирная часть — тотчасъ же будетъ поглощено вполнѣ матеріализованной формой, которой не доставало лишь этого невидимаго остатка. Уже двадцать лѣтъ тому назадъ, м-ръ Гаррисонъ выразился вполнѣ опредѣленно объ этомъ предметѣ: «Очевидно, что обѣ формы должны слиться и меньшая часть поспѣшитъ къ большей». («Спиритуалистъ», 1876 г., т. II. стр. 256). Но я не знаю, что́ бы произошло, еслибъ схватили матеріализованную форму въ то время, когда ноги и руки медіума крѣпко связаны? Согласно теоріи, завязки съ узлами,

---

[1]) См. «Ребусъ 1893 г., стр. 30.

печатями и проч. должны оказаться нетронутыми, висящими на стулѣ медіума. Интересный былъ бы опытъ! Но я не знаю ни одного такого случая, ибо въ спиритической практикѣ, разъ медіумъ поставленъ въ невозможность освободиться отъ связокъ, не считалось логичнымъ прибѣгать къ насилію.

3) Гипотеза эта объясняетъ намъ, всегда существовавшее затрудненіе наблюдать одновременно медіума и вполнѣ матеріализованную фигуру; ибо, какъ я уже сказалъ, полная матеріализація требуетъ съ другой стороны такую же полную дематеріализацію, или другими словами, невидимаго подобія самаго медіума на томъ мѣстѣ, гдѣ его тѣло должно находиться. То же самое относится и къ фотографіямъ медіума вмѣстѣ съ матеріализованной фигурой, такъ рѣдко удающимся. Повидимому, эта трудность зависитъ отъ умѣнья или возможности сохранять нужное равновѣсіе въ распредѣленіи матеріальныхъ элементовъ между обоими.

4) Какъ это доказывается опытомъ, процессъ дематеріализаціи и обратной матеріализаціи распространяется не на одни только органическія тѣла, но и на неорганическія, такъ что связки и печати, которыми связываютъ медіума, не представляютъ никакой гарантіи; тутъ является гипотеза, объясняющая, какъ это можетъ совершаться: или связки дематеріализуются, или самъ медіумъ. Мы имѣемъ тому поразительный примѣръ въ случаѣ м-съ Комптонъ, сокращенно приведенномъ мною въ I главѣ. Имѣемъ и другой подобный же примѣръ въ опытѣ г. Крукса, сообщенномъ г-мъ Блэкбурномъ: шея, талія, руки и кисти рукъ м-съ Кукъ были въ четырехъ мѣстахъ привязаны Круксомъ тесемками къ переносной лѣстницѣ; узлы прошиты и припечатаны. Черезъ пять минутъ медіумъ вышелъ изъ кабинета, осво-

божденный отъ связокъ, оставшихся на полу. («Спиритуалистъ» 1874 г., т. II, стр. 285). Я могу указать читателю на мой собственный опытъ съ медіумомъ Монтэ, тщательно мною связаннымъ, и въ одну секунду освобожденнымъ отъ связокъ, при полномъ сохраненіи всѣхъ узловъ («Ps. Stud.», январскій выпускъ, 1882 г.).

5) Если признать несомнѣнность этихъ фактовъ, то та же гипотеза можетъ объяснить явленія проникновенія матеріи сквозь матерію и столь извѣстныхъ въ медіумизмѣ приносовъ. Они, очевидно, состоятъ въ связи съ явленіями, вышеупомянутыми въ § 4. Безполезно представлять здѣсь новые примѣры, предлагаю читателю справиться въ моемъ «Анимизмѣ» (стр. 90), а также и о моемъ опытѣ съ желѣзнымъ кольцомъ, продѣтымъ на руку Уильямса, помѣщенномъ въ «Psych. Studien» (февральскій выпускъ 1876 г., стр. 52). Основываясь на этой же гипотезѣ, Гаррисонъ въ статьѣ своей «Соображенія, объясняющія нѣкоторыя спиритуалистическія явленія» («Спиритуалистъ» 1876 г., томъ I, стр. 205), вошелъ въ нѣкоторыя подробности для объясненія приносовъ и проникновенія матеріи, гдѣ ссылается и на мой опытъ съ Уильямсомъ.

6) Солидарность медіума съ матеріализованной формой становится очевидной и вполнѣ понятной. Наблюдалось много разъ, какъ физическія впечатлѣнія, ощущаемыя матеріализованной фигурой, отражаются на медіумѣ. Мы имѣемъ на это первыя указанія въ опытахъ переноса краски на появляющіяся матеріализованныя руки, о которыхъ я говорилъ въ моемъ «Анимизмѣ» (стр. 137). Я привелъ тамъ еще интересный случай пораненія ножомъ матеріализованной руки, боль отъ котораго ощутилась медіумомъ. На сеансахъ м-съ Эсперансъ много разъ наблюдалось, какъ уколы матеріализованныхъ рукъ чувствовались медіумомъ. Я самъ при-

сутствовалъ на одномъ сеансѣ, когда фигура погрузила свою руку въ горячій парафинъ, а медіумъ воскликнулъ въ то же время, что его обожгло! Мы имѣемъ, наконецъ, единственный случай въ лѣтописяхъ спиритизма, сообщенный пятью свидѣтелями, замѣчательно поясняющій эту солидарность. На одномъ изъ сеансовъ съ Монкомъ образовалась мужская фигура на глазахъ присутствующихъ; выйдя изъ лѣваго бока медіума, она при хорошемъ освѣщеніи оставалась все время на виду; фигура была вполнѣ матеріализована, а лицо ея, руки и ноги при полномъ газовомъ освѣщеніи тщательно изслѣдованы, сверхъ того она дала образчикъ своей силы, поочередно поднимая присутствующихъ съ ихъ стульевъ. Это, замѣчу мимоходомъ, доказываетъ намъ, что гипотеза почти полной дематеріализаціи медіума, соотвѣтствующей полной матеріализаціи фигуры, изложенная мною въ этой статьѣ, вѣрна не безусловно, какъ я замѣтилъ уже это на своемъ мѣстѣ, ибо здѣсь медіумъ оставался тѣлесно видимъ и осязаемъ. Вотъ этотъ случай; привожу его буквально: «Тогда былъ предложенъ опытъ единственный въ своемъ родѣ, именно, чтобы фигура выпила стаканъ воды. Когда она исполнила это передъ нами, такъ что мы это видѣли и слышали, то это же самое количество воды тотчасъ же *вылилось изо рта медіума*: — новое доказательство того, на сколько общаго бываетъ, иногда, если не всегда, между вкусомъ и ощущеніями психической фигуры и медіума, изъ котораго она образовалась». («Спиритуалистъ» 1877 г., II, стр. 287).

Существуетъ преданіе, что призраки боятся меча. Даже во времена, болѣе близкія къ намъ, встрѣчаются факты, подтверждающіе это повѣрье. Такъ въ XVII вѣкѣ у Гланвиля въ разсказѣ, озаглавленномъ: «Тедвортскій демонъ», мы читаемъ, что лакей г. Монпесона (въ чьемъ

домѣ демонъ не давалъ никому покоя), будучи ночью преслѣдуемъ призракомъ, бралъ въ руки свою шпагу и призракъ исчезалъ. Въ другой разъ призракъ хотѣлъ отнять у него шпагу [1]) и между ними возникла борьба, но какъ только лакей овладѣвалъ шпагой, — призракъ исчезалъ. «Было замѣчено, что онъ всегда старался избѣгать ее». (Гланвиль Saducismus triumphatus, изданіе 1688 г., стр. 345 и 346).

Маркизъ де Мирвиль въ своемъ сочиненіи «О духахъ и ихъ флюидическихъ проявленіяхъ» (стр. 331), сообщая о замѣчательномъ сидевильскомъ случаѣ, происходившемъ въ 1851 году, разсказываетъ между прочимъ, что призракъ, предполагавшійся въ томъ мѣстѣ, гдѣ слышались стуки, повидимому, всегда уклонялся отъ уколовъ, наносимыхъ шпагой, перенося стукъ въ другое мѣсто. Маркизъ приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ древнихъ авторовъ въ подтвержденіе упомянутаго мною преданія.

Согласно современнымъ наблюденіямъ въ новой таинственной области гипнотизма, чувствительность кожи переносится съ ея поверхности на нѣкоторое отъ нея разстояніе, образуя какъ бы чувствительный слой вокругъ тѣла загипнотизированнаго; такъ, если прямо уколоть кожу, онъ ничего не чувствуетъ, а если уколоть воздушный слой въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кожи, онъ чувствуетъ уколъ. Эти явленія носятъ теперь названіе *экстеріоризаціи чувствительности*. (См. «Les états profonds de l'hypnose» (Глубокія состоянія гипноза) par de Rochas d'Aiglun, Paris 1892, стр. 57 и «La force vitale, notre corps vital fluidique» (Жизненная сила, наше жизненное, флюидическое тѣло) par le d-r Baraduc. Pa-

---

[1]) Подобно тому какъ карандашъ былъ у меня вырванъ за спиною Евзапіи. (См. Миланскій отчетъ. «Ребусъ» 1893 г.).

ris, 1893, глава IX: «Exteriorisation complète du corps vital psychique», стр. 117. (Полная экстеріоризація жизненнаго психическаго тѣла). Мы видѣли, что то же самое происходитъ въ явленіи матеріализаціи, которое и можетъ быть признано за самое полное развитіе экстеріоризаціи. Такимъ-то образомъ преданіе и современный опытъ подаютъ руку другъ другу.

7) Наконецъ, тайна матеріализаціи получаетъ если не полное разрѣшеніе, то все-таки нѣкотораго рода естественное объясненіе. Это уже не чудо, не моментальное созданіе матеріи, органическихъ, человѣческихъ формъ, такъ сказать, изъ ничего; это — превращеніе, измѣненіе одной существующей органической формы въ другую. Конечно, это чудесно, но не сверхъестественно. Спиритуалистическое ученіе чрезъ это выиграетъ, ибо тѣло является не результатомъ игры химическихъ силъ, а продуктомъ предсуществующей, организующей силы, способной лѣпить матерію по своему изволенію. Знакомое намъ тѣло является какъ бы временной матеріальной оболочкой. Господство духа надъ матеріей становится очевиднымъ. Въ случаѣ простого раздвоенія, когда медіумъ находится въ трансѣ, мы имѣемъ явленіе распредѣленія органической матеріи, принадлежащей одному тѣлу, между двумя тѣлами, съ сохраненіемъ тождества формы, созданной индивидуальнымъ организующимъ началомъ; когда то же явленіе происходитъ въ то время, когда медіумъ не въ трансѣ, мы имѣемъ въ немъ доказательство, что наше сознаніе не исчерпываетъ содержанія нашего психическаго существа, и что организующее *я* можетъ дѣйствовать и созидать тѣло внѣ сознательнаго *я*; когда раздвоеніе происходитъ при несходствѣ формъ въ нѣкоторыхъ органахъ, сохраняя, однако, общій типъ (какъ мы это видѣли въ случаѣ Кэти Кингъ,

у которой ногти, уши и цвѣтъ волосъ были совсѣмъ иные, чѣмъ у медіума), мы имѣемъ въ этомъ ясное доказательство трансцендентальной организующей силы, уже не придерживающейся образа извѣстнаго намъ земного тѣла, ею оживляемаго. Мы видимъ тутъ начало превращенія. Если же матеріализованная форма не представляетъ ничего общаго съ медіумомъ (какъ въ случаѣ Кэти Бринкъ у миссисъ Комптонъ, см. 1 главу), то передъ нами полное превращеніе. Кѣмъ произведено оно, — вотъ самый важный и затруднительный вопросъ. Трудно предположить, чтобы это было дѣло того же индивидуальнаго трансцендентальнаго *я*, когда съ критической точки зрѣнія форма эта отвѣчаетъ всѣмъ формулированнымъ требованіямъ для признанія индивидуальности (см. «Анимизмъ», часть II, стр. 759), мы имѣемъ очевидное доказательство, что индивидуальное трансцендентальное *я*, только уже не медіума, воспользовалось его органической матеріей для превращенія ея согласно своему желанію.

Но если это такъ, не легче ли бы было этому трансцендентальному *я* употребить то же тѣло или лицо медіума для превращенія его согласно предположенной цѣли, не прибѣгая къ чудесному созиданію совсѣмъ другого тѣла, рядомъ съ тѣломъ медіума. Если бы такіе случаи существовали, они служили бы поразительнымъ нагляднымъ доказательствомъ того, что матеріализація не что иное, какъ превращеніе. Можемъ сказать, что такіе случаи существуютъ; правда, они рѣдки, разбросаны въ многочисленныхъ матеріалахъ спиритической литературы, но вотъ два случая, найденные мною въ статьѣ миссъ Кислимбури «Появленіе матеріализованныхъ фигуръ («Спиритуалистъ» отъ 22-го декабря 1876 года), въ которой она подраздѣляетъ ихъ на раздвоенія,

трансфигураціи и превращенія, и приводитъ слѣдующій примѣръ трансфигураціи:

«Миссисъ Крокеръ, почтенный медіумъ изъ Чикаго, на дняхъ разсказывала мнѣ такіе факты. При указаніи своихъ духовныхъ руководителей она начала нѣсколько мѣсяцевъ назадъ цѣлую серію сеансовъ для развитія новой формы медіумизма. Сеансы эти происходили въ ея собственной семьѣ. Въ одинъ изъ вечеровъ, когда комната была ярко освѣщена, и сверхъ того свѣтилъ мѣсяцъ — ее преобразили: лицо ея совсѣмъ измѣнило свою форму, объемъ и черты, появилась густая темная борода. Всѣ сидѣвшіе за столомъ видѣли это; зять ея, сидѣвшій съ ней рядомъ, когда она повернула къ нему лицо, воскликнулъ: «Да, это отецъ мой!» и послѣ увѣрялъ всѣхъ, что это было совершенно лицо его отца. Вскорѣ послѣ того миссисъ Крокеръ была превращена въ старую женщину съ серебристо сѣдыми волосами, а она женщина среднихъ лѣтъ, и волосы у нея черные. Перемѣна эта совершалась постепенно подъ наблюденіемъ присутствующихъ, не спускавшихъ глазъ съ ея лица... Она все время была въ полномъ сознаніи и испытывала очень опредѣленное ощущеніе покалыванія по всему тѣлу, точно она держала въ рукахъ оба полюса сильной гальванической батареи» (изъ письма м-ра Джой изъ Америки, напечатаннаго въ «Спиритуалистѣ» отъ 17-го сентября 1875 г.).

Другой примѣръ взятъ изъ «Книги медіумовъ» Аллана Кардека, стр. 133 англійскаго изданія. Фактъ этотъ происходилъ въ 1838 г. въ окрестностяхъ Сентъ-Етьена.

«Молодая дѣвушка лѣтъ пятнадцати имѣла странную способность превращенія, т. е. она могла по временамъ принимать образъ умершихъ. Иллюзія была на столько сильна, что представляемое лицо, казалось, дѣйстви-

тельно присутствующимъ, такъ вѣрно было сходство всѣхъ чертъ лица, выраженія, голоса и особенностей рѣчи. Явленіе происходило сотни разъ безъ всякаго участія воли молодой дѣвушки. Она часто принимала образъ своего давно умершаго брата, представляя поразительное съ нимъ сходство не только въ лицѣ, но и въ ростѣ и объемѣ тѣла. Мѣстный врачъ, много разъ наблюдавшій эти превращенія, сдѣлалъ слѣдующій опытъ для убѣжденія себя въ томъ, что онъ не находился подъ вліяніемъ иллюзіи. О фактѣ этомъ мы слышали отъ него самого, отъ отца дѣвочки и отъ многихъ другихъ свидѣтелей очевидцевъ, людей очень почтенныхъ и несомнѣнной правдивости. Врачу пришло въ голову свѣсить молодую дѣвушку сперва въ ея нормальномъ состояніи, а затѣмъ и въ состояніи превращенія, когда она принимала образъ брата, который былъ старше на двадцать лѣтъ и гораздо выше и плотнѣе сестры, и врачъ нашелъ, что вѣсъ ея удвоился. Опытъ этотъ былъ вполнѣ убѣдителенъ, доказывая невозможность приписать принимаемый ею образъ оптическому обману».

Хотя эти оба случая приводятся миссъ Кислинбури какъ примѣры трансфигураціи, но появленіе бороды, сѣдыхъ волосъ и прибавленіе вѣса, явленія такого рода, что указываютъ уже на процессъ превращенія, конечно въ томъ случаѣ, если мы признаемъ точность разсказанныхъ фактовъ. Къ сожалѣнію, такъ какъ въ сообщенныхъ наблюденіяхъ не достаетъ подробностей и прямыхъ свидѣтельствъ очевидцевъ, мы не можемъ вполнѣ вѣрить этимъ фактамъ, значеніе которыхъ, въ случаѣ ихъ подлинности, очевидно. Въ ихъ пользу говоритъ, впрочемъ, то, что они не противорѣчатъ началу, на которомъ основывается всякая матеріализація и представляли бы такимъ образомъ переходную и начальную

ступень превращенія органическаго тѣла въ другое, дѣйствіемъ неизвѣстной организующей силы.

Здѣсь мѣсто упомянуть о другого рода явленіяхъ, которыя также свидѣтельствовали бы въ пользу теоріи превращенія, еслибы, къ сожалѣнію, не были такъ рѣдки и также неточно разсказаны, какъ и выше приведенныя.

Такъ, напр., мы имѣемъ слѣдующій случай, сообщенный м-ромъ Симонсомъ на одномъ изъ митинговъ національной ассоціаціи спиритуалистовъ, происходившемъ въ декабрѣ 1876 г. въ Лондонѣ.

«Д-ръ Ньюбрукъ разсказывалъ ему, какъ, связавъ миссисъ Комптонъ нарочно для того приготовленной навощенной веревкой, онъ прибилъ къ полу ея черное платье альпака. Тщательно связавъ ее, онъ присоединился къ кружку, сидѣвшему внѣ кабинета, изъ котораго вышла фигура въ бѣлой одеждѣ, ростомъ ниже миссисъ Комптонъ; на такое платье, какое было на ней, говорилъ онъ, понадобилось бы ярдовъ тридцать или сорокъ матеріи. Войдя, по приглашенію, въ кабинетъ, онъ не нашелъ тамъ ничего, кромѣ пустого стула медіума [1]. Вернувшись къ кружку, онъ обратился къ фигурѣ съ просьбой дать ему кусочекъ отъ своего платья. «Если вы его вырѣжите, то на платьѣ у медіума окажется дыра», отвѣтила фигура. Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, я подарю ему новое. И онъ вырѣзалъ изъ бѣлаго платья кусокъ, величиной въ человѣческую руку. Тогда фигура ушла въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько времени его пригласили туда и онъ нашелъ медіума связаннымъ веревкой и платье его прибитымъ къ полу, какъ и прежде, *въ ея же черномъ платьѣ оказался вырѣзъ, къ которому совершенно точно подходилъ отрѣ-*

[1] Въ первой главѣ, стр. 123 и слѣдующія, находятся болѣе подробныя свѣдѣнія о миссисъ Комптонъ и о подобномъ явленіи.

занный имъ кусокъ. Впослѣдствіи онъ отрѣзалъ большой кусокъ отъ этого чернаго платья, чтобы показывать другимъ, на сколько вырѣзъ подходилъ къ отрѣзанному куску бѣлой матеріи. Съ тѣхъ поръ по желанію д-ра Ньюбрука, обѣ матеріи были тщательно изслѣдованы и найдены совершенно однородными, хотя и разныхъ цвѣтовъ. («Спиритуалистъ» 1876 г., томъ II, стр. 257).

Точно также на сеансахъ м-съ Эсперансъ было много разъ замѣчено, что когда одному изъ присутствующихъ удавалось тайно отъ всѣхъ отрѣзать кусокъ отъ вуаля покрывавшаго голову матеріализованной фигуры, послѣ сеанса на платьѣ или на юбкѣ миссисъ Эсперансъ оказывалась дыра. Я не могу указать мѣста, гдѣ объ этомъ упоминается, такъ какъ по слабости зрѣнія давно уже вынужденъ былъ прекратить свой указатель статей. Но я знаю, что въ случаяхъ съ м-съ Эсперансъ ни разу не было сдѣлано никакого опыта въ этомъ направленіи. Это всегда открывалось случайно и уже послѣ исполненія. Во время моихъ сеансовъ въ Готенбургѣ я желалъ сдѣлать такого рода опытъ, ради чего заказалъ даже для медіума особенное платье, но стремясь къ цѣли, для которой пріѣхалъ въ Готенбургъ, не имѣлъ къ тому удобнаго случая. Замѣтимъ, однако, что когда отрѣзывали кусокъ съ разрѣшенія фигуры, какъ это было на сеансѣ 11-го декабря, платье м-съ Эсперансъ оставалось нетронутымъ.

Еслибы мы могли получить фактъ такого рода, установленный несомнѣнно, мы имѣли бы въ немъ такое же *выдающееся явленіе*, какъ и то, которому посвящена эта статья, и даже съ тѣмъ преимуществомъ, что онъ представлялъ бы не временное и преходящее доказательство, какъ въ случаяхъ матеріализаціи живыхъ органическихъ тѣлъ, а доказательство пребывающее, какъ въ узлахъ на безконечной веревкѣ, полученныхъ Цёлнеромъ.

Съ точки зрѣнія безпристрастной критики я не могу не согласиться, что явленіе частичной дематеріализаціи тѣла медіума, о которомъ я говорю, не можетъ считаться положительно установленнымъ; главный недостатокъ его (мною, конечно, признаваемый) — его *единичность* и *неожиданность*; свидѣтели, не готовясь ни къ чему подобному, естественно не могли отнестись къ явленію съ полнымъ вниманіемъ, необходимымъ для констатированія столь необыкновеннаго факта. Но таковъ, какъ онъ есть, по моему мнѣнію, онъ имѣетъ достаточно данныхъ въ свою пользу для посвященія ему этого изслѣдованія. Теперь, когда онъ сдѣлался извѣстенъ, остается только пожелать его повторенія въ возможно лучшихъ условіяхъ для безукоризненнаго наблюденія, въ средѣ, хорошо знакомой съ этимъ вопросомъ. Мы имѣемъ для этого прекраснаго помощника въ лицѣ самого медіума ничего такъ горячо не желающаго, какъ серьезнаго изслѣдованія, и представляющаго для этого совершенно исключительныя условія, такъ какъ онъ не впадаетъ въ трансъ, доступенъ наблюденію и самъ первый наблюдатель. Но чтобы это явленіе могло повториться у м-съ Эсперансъ, надо прежде всего, чтобы возстановилось ея здоровье и возвратился медіумизмъ ея, исчезнувшій отъ физическаго и нравственнаго потрясенія, испытаннаго ею вслѣдствіе этого случая. По послѣднимъ извѣстіямъ, мною отъ нея полученнымъ, въ здоровьи ея есть нѣкоторое улучшеніе и медіумическая способность начинаетъ возвращаться къ ней. Будемъ же надѣяться, что она не станетъ жертвою дѣла, не приносившаго ей до сихъ поръ, за все ея самоотверженіе, ничего, кромѣ горя, непріятностей и разочарованій.

Репьевка, $^{11}/_{23}$ іюля 1895 г.

О МАТЕРІАЛИЗАЦІИ.

РѢДКІЙ СЛУЧАЙ ПРИЗНАННОЙ МАТЕРІАЛИЗОВАННОЙ ФИГУРЫ.

(«Psychische Studien» 1897 года).

I.

Отчетъ г-жи Антоніи фонъ-Билле-Даль о сеансѣ съ м-съ д'Эсперансъ 25-го ноября 1895 г. въ Готенбургѣ.

(Изъ датскаго изданія Fra de-to Verdener отъ февраля 1896 г.).

Рѣдко случается, чтобы смерть одновременно уносила изъ этого міра двѣ любящія другъ друга души, и для той несчастной, которая остается на землѣ одинокой, жизнь навсегда теряетъ всякую цѣну.

Я цѣлые 21 годъ принадлежу къ этимъ несчастнымъ. Евангелическая вѣра, которую я исповѣдывала съ дѣтства, должна была-бы утѣшить меня и дать мнѣ силу жить. Я старалась найти въ ней облегченіе моей скорби. Друзья мои и знакомые пасторы приходили утѣшать меня, но напрасно.

Въ дѣтствѣ, проведенномъ мною въ Христіаніи, я слыхала о спиритизмѣ. Впослѣдствіи мы съ мужемъ, живя въ Веймарѣ (гдѣ онъ занимался живописью въ мѣстной академіи) имѣли случай наблюдать нѣкоторыя странныя явленія, убѣдившія меня, что дѣйствительно существуетъ

невѣдомая намъ таинственная сила, имѣющая какое-то отношеніе къ умершимъ.

Меня упорно преслѣдовала мысль, что, быть можетъ, существуетъ способъ, съ помощью котораго убѣжденные адепты спиритизма могутъ сообщаться съ живущими въ загробномъ мірѣ; но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ мои изслѣдованія по этому предмету ни къ чему не приводили. Лишь по прошествіи пятнадцати лѣтъ убѣдилась я въ возможности для моего мужа исполнить данное имъ передъ его кончиной обѣщаніе войти въ общеніе со мною, если только есть жизнь за гробомъ.

Было это въ Берлинѣ, гдѣ я познакомилась съ г-жей Топферъ, хорошимъ трансъ-медіумомъ. Я никогда не забуду моего перваго сеанса съ нею, когда она находилась подъ вліяніемъ моего дорогого мужа. Его первыя слова были: «наконецъ, наконецъ», а затѣмъ онъ съ такой любовью говорилъ со мной, что я чувствовала себя невыразимо счастливой.

Годъ спустя, я присутствовала на сеансѣ г-жи Деммлеръ въ Брауншвейгѣ. И здѣсь мой покойный мужъ говорилъ со мной и подарилъ мнѣ прекрасную розу. Впослѣдствіи я часто присутствовала на сеансахъ въ Дюссельдорфѣ, Римѣ и Кёльнѣ, но самое сильное мое желаніе все-же было принять участіе въ матеріализаціонномъ сеансѣ. И, наконецъ, оно исполнилось — я получила любезное приглашеніе изъ Готенбурга. То, что я испытала тамъ въ домѣ г-на Фидлера во время сеанса съ миссисъ д'Эсперансъ, для меня такъ убѣдительно и незабвенно, что, въ благодарность за оказанную мнѣ великую милость, я считаю долгомъ огласить это.

Двадцать пятаго ноября 1895 г., вечеромъ собралось въ домѣ г-на Фидлера, въ ярко освѣщенной столовой, около двадцати человѣкъ. Между окнами былъ устроенъ

маленькій кабинетъ изъ темнаго сукна. Мы всѣ туда входили и тщательно его осматривали.

Одна изъ присутствующихъ дамъ, пріѣхавшая изъ Стокгольма, подарила м-съ д'Эсперансъ вышитыя ширмочки и небольшой столикъ. Оба эти предмета поставили въ пустомъ кабинетѣ. М-съ д'Эсперансъ сѣла внѣ кабинета и изрѣдка переговаривалась съ присутствующими. Она была въ бѣломъ и рѣзко выдѣлялась на темномъ фонѣ кабинета. Когда свѣтъ уменьшили, одна дама прочла намъ очень поэтическое стихотвореніе. Затѣмъ г-нъ Фидлеръ сыгралъ на фисгармоніи красивую мелодію. Я сидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ медіума и онъ все время ярко выдѣлялся для меня отъ окружающихъ.

Потомъ мы услышали внутри кабинета шумъ и черезъ минуту увидали, какъ столикъ и ширмочки выдвигаются оттуда. Казалось, что предметы эти, ставъ, такъ сказать, поперекъ дороги духу, мѣшали ему. Вскорѣ затѣмъ около медіума показалась яркая полоса бѣлой ткани, имѣвшая вначалѣ форму конуса, но скоро форма эта стала расти вверхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и расширяться, постоянно покачиваясь взадъ и впередъ. Подъ конецъ она явилась въ человѣческомъ образѣ, вся закутанная въ ярко-бѣлое покрывало.

Фигура двинулась въ мою сторону, но, не дойдя до меня, тотчасъ же быстро отступила. Тутъ медіумъ спросилъ: «Есть-ли здѣсь кто-нибудь, кого зовутъ Тони». (Я узнала послѣ, что медіумъ и баронесса П. два раза слышали, какъ духъ съ трудомъ выговаривалъ это имя). Я назвала себя и г. Фидлеръ, взявъ меня за руку, повелъ къ кабинету, куда отступала фигура, и я слѣдовала за ней. Затѣмъ я почувствовала, что двѣ вполнѣ матеріализованныя руки ласково коснулись моихъ щекъ. При жизни мой покойный мужъ часто ласкалъ меня такимъ

образомъ. Руки были длинныя и нѣжныя, совершенно какъ его руки. Невыразимое счастье наполнило мою душу, не оставивъ во мнѣ ни малѣйшаго страха. Я охватила его шею моими руками, и въ эту минуту цѣлая масса мягкаго крепа окутала меня густой вуалью, и я почувствовала слабый запахъ тлѣнія и фіалокъ. Но тутъ надо думать, что медіумическая сила изсякла, такъ какъ фигура вдругъ стала какъ бы таять въ моихъ объятіяхъ. Я протянула руки и, отыскивая ее въ кабинетѣ, встрѣтила тамъ одну пустоту.

Теперь мое желаніе вполнѣ исполнилось, я самымъ нагляднымъ, ощутительнымъ образомъ убѣдилась въ дѣйствительности духовнаго существованія. Я чувствовала себя совсѣмъ обезсиленной отъ охватившаго меня счастья и вернулась на свое мѣсто съ нетерпѣніемъ ожидая, что будетъ дальше.

Одинъ мѣстный житель видѣлъ своего брата, а одна дама изъ К. имѣла случай привѣтствовать близкаго родственника. Въ продолженіе сеанса показывалось нѣсколько фигуръ и между ними ребенокъ, игравшій на музыкальномъ инструментѣ. Послѣ сеанса миссисъ д'Эсперансъ говорила мнѣ, что она ясно слышала, какъ духъ звалъ «Тони» — уменьшительное имя, несомнѣнно никому изъ присутствующихъ неизвѣстное. Повторилъ онъ это имя съ замѣтной боязнью, точно не надѣялся, что я его услышу. Послѣ перваго его удаленія миссисъ д'Эсперансъ снова слышала, какъ онъ называлъ это имя. Баронесса П. изъ Стокгольма, сидѣвшая рядомъ съ медіумомъ, видѣла духа стоящимъ между ними обѣими, причемъ профиль его выдѣлялся на стеклѣ, позади котораго горѣлъ завернутый на половину газовый рожокъ. Она описывала его точно такимъ, какимъ я знала его на землѣ.

Маленькая дѣвочка, сидѣвшая на низенькомъ стульчикѣ около баронессы, ощупала одѣяніе моего мужа и сказала, что оно походитъ на шелковую матерію, затканную цвѣтами.

Я почла-бы себя особенно счастливой, если бы эти строки принесли кому-нибудь утѣшительное убѣжденіе, что наши дорогіе отшедшіе могутъ хотя на короткое время возвращаться къ намъ.

Съ глубокимъ почтеніемъ Антонія Билле-Даль.

II.

Письмо А. Н. Аксакова къ г-жѣ Билле-Даль.

Петербургъ, 28-го ноября 1896 г.

Милостивая государыня. Въ февральскомъ № за текущій годъ датскаго журнала «Fra de-to Verdener» напечатано ваше сообщеніе о происходившемъ въ вашемъ присутствіи 25-го ноября 1895 г. спиритическомъ сеансѣ въ городѣ Готтенбургѣ.

Вы имѣли счастіе несомнѣнно узнать въ одной изъ матеріализованныхъ фигуръ дорогого вамъ отошедшаго. Подобные случаи до того рѣдки и необычайны, что всѣ мельчайшія подробности такой матеріализаціи имѣютъ особенную цѣну, и только благодаря имъ, возможно ясно представить себѣ все происшедшее и удостовѣриться въ точности сообщенныхъ наблюденій. Видя, что вы, милостивая государыня, мужественно рѣшились печатно засвидѣтельствовать испытанное вами, позволяю себѣ безпокоить васъ нѣсколькими вопросами и покорнѣйше просить отвѣтить на нихъ по возможности подробно.

1) Вы говорите: «Я все также сильно желала присутствовать при матеріализаціонномъ сеансѣ. Наконецъ,

желаніе это исполнилось; я получила любезное приглашеніе изъ Готтенбурга». Это заявленіе ваше нѣсколько противорѣчитъ отчету г-жи Пейронъ о томъ-же сеансѣ, напечатанномъ въ № 57 шведской газеты «Ephterat»: г-жа Пейронъ пишетъ, что вы получили сообщеніе покойнаго супруга, обѣщавшаго вамъ черезъ говорящаго медіума (въ Кёльнѣ) попробовать явиться вамъ въ Готтенбургѣ на сеансѣ съ миссисъ д'Эсперансъ, единственномъ медіумѣ, черезъ силу котораго онъ можетъ матеріализоваться. Это обстоятельство чрезвычайно важно, почему я покорнѣйше прошу васъ объяснить мнѣ, гдѣ, когда и въ какихъ именно выраженіяхъ вы получили вышеупомянутое сообщеніе.

2) Было-ли ваше имя Антонія извѣстно кому-нибудь изъ принимавшихъ участіе въ сеансѣ? Потрудитесь вспомнить, подписались-ли вы этимъ именемъ подъ письмомъ, адресованнымъ еще до сеанса г-жѣ д'Эсперансъ.

3) Въ отчетѣ г. Крога о томъ-же сеансѣ говорится, что когда медіумъ сказалъ, что изъ кабинета зовутъ кого-то по имени «Тони», г. Фидлеръ спросилъ, не ваше-ли это имя? По вашему-же отчету выходитъ, что вы сами прямо отвѣтили на вопросъ медіума. Какъ-же происходило это въ дѣйствительности?

4) Весьма важно подробно выяснить каждый моментъ вашей встрѣчи съ матеріализованной фигурой, въ которой вы узнали вашего покойнаго супруга. Вы пишете, что когда вы заявили, что именно васъ зовутъ «Тони», г. Фидлеръ повелъ васъ къ кабинету, куда отступила и фигура, и вы за ней послѣдовали. Затѣмъ вы почувствовали, что двѣ вполнѣ матеріализованныя руки дотронулись до вашихъ щекъ и т. д.' Изъ этихъ словъ можно заключить, что все это происходило внутри кабинета. Между тѣмъ г. Крогъ утверждаетъ въ своемъ

отчетѣ, ссылаясь на ваши слова, что, когда вы подошли къ кабинету, фигура отступила въ него такъ, что лишь верхняя часть ея туловища была видна вамъ внѣ кабинета. Однимъ словомъ, гдѣ произошла ваша встрѣча: въ кабинетѣ или внѣ его?

5) Если внѣ кабинета, то я хотѣлъ-бы прежде всего спросить васъ: что-же вы собственно увидали? Было-ли лицо фигуры закрыто покрываломъ, или открыто? Если оно было открыто, то было-ли при этомъ достаточно свѣта, чтобы разсмотрѣть черты лица? Если да, то будьте добры, опишете мнѣ какъ можно точнѣе, что вы видѣли? Можно-ли было по этимъ чертамъ, какимъ-либо ихъ особенностямъ легко узнать вашего покойнаго супруга?

6) Что еще происходило внѣ кабинета? Внѣ-ли кабинета чувствовали вы, какъ до вашихъ щекъ дотронулись длинныя и нѣжныя руки, подобныя рукамъ вашего супруга? Узнали-ли вы эти руки лишь на ощупь, или вы могли ихъ разсмотрѣть также, какъ и черты лица. Какъ вы отвѣтили на эту ласку?

7) Что же произошло потомъ внутри кабинета, куда вы послѣдовали за фигурой? Я не знаю размѣровъ кабинета, но если это тотъ же, который я видѣлъ прежде въ домѣ г-на Фидлера, то, мнѣ кажется, онъ такъ малъ, что вдвоемъ трудно въ немъ помѣститься; итакъ, находились ли вы оба въ кабинетѣ, и стало быть, въ полной темнотѣ, или фигура была въ кабинетѣ, а вы стояли у входа, между занавѣсками? Если вы стояли въ среднемъ разрѣзѣ между занавѣсками, то свѣтъ, хотя бы и слабый, могъ проникать въ кабинетъ.

Если же вы вошли въ кабинетъ черезъ занавѣску направо отъ медіума (по описанію г-на Фидлера, фигура появилась направо отъ него), то свѣтъ изъ окна, освѣ-

щавшій комнату справа отъ васъ, не могъ проникнуть въ кабинетъ?

8) Вы пишите: «я обняла его шею руками и почувствовала массу мягкаго крепа, покрывшую меня». Происходило ли это въ темнотѣ кабинета, видѣли ли вы крепъ, или только осязали, и не дотронулись ли при этомъ до волосъ? Въ отвѣтъ на его объятіе не обняли ли вы его голову и не ощупали ли его волосы? Были ли они длинны, мягки, похожи на обыкновенные? Короче говоря, узнали ли вы ихъ? Вообще о волосахъ вы ничего не говорите.

9) Другіе присутствующіе въ своихъ отчетахъ говорятъ о слышанныхъ поцѣлуяхъ. Какъ это понимать? вы ничего о томъ не упоминаете.

10) Чувствовали ли вы, обнимая его, прикосновеніе плечъ и плотность всего тѣла? Были ли его движенія свободны и непринужденны, какъ движенія живого человѣка?

11) Навѣрное, вы не молчали во все время этого свиданія. Сказалъ ли вамъ вашъ покойный супругъ хотя бы нѣсколько словъ? Разъ онъ звалъ васъ по имени, значитъ — онъ могъ говорить?

12) Конецъ вашего свиданія требуетъ особеннаго вниманія: «вы вдругъ почувствовали, что фигура какъ бы таетъ въ вашихъ объятіяхъ. Вы протянули руки и стали искать ее въ кабинетѣ, но кабинетъ оказался совершенно пустымъ». Будьте добры, опишите этотъ моментъ по возможности точно и подробно. Обнимали ли вы фигуру въ тотъ моментъ, когда она внезапно исчезла. Чувствовали ли вы ее въ вашихъ объятіяхъ? Неужели возможно, чтобы масса крепа также бы мгновенно исчезла? Можетъ быть, крепъ лежалъ нѣкоторое время на полу? Убѣдились ли вы, и какимъ образомъ, что кабинетъ дѣйствительно пустъ?

*

13) Помните ли вы то, что не вы сами добровольно разстались съ фигурой, а васъ почти насильно увели изъ кабинета? Какъ согласовать это обстоятельство съ внезапнымъ исчезновенiемъ фигуры и вашими поисками въ кабинетѣ?

14) Не можете ли вы, хоть приблизительно опредѣлить, сколько времени вы были вмѣстѣ?

15) Помните ли вы до сихъ поръ сознательно, что вы при томъ слабомъ освѣщенiи дѣйствительно ясно видѣли одновременно медiума на своемъ мѣстѣ, а фигуру возлѣ него?

16) Послѣ этого сеанса прошелъ цѣлый годъ. Какъ вы теперь относитесь къ испытанному вами тогда? Не появились ли у васъ за это время какiя нибудь сомнѣнiя.

17) Когда вы прiѣхали изъ Кёльна въ Готтенбургъ, вы, вѣроятно, видѣли миссисъ д'Эсперансъ до сеанса. Не сообщили ли вы ей въ разговорѣ какихъ-либо подробностей о вашемъ супругѣ? Не показывали вы ей его портрета? Въ теченiе этого года не имѣли ли вы черезъ посредство другихъ медiумовъ (не знавшихъ о вышеупомянутомъ сеансѣ) новыхъ сообщенiй отъ вашего покойнаго супруга, подтверждающихъ его явленiе на сеансѣ 25-го ноября 1895?

19) Если въ датскомъ журналѣ напечатанъ переводъ вашего отчета, написаннаго по-нѣмецки, то я бы очень просилъ васъ прислать мнѣ копiю съ нѣмецкаго оригинала.

20) Въ заключенiе, не будете ли вы такъ добры сообщить мнѣ нѣкоторыя подробности о себѣ самой и о вашихъ занятiяхъ: какого они рода, носятъ ли они чисто практическiй характеръ, или, быть можетъ, отчасти умственный и отвлеченный. Изъ вашего отчета видно,

что вы уже раньше занимались спиритизмомъ. Но освоились ли вы съ нимъ на столько, что можете относиться къ его явленіямъ вполнѣ безпристрастно, хладнокровно, даже критически?

Простите великодушно, милостивая государыня, всѣ мои разспросы, относящіеся къ предмету вамъ столь близкому и дорогому. Я надѣюсь, что вы поймете ихъ цѣль и основаніе. Мнѣ остается только повторить еще разъ мою покорнѣйшую просьбу по возможности точно отвѣтить на всѣ мои вопросы и тѣмъ самымъ дополнить описаніе этого замѣчательнаго явленія, пока произведенное имъ на васъ впечатлѣніе еще свѣжо и живо. Прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь быть искренно вамъ преданный.

А. Аксаковъ.

III.

Отвѣтъ А. Н. Аксакову Антоніи Билле-Даль.

Кельнъ, 28-го декабря 1896 г.

Милостивый государь!

Только въ эту ночь нахожу первую удобную минуту для отвѣта на ваше письмо.

Горячо любимая дочь моя тяжко больна. Я уже много ночей провела около ея постели и была слишкомъ утомлена, чтобы писать вамъ. Извините меня, уроженку Норвегіи, за нѣсколько неправильный нѣмецкій языкъ. Отвѣчаю на всѣ ваши вопросы.

1) Съ кончины горячо любимаго мною мужа, 21 годъ тому назадъ, мое самое сильное желаніе было узнать, увидимся-ли мы съ нимъ послѣ нашей земной жизни.

Много лѣтъ прошло, пока я удостовѣрилась, что спиритизмъ не обманъ, а истина. Я много перечитала спиритическихъ сочиненій. Съ дѣтства я часто слышала разговоры о сверхъестественномъ и сама испытала нѣкоторыя явленія. Несмотря на это, мнѣ было очень трудно придти къ твердой непоколебимой вѣрѣ. Въ Кельнѣ у насъ бывалъ одинъ молодой медіумъ, который однажды, когда, во время его транса, я разговаривала черезъ него съ моимъ мужемъ, сказалъ, что если мнѣ удастся принять участіе въ сеансѣ съ миссисъ д'Эсперансъ, мужъ мой постарается матеріализоваться. Послѣ чего я обратилась съ моей просьбой къ г-ну Фидлеру и миссисъ д'Эсперансъ въ Готтенбургъ.

2) Предполагаю, что г-нъ Фидлеръ и миссисъ д'Эсперансъ знали мое имя, Антонія, но не уменьшительное «Тони».

3) Во время сеанса миссисъ д'Эсперансъ спросила, не зовутъ-ли кого изъ присутствующихъ «Тони», говоря, что духъ повторяетъ это имя. Тогда я отозвалась.

4) Встрѣча моя съ мужемъ произошла внѣ кабинета. Я все время стояла у кабинета, а мой мужъ, обнимая меня, стоялъ въ разрѣзѣ между занавѣсками.

5) Сначала я увидала бѣлую закутанную покрываломъ фигуру. Лицо было совсѣмъ закрыто вуалью. Эта фигура взяла меня руками за обѣ щеки и сжала ихъ съ горячей любовью. Руки были совершенно какъ у живого человѣка, только холодноватыя и слегка влажныя. Отъ всей фигуры пахло фіалками и тлѣніемъ. Думаю, что однѣ только руки были вполнѣ матеріализованы; когда я дотронулась до лица, оно показалось мнѣ такимъ страннымъ, что я испуганно отдернула руку, причемъ, зацѣпила пальцами за одежду духа. Ткань растянулась какъ шелковый гофрированный крепъ. Лицо и вся фигура

были закрыты, только руки свободны. Лица я не видала, но руки опять узнала также, какъ и обычную его ласку. Въ комнатѣ было достаточно свѣтло, чтобы ясно видѣть.

6) Руки его и привычную ласку я узнала и не испугалась, но дотронувшись до лица, я ощутила невольный страхъ, оно показалось мнѣ не вполнѣ матеріализованнымъ. Когда онъ ласкалъ меня, я не боялась, а только чувствовала себя неизмѣримо счастливой.

7) Когда миссисъ д'Эсперансъ воскликнула: «Уведите ее» и г-нъ Фидлеръ осторожно отстранилъ меня, фигура вдругъ исчезла. На прощаніе, она три раза прижала свою правую руку ладонью къ моимъ губамъ, какъ-бы для поцѣлуя. Я подумала, что, вѣроятно, онъ поцѣловалъ меня, такъ сказать, рукою, потому что лицо его и губы не были достаточно матеріализованы для поцѣлуя. Когда онъ исчезъ, я сдѣлала движеніе впередъ, чтобы удержать его. Мнѣ было такъ тяжело разстаться съ нимъ. Я вошла въ кабинетъ и стала его осматривать, изслѣдовать руками, но все, все исчезло. Кабинетъ былъ не великъ. Какъ уже сказано выше, я все время стояла передъ кабинетомъ, а мужъ въ разрѣзѣ между занавѣсками.

Свѣту было настолько, что я все различала. Мужъ стоялъ направо отъ г-жи д'Эсперансъ, позади ея, у правой занавѣски, г-жа Пейронъ, сидѣвшая возлѣ кабинета, могла лучше всѣхъ видѣть мужа; она разсмотрѣла черты его лица и волосы, и бороду. Сначала фигура появилась рядомъ съ миссимъ д'Эсперансъ отъ нея направо, и была очень мала, а потомъ стала рости кверху. Я же увидала ее, когда она протянула руки и направилась ко мнѣ, а потомъ отступила, точно у нея не доставало силы. Затѣмъ миссисъ д'Эсперансъ позвала:

«Тони» и я подошла къ кабинету. Г-жа Пейронъ и Лили Фидлеръ такъ подробно описали мнѣ моего мужа, что у меня не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія въ его личности.

8) Какъ выше сказано, у меня не хватило смѣлости обнять его за шею, потому что лицо его было не докончено.

9) Онъ не цѣловалъ меня, а только крѣпко прижималъ руку къ моимъ губамъ, и крѣпко сжималъ мои щеки. Въ одно время съ нимъ исчезъ и характерный запахъ тлѣнія. Въ кабинетѣ никакого запаха уже не было.

10) Я не чувствовала плотности его тѣла, а только плотныя руки, странное недодѣланное лицо и густое креповое покрывало, издававшее запахъ тлѣнія. Руками онъ двигалъ свободно. Ростъ фигуры вполнѣ соотвѣтствовалъ росту мужа, и когда онъ держалъ пальцы врозь, я опять узнала въ нихъ его пальцы.

11) Мужъ не говорилъ со мной, я же сказала ему нѣсколько ласковыхъ словъ. Говорятъ, что онъ три раза повторилъ «Тони»; это слышали г-жи д'Эсперансъ и Пейронъ и нѣкоторые другіе, я же, къ несчастью, не слыхала.

12) Фигура исчезла внезапно, я напрасно искала ее въ кабинетѣ, кабинетъ былъ пустъ.

13) Г-нъ Фидлеръ отвелъ меня отъ кабинета, потому что г-жа д'Эсперансъ не могла долѣе выдерживать.

14) Г-нъ Фидлеръ вѣрнѣе меня можетъ сказать, сколько времени я пробыла съ мужемъ, я же не знаю. Время мнѣ показалось очень короткимъ.

15) Я и теперь все ясно помню, каждую мелочь. Знаю навѣрное, что я видѣла одновременно фигуру и г-жу д'Эсперансъ. Въ комнатѣ было достаточно свѣтло, чтобы ясно различать предметы.

16) Я ни одной минуты не сомнѣвалась въ томъ, что я видѣла и ощущала впродолженіе чуднаго сеанса въ Готтенбургѣ.

17) Я пріѣхала въ Готтенбургъ въ пятницу, вечеромъ, приглашенная семьей Фидлеръ; я, конечно, заранѣе познакомилась съ г-жей д'Эсперансъ. До сеанса никто не видѣлъ портрета моего мужа. При посѣщеніи моемъ баронессы Пейронъ на слѣдующій за сеансомъ день я показала ей бывшій со мной маленькій портретъ мужа, и она узнала его. Но она еще ранѣе описала мнѣ фигуру духа и ея описаніе походило на моего мужа.

18) Медіумы, съ которыми я имѣла сеансы въ этомъ году, были всѣ близкіе мнѣ люди и знали про сеансъ въ Готтенбургѣ.

19) Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ составленнаго отчета о сеансѣ ни на нѣмецкомъ, ни на датскомъ языкѣ. Существуетъ только напечатанный въ Fra-de-to-Verdener, который вы читали.

20) Всѣ мои занятія сводятся къ исполненію обязанностей хозяйки дома и матери. Я охотно читаю хорошія книги, особенно спиритическаго содержанія. Первая такая прочитанная мною книга была сочиненіе Фламмаріона «Обитаемые міры», въ норвежскомъ переводѣ. Я была-бы очень счастлива, если-бы могла постоянно читать о спиритизмѣ, изучая его явленія, но у меня недостаточно средствъ для пріобрѣтенія книгъ и періодическихъ изданій.

Всѣ мои дѣти медіумы, но сеансы вредно отзываются на ихъ здоровьѣ, и я предпочитаю, чтобы они въ нихъ не участвовали. Мать моя владѣла даромъ ясновидѣнія, какъ Сведенборгъ. Она была сильнымъ медіумомъ. Спиритизма она не любила, ее отталкивало его названіе. Мой мужъ и я были свидѣтелями нѣкоторыхъ сверхъ-

естественныхъ явленій. Еще будучи ребенкомъ, я видѣла однажды духа, а впослѣдствіи видала ихъ не разъ. Думаю, что жизнь моя уже приближается къ концу, думаю это потому, что силы мои слабѣютъ. Я не боюсь оставить земную оболочку, которую всегда считала за бремя. Отъ моего мужа я узнала все, что люди могутъ узнать и понять о жизни, послѣ такъ называемой смерти. Я довольна всѣмъ, что мнѣ даетъ Тотъ, Кто управляетъ міромъ. Жизнь часто бываетъ тяжелой утомительной школой. Такой была она для меня съ ничтожными облегченіями. Убѣдить меня въ чемъ-нибудь совсѣмъ нелегко и много разъ я слишкомъ недовѣрчиво относилась къ медіумамъ,—вѣдь не всѣ явленія подлинны.

Извините мой дурной почеркъ и другіе недостатки моего письма. Теперь, во время тяжелой болѣзни дочери, у меня нѣтъ ни времени, ни необходимаго спокойствія для того, чтобы написать вамъ, какъ слѣдуетъ. Къ тому же я переутомлена безсонными ночами.

Да хранитъ васъ Богъ!

Съ полнымъ уваженіемъ къ вамъ

Антонія Билле-Даль.

IV.

Отчетъ о томъ же сеансѣ каммергера Крогъ.

Изъ датской газеты Fra-de-to-Verdener отъ февраля 1896 года).

25-го ноября 1895 г. состоялся въ Готтенбургѣ въ домѣ г. Фидлера сеансъ. Получивъ приглашеніе, мы съ женой не приминули, конечно, имъ воспользоваться. Кружокъ состоялъ также, какъ и въ прошлый разъ, приблизительно изъ двадцати человѣкъ; между ними находились

мы съ женой (пріѣхавъ изъ Копенгагена), затѣмъ г. Е. изъ Гефле, котораго г. Фидлеръ вылѣчилъ магнетизмомъ отъ болѣзни, признанной всѣми врачами неизлѣчимой, баронесса П. изъ Стокгольма, баронесса Z. изъ южной Германіи и г-жа Билле-Даль изъ Кёльна. Сеансъ состоялся, главнымъ образомъ, для послѣдней, такъ какъ ея покойный мужъ, котораго она, повидимому, нѣжно любила, сказалъ ей черезъ одного медіума въ Берлинѣ, чтобы она обратилась къ Готтенбургскому кружку, гдѣ онъ надѣялся ей явиться.

Передъ сеансомъ былъ осмотрѣнъ кабинетъ, устроенный по прежнему между окнами столовой, посредствомъ все той же трехстворчатой ширмы. Но на этотъ разъ внутри кабинета была поставлена еще вторая трехстворчатая ширма, прелестно разрисованная по шелковой матеріи. Всѣ присутствующіе очень любовались этими рисунками. Въ одномъ изъ угловъ кабинета поставили небольшой столикъ съ положенными на него бумагой и карандашемъ, и задернули занавѣски.

Медіумъ занялъ мѣсто на стулѣ передъ кабинетомъ, а гости, какъ и въ послѣдній разъ, размѣстились въ заранѣе опредѣленномъ порядкѣ кругомъ справа налѣво. У кабинета на этотъ разъ сѣла баронесса П., рядомъ съ ней г-жа Фидлеръ, затѣмъ я, моя жена, г. Фидлеръ и г-жа Билле-Даль; между мною и г-жею Фидлеръ, нѣсколько выдвинувшись впередъ, сѣла, какъ и въ послѣдній разъ, дѣвочка. Было около $8^1/_2$ ч. вечера, когда погасили лампу, висѣвшую подъ потолкомъ, и сеансъ начался.

Какъ и прежде свѣтъ проникалъ въ комнату черезъ большое красноватое стекло, находившееся на лѣвой отъ кабинета стѣнѣ, чрезъ которое и медіумъ, и кружокъ были ясно освѣщены. Когда же минуту спустя свѣтъ

уменьшили, то и тогда, хотя не такъ уже ясно, а все-таки можно было до нѣкоторой степени различать какъ все находящееся въ комнатѣ, такъ и медіума въ его бѣломъ платьѣ. Затѣмъ произошло нѣчто странное. Медіумъ вдругъ сказалъ: «столъ или что-то толкаетъ меня извнутри кабинета». А вслѣдъ затѣмъ прибавилъ: «Теперь самый столикъ выдвигаютъ изъ кабинета» — и дѣйствительно, въ ту же минуту столъ выдвинулся на середину комнаты. Поверхность столешницы его сіяла фосфорическимъ свѣтомъ. Послышался сильный шумъ и медіумъ воскликнулъ: «Теперь ширма выдвигается», что и случилось немедленно: разрисованныя ширмы выдвинулись такъ же, какъ передъ тѣмъ столикъ, и ихъ пришлось унести изъ круга.

Баронесса П., сама хорошій медіумъ, замѣтила, что она заранѣе знала, что ширмъ въ кабинетѣ не оставятъ.

Послѣ этого кружокъ, наконецъ, усѣлся покойно; баронесса прочла молитву, потомъ продекламировала стихи. Въ ожиданіи, что будетъ дальше, мы стали то пѣть, то играть на фисгармоніи.

Первая свѣтлая искра показалась направо отъ медіума; разростаясь она приняла форму человѣческой фигуры, и вышла сперва на середину круга, а затѣмъ направилась въ нашу сторону. Спросили, для кого она пришла? Жена моя, вставъ, пошла къ ней на встрѣчу, но фигура отступила къ медіуму и точно расплылась въ воздухѣ. Вскорѣ медіумъ сказалъ: въ кабинетѣ кто-то зоветъ «Тони». Г. Фидлеръ спросилъ г-жу Билле-Даль, не ея ли это имя?

«Да, отвѣтила она, мое имя Антонія, но мой мужъ всегда звалъ меня «Тони». Она тотчасъ же встала и быстро направилась къ кабинету, откуда мы вскорѣ услыхали ея радостные возгласы, нѣкоторыя нѣжныя

выраженія и звукъ поцѣлуевъ. Но съ нашихъ мѣстъ не было видно того, что такъ поразило баронессу П., ясно разсмотрѣвшую со своего мѣста явившуюся мужскую фигуру. Потомъ мы поняли, что именно г-жа Билле-Даль заслоняла ее отъ насъ.

Изъ разсказаннаго впослѣдствіи г-жею Билле-Даль оказалось, что только верхняя часть матеріализованной фигуры выступала изъ кабинета, что различить черты ея лица она не могла, узнала въ ней мужа по тому, какъ онъ сжалъ лицо ея руками и поцѣловалъ ее въ губы. Такъ обыкновенно ласкалъ онъ ее при жизни. Она говорила еще, что руки у нея зацѣпились за газовую или крепОвую вуаль, окутывающую обыкновенно матеріализованныя фигуры.

Во время этихъ ласкъ фигура все болѣе и болѣе придвигалась къ медіуму, что вмѣстѣ съ охватившимъ г-жу Билле-Даль волненіемъ сильно подѣйствовало на не вполнѣ здороваго въ этотъ день медіума. Г-жа д'Эсперансъ не смогла долѣе выдержать и слабо сказала: «уведите ее, уведите ее».

Матеріализованная фигура растаяла и исчезла, а г. Фидлеръ отвелъ г-жу Билле-Даль на ея прежнее мѣсто. Она едва могла говорить отъ счастія, доставленнаго ей встрѣчей.

Вскорѣ затѣмъ образовалось новое туманное свѣтовое пятно, превратившееся въ женскую фигуру, но неясную, не вполнѣ сформированную. Она скользнула по кругу, останавливаясь нѣсколько разъ около баронессы П., выражавшей твердую увѣренность, что это художница Берта Валеріусъ, умершая въ прошломъ февралѣ мѣсяцѣ и хорошо ей знакомая. Нѣсколько разъ повторила она ей: «Да благословитъ васъ Богъ! Берта!» —

Когда фигура эта исчезла, къ кабинету подозвали

одного господина, съ которымъ желалъ говорить его другъ. Вѣроятно, было недостаточно силы для того, чтобы фигура могла выйти изъ кабинета, ибо мы на этотъ разъ никакой фигуры не видали, но тотъ господинъ узналъ своего друга и назвалъ его по имени.

Вскорѣ потомъ начало образовываться новое свѣтовое пятно между медіумомъ и баронессой П. Я спросилъ г. Фидлера, нельзя ли узнать, для кого оно появилось? На вопросъ его, намъ отвѣтили, что явилось оно для меня, но я, видя, что оно превращается въ женскую фигуру, былъ убѣжденъ, что явленіе это для моей жены. Фигура дѣйствительно и направлялась къ ней, но силы, должно быть, вдругъ измѣнили, и она отступила къ кабинету. Женѣ посовѣтовали слѣдовать за ней и баронесса Пейронъ уступила ей свое мѣсто. Занявъ его, жена протянула руку къ кабинету и тотчасъ же почувствовала прикосновеніе твердой руки. На вопросъ, то ли это лицо, имя котораго она передъ тѣмъ называла, ей отвѣтили горячимъ, крѣпкимъ рукопожатіемъ, и такимъ же образомъ отвѣчали и на всѣ ея дальнѣйшіе вопросы, послѣ чего рука исчезла. Протянувъ во второй разъ руку въ кабинетъ, жена убѣдилась, что онъ совершенно пустъ. Она ничего въ немъ не ощупала, пока не дотронулась до стула медіума. Тогда она уступила баронессѣ Пейронъ ея мѣсто и вернулась на свое.

Въ продолженіе сеанса баронессу П. нѣсколько разъ ласкала рука, которую она, по величинѣ и движеніямъ, признала за руку своего сына. Мы слышали, какъ она называла его по имени и говорила съ нимъ.

Наконецъ, опять пришла маленькая индіанка Нипія. Она большей частью стояла на противоположной сторонѣ кружка, такъ что съ нашего мѣста мы видѣли ее не совсѣмъ ясно, но зато слышали почти постоянно.

Отъ времени до времени изъ кабинета слышались громкіе стуки, а съ противоположной отъ нашей стороны звуки струннаго инструмента, указывавшіе на присутствіе Нипіи.

Какъ и на прошедшемъ сеансѣ, появлялось еще не мало матеріализацій, но ни одной вполнѣ законченной, что зависѣло, быть можетъ, отъ ихъ количества, обусловливавшаго уменьшеніе силы. А не то причина просто въ нездоровьи медіума. Г-жа д'Эсперансъ уже нѣсколько дней страдала отъ простуды и чувствовала себя нехорошо.

Въ тотъ день она взяла турецкую ванну и послѣ недолго отдыхала, въ надеждѣ, что это ей поможетъ, однако ея обычная сила не вернулась. Могло служить помѣхой и присутствіе другого медіума, отвлекшаго къ себѣ часть силы, такъ какъ явилось нѣсколько фигуръ, матеріализующихся обыкновенно черезъ другихъ медіумовъ.

Несмотря на все это, сеансъ былъ очень интересенъ, и мы, во всякомъ случаѣ, не раскаиваемся, что предприняли длинное путешествіе въ Готтенбургъ.

С. В. Крогъ.

V.

Отчетъ о томъ же сеансѣ баронессы Анны Пейронъ.

Изъ шведской газеты «Exterat» отъ февраля 1896 года, переведенный по англійски г-жей д'Эсперансъ.

Пока въ половинѣ августа 1895 года миссисъ Эсперансъ изъ Готтенбурга гостила у меня въ Стокгольмѣ, получила она письмо изъ Германіи отъ незнакомой ей дотолѣ особы г-жи фонъ-Билле-Даль, въ которомъ та

писала, что она получила въ Кёльнѣ черезъ говорящаго медіума посланіе, отъ своего 23 года тому назадъ умершаго супруга, сообщавшее, что онъ попробуетъ проявиться ей, если она будетъ учавствовать въ сеансѣ у миссисъ д'Эсперансъ въ Готтенбургѣ, единственнаго медіума, какъ онъ думаетъ, черезъ котораго онъ можетъ или будетъ матеріализоваться.

По возвращеніи г-жи д'Эсперансъ въ Готтенбургъ, въ половинѣ ноября получила я отъ нея письмо съ извѣстіемъ, что она чувствуетъ себя достаточно крѣпкой и здоровой, чтобъ рискнуть на сеансъ, на который она пригласила меня и г-жу Билле-Даль.

Я поѣхала 25-го ноября въ Готтенбургъ и въ тотъ же вечеръ состоялся сеансъ въ помѣщеніи г. Матью Фидлера. Кромѣ медіума присутствовало 17-ть человѣкъ.

Медіумъ, по своему обыкновенію, сидѣлъ передъ кабинетомъ, внутри котораго находились: небольшой столикъ и низенькая испанская ширмочка.

Устроили мягкое, слабое освѣщеніе съ помощью газоваго рожка, установленнаго въ корридорѣ противъ окна съ матовымъ стекломъ. Мѣсто мое было напротивъ этого окна и я отлично видѣла на этомъ освѣщенномъ фонѣ матеріализованныя фигуры.

Миссисъ д'Эсперансъ просила меня прочитать молитву, что я и исполнила. Послѣ недолгаго сидѣнія, медіумъ сказалъ: «Кто-то или что-то толкаетъ меня въ спину». Вслѣдъ за этими словами столикъ былъ вытолкнутъ изъ кабинета, а потомъ и испанская ширмочка, и я услыхала слабый голосъ, говорившій «возьмите ихъ, возьмите ихъ».

Вскорѣ послѣ того, какъ убрали ширмочку, изъ кабинета вышла мужская фигура въ бѣломъ одѣяніи. Она вышла съ распростертыми руками какъ бы для объятій.

Я ясно видѣла ее въ профиль. Ростомъ она была съ медіума, носъ прямой, небольшіе черные усы, темныя брови и темные волосы.

Одѣяніе ея было изъ бѣлой шелковой матеріи, съ широкими полосками, одна гладкая, а другая съ разводами.

Простоявъ тутъ минуты двѣ, фигура ушла въ кабинетъ, повернулась и опять съ распростерыми руками. Мы, сидѣвшіе ближе, слышали слабый, глухой голосъ, говорившій «*Тони! Тони! Тони!*». Но, какъ никто изъ насъ не зналъ, кто *Тони*, то миссисъ д'Эсперансъ сказала: «Здѣсь есть кто-то требующій *Тони*». Услыхавъ это, г-жа Билле-Даль поспѣшила впередъ къ кабинету и фигура заключила ее въ свои отверстыя объятія, при чемъ было объяснено, что Тони ласкательное имя, какимъ, во время своей земной жизни, мужъ имѣлъ привычку называть ее.

Они долго стояли обнявшись, такъ долго, что медіумъ, наконецъ, попросилъ меня отвести г-жу Билле-Даль на ея мѣсто; тогда фигура исчезла.

За этимъ послѣдовало то, что я считаю наиболѣе интереснымъ изъ всего сеанса.

Между медіумомъ и мною — мы сидѣли рядомъ — появились два большихъ шара, одинъ свѣтлый, другой темный. Они быстро росли къ верху, подымались и опускались какъ пламя, затѣмъ приняли форму двухъ небольшихъ стрѣлокъ, изъ которыхъ окончательно образовались двѣ женскія фигуры, одна въ свѣтломъ, другая въ темномъ одѣяніи. Одна схватила г-жу д'Эсперансъ за руку и стала тащить ее впередъ по полу, но та не захотѣла слѣдовать за нею, и фигура, оставивъ ея руку, двинулась одна черезъ всю комнату, гдѣ она простояла съ минуту съ вытянутыми руками, какъ мнѣ говорили другіе, и вернулась въ кабинетъ. Я же ничего изъ этого явленія не видала, ибо въ это время другая, свѣтлая

фигура подошла ко мнѣ, положила обѣ руки мнѣ на плечи и, поласкавъ меня въ нѣсколько пріемовъ, исчезла въ кабинетѣ. Минуты двѣ спустя возвратилась фигура въ темномъ одѣяніи, подошла ко мнѣ и положила мнѣ на колѣни вуаль, которую держала въ рукахъ погладила меня рукою по лицу и опять ушла въ кабинетъ.

Не болѣе какъ черезъ минуту изъ кабинета вышла мужская фигура, покрытая бѣлой вуалью, настолько прозрачной, что сквозь нея черты лица были ясно видны. Медіумъ сказалъ, что она требуетъ г-на Е. и тотъ вышелъ впередъ, но остановился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ фигуры. Мною овладѣло нетерпѣніе, я взяла его за руку и подвела къ фигурѣ, предлагая пожать протянутую ему руку. Г-нъ Е. спросилъ: «Ты-ли это, Альбертъ?» На что духъ отвѣтилъ тремя стуками ему въ плечо. Г-нъ Е. сказалъ еще нѣсколько словъ духу, но такъ какъ тому пришлось ждать довольно долго прежде чѣмъ г-нъ Е. подошелъ къ нему, то, повидимому, сила истощилась, и фигура вернулась въ кабинетъ.

Теперь появилась женская фигура, требовавшая г-жу К. Чтобы той было удобнѣе видѣть духа, я обмѣнялась съ ней мѣстами; онѣ поговорили минуты съ двѣ между собою, и мы вернулись на свои кресла.

Минутъ пять спустя занавѣсы были отдернуты въ сторону и появилась другая женская фигура, взяла меня за руку и втянула въ кабинетъ. По тому, какъ она это сдѣлала, я узнала мою незабвенную подругу Берту, но, чтобы окончательно въ этомъ увѣриться, я спросила: «Ты-ли это, Берта»? и получила отвѣтъ тремя стуками и тихимъ голосомъ выговоренное «Да». Я стала передъ ней на колѣни и сказала: «Если это ты, Берта, благослови меня» — тогда, сдвинувъ въ сторону мою шляпку, она положила мнѣ на голову руки, поцѣловала меня, про-

бормотала нѣсколько ласковыхъ словъ и дошла со мной до моего мѣста.

Я не просидѣла на немъ и двухъ минутъ, какъ занавѣску опять отодвинули въ сторону и появилась высокая, очень прямая мужская фигура; она тоже взяла меня за руку и увела въ кабинетъ. Я узнала моего сына, скончавшагося передъ новымъ годомъ. И передъ нимъ я стала на колѣни и просила благословить меня. Онъ положилъ мнѣ руку на голову и нѣжно проговорилъ тѣ же слова, которыя написалъ однажды на грифельной доскѣ въ моемъ собственномъ домѣ черезъ медіумическую силу миссисъ д'Эсперансъ: «Не бойся, Господь сказалъ, Я всегда съ тобою». Послѣ чего тихо вывелъ меня изъ кабинета.

Затѣмъ медіумъ спросилъ цитру, лежавшую на колѣняхъ у г-на Н. Ф. Духъ маленькой дѣвочки, называвшей себя Нинія, обыкновенно являлся на сеансы и игралъ на цитрѣ. Вскорѣ мы услыхали звукъ цитры, но духа не видали: онъ былъ не достаточно матеріализованъ для того, чтобы видѣть его глазами, но во всякомъ случаѣ имѣлъ возможность ударять по струнамъ инструмента. Послѣ намъ стало казаться, что звуки сами собой раздаются въ воздухѣ. Когда кто-нибудь просилъ Нинію подойти къ нему, она отвѣчала сильнымъ стукомъ цитрой по полу. Она, видимо, была не въ духѣ; однако, когда я попросила ее подойти и сѣсть ко мнѣ на колѣни, увѣряя ее, что я очень люблю маленькихъ дѣтей, она положила цитру на одну изъ моихъ колѣнокъ и я почувствовала, какъ на другую пробовалъ влѣзть ребенокъ, но такъ какъ я никого не видала, то и не могла помочь ему. Послѣ второй неудачной попытки она пришла въ сильное нетерпѣніе, вырвала у меня цитру и положила ее на колѣни миссисъ Фидлеръ, сидѣвшей на скамеечкѣ у моихъ ногъ.

*

Тутъ медіумъ объявилъ сеансъ оконченнымъ, и мы встали съ благодарнымъ чувствомъ въ сердцѣ за всѣ чудеса, нами видѣнныя. Считаю пріятнымъ долгомъ выразить миссисъ д'Эсперансъ мою глубокую признательность за полное убѣжденіе, мною здѣсь пріобрѣтенное, въ томъ, *что смерти нѣтъ*, а то, что мы такъ называемъ, есть только переходъ въ другое лучшее бытіе, гдѣ мы соединимся со всѣми насъ опередившими дорогими друзьями и пойдемъ все выше и выше, пока не достигнемъ дома Отца нашего Небеснаго.

Анна Пейронъ.
урожденная Веттерштедтъ.

Отчетъ г. Отто Е. Эриксона о томъ же сеансѣ.

(Съ англійской рукописи г-жи д'Эсперансъ, переведенной г. Виттихомъ на нѣмецкій языкъ).

Я имѣлъ удовольствіе получить приглашеніе на сеансъ, состоявшійся въ Готтенбургѣ 25-ноября 1895 г.

Насъ, сколько помню, было около двадцати человѣкъ. Кабинетъ устроили между двумя окнами столовой, въ квартирѣ г-на Фидлера. Внутри поставили художественно-разрисованныя баронессой Анной Пейронъ ширмочки и небольшой столикъ, на который положили бумагу и карандаши. Медіумъ, миссисъ д'Эсперансъ, сѣла на стулъ передъ кабинетомъ, а всѣ остальные гости помѣстились возлѣ нея полукругомъ. Лампу погасили и комната слабо освѣщалась черезъ окно, высоко пробитое въ стѣнѣ налѣво отъ медіума, причемъ только одинъ медіумъ былъ ясно виденъ, благодаря его свѣтлому или бѣлому платью, другія же лица, сидѣвшія полукругомъ, различались съ трудомъ.

Баронесса Пейронъ прочла коротенькую молитву, а

г-нъ Фидлеръ, заигралъ мелодію, которой остальные слегка подпѣвали. Въ это время извнутри кабинета поднялся шумъ и миссисъ д'Эсперансъ сказала, что кто-то толкаетъ ее въ спину. Послѣ этихъ словъ столикъ выдвинулся изъ кабинета, а вслѣдъ за нимъ и разрисованная ширмочка.

Вскорѣ послѣ того какъ все успокоилось и пѣніе возобновилось, миссисъ д'Эсперансъ попросила замолчать, такъ какъ въ кабинетѣ слышится голосъ. Тогда и мы услыхали голосъ, зовущій «Тони». Г-нъ Фидлеръ спросилъ, нѣтъ-ли между присутствующими кого-нибудь по имени «Тони». Г-жа Билле-Даль изъ Кёльна отвѣтила, что ее зовутъ Антонія, но что ея покойный мужъ всегда называлъ ее уменьшительнымъ «Тони».

Она встала съ своего мѣста и, сильно возбужденная, пошла къ кабинету, откуда до насъ долетѣли радостныя восклицанія безъ словъ, нѣжные вздохи и звуки поцѣлуевъ. Она была въ высшей степени взволнована счастлива, увидавъ и узнавъ, какъ она сказала намъ послѣ, своего супруга, котораго, повидимому, глубоко любила.

Что касается меня, то я не видалъ его, потому что г-жа Билле-Даль своей особой закрывала фигуру отъ сидящихъ въ нашей сторонѣ. Она говорила, что только верхняя часть фигуры выступила изъ кабинета, нижняя же часть скрывалась въ занавѣскахъ.

Опять черезъ самое непродолжительное время миссисъ д'Эсперансъ обратила наше вниманіе на стоявшую возлѣ фигуру съ протянутой рукой, какъ бы собираясь кого-то привѣтствовать. Спросили, не желанный-ли онъ д-ръ Л., но фигура отдернула руку. Тогда повторили вопросъ, относя его ко мнѣ; получился отвѣтъ утвердительный. Я пошелъ впередъ и радостно схватилъ протянутыя мнѣ обѣ руки. Онѣ были большія, сильныя и крѣпко, сердечно пожали мои.

На мой вопросъ, не братъ-ли это мой Альбертъ, — крѣпко сжали мои руки и нѣжно ихъ погладили, что, какъ мнѣ объяснили, означало утвержденіе.

Когда окутывавшее фигуру покрывало упало мнѣ на руки, оно точно приклеилось къ моимъ пальцамъ, и на ощупь показалась мнѣ тонкой, мягкой шерстяной или шелковой тканью.

По исчезновеніи этой мужской фигуры, пригласили подойти къ кабинету супругу камергера Крога, изъ Копенгагена, которая послѣ разсказывала намъ, что по многимъ несомнѣннымъ признакамъ она узнала очень близкую ей особу.

Баронесса Пейронъ точно также объяснила, что появившаяся высокая фигура былъ ея сынъ, въ чемъ она никакъ ошибиться не могла, и что другая фигура, которая, выйдя изъ кабинета, положила ей руку на голову, была дѣвица В. Валеріусъ, извѣстная художница и ея хорошая пріятельница, умершая въ февралѣ текущаго года.

Къ сожалѣнію, мое положеніе въ кругу относительно освѣщенія мѣшало мнѣ видѣть многое изъ того, что происходило передъ нами. Я могъ судить о нѣкоторыхъ явленіяхъ лишь по отзывамъ лицъ, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя условія относительно свѣта, чѣмъ я. Но одинъ разъ впродолженіе вечера всѣ мы, безъ исключенія, ясно видѣли два свѣтовыхъ шара, изъ которыхъ что-то постепенно образовывалось; одинъ изъ нихъ былъ очень свѣтлый, другой темнѣе. Шары эти все росли и расширялись, пока достигли человѣческаго роста и объема, причемъ, все время колыхались и расплывались какъ дымъ, разносимый вѣтромъ, а потомъ, постепенно уменьшаясь, окончательно обратились въ ничто.

Затѣмъ мы услыхали звуки цитры, лежавшей на столѣ; музыкантъ, какъ говорили, былъ духъ маленькой дѣвочки

по имени *Нинія*; цитру унесли въ кабинетъ и оттуда слышались нестройные звуки, напоминавшіе игру ребенка.

Вотъ насколько память мнѣ не измѣняетъ, вполнѣ вѣрный и точный отчетъ обо всемъ, что я видѣлъ и слышалъ, хотя, можетъ быть, какія-нибудь мелкія подробности и выпущены мною.

Отто Е. Эриксонъ.

Стокгольмъ, Стирмансъ-гатанъ 8. 2-го декабря 1896 года.

Отчетъ самого медіума.

Съ англійской оригинальной рукописи.

Я не помню, что происходило въ началѣ сеанса. Чувствовала я, какъ сзади дотрагивались до моихъ плечъ, и слышала выходившій изъ кабинета голосъ, но баронесса Пейронъ заговорила въ то же самое время, и я не могла отдать себѣ въ этомъ голосѣ яснаго отчета.

Затѣмъ я почувствовала, какъ рука тяжело опустилась на мое плечо, точно ища опоры. Я обернулась и увидала мужчину въ свѣтящемся одѣяніи. Я ясно его видѣла, такъ какъ свѣтъ изъ окна, находившагося отъ меня влѣво, падалъ на его лицо. Я увидала блѣдное, нѣжное лицо съ тонкими классическими чертами, темными глазами и мягкими черными усами.

Во мнѣ было неопредѣленное желаніе узнать, кто бы могъ это быть, пока онъ, все еще продолжая налегать на мое правое плечо, не нагнулся впередъ и не сказалъ: «*Тони*». Никто не обратилъ вниманіе на этотъ голосъ и онъ опять воскликнулъ, въ этотъ разъ съ какимъ-то тоскливымъ выраженіемъ: «*Тони!*» Онъ возбудилъ во мнѣ глубокое участіе; мнѣ такъ хотѣлось помочь ему, но я не знала, кто «*Тони*». Кажется, въ это время пѣли, что и мѣшало ей услыхать его голосъ.

Я громко сказала: «Фигура говоритъ: «*Тони, Тони!*», кто-бы могъ это быть?». На это отвѣтила г-жа *Билле-Даль*: «Я *Тони* и быстро пошла впередъ. Духъ снялъ руку съ моего плеча и я видала, какъ онъ взялъ обѣими руками лицо г-жи Билле-Даль, а она обняла его за шею и, какъ показалось мнѣ, положила ему голову на грудь; онъ же какъ будто слегка отступилъ, и они оба очутились нѣсколько позади меня справа, наполовину закрытые кабинетными занавѣсками, откуда доходили до меня рыданія, недоговоренные слова и звуки поцѣлуевъ.

Тутъ я начала чувствовать какое-то странное, особенное недомоганіе, но я не хотѣла поддаться этому ощущенію, боясь помѣшать столь трогательному для меня и для всѣхъ насъ свиданію. Но, наконецъ, я смутно сознала, что состояніе это становится для меня невыносимымъ: ясно мыслить я не могла, могла только чувствовать и чувствовала я себя чѣмъ-то въ родѣ быстротающаго снѣжнаго кома, чувствовала, какъ жизнь уходитъ отъ меня, чувствовала, что мнѣ необходимо дохнуть свѣжимъ воздухомъ, а можетъ быть, необходимо и еще что-нибудь, дающее новую связь съ уходящей жизнью.

Потомъ на меня точно снизошло какое-то вдохновеніе, что надо удалить г-жу Билле-Даль, но какъ трудно было мнѣ выговорить: «Уведите ее».

Гдѣ-то, кто-то увелъ ее, она была въ полуобморокѣ, и много плакала; думаю, что и другіе рыдали вмѣстѣ съ нею. Знаю, что я сама плакала. Трогательная сцена эта такъ возбудительно подѣйствовала на всѣхъ насъ, что потребовалось нѣкоторое время, прежде чѣмъ мы настолько успокоились, что явленія могли возобновиться.

Я немного помню изъ того, что произошло далѣе,

хотя сеансъ продолжался еще нѣкоторое время. Но помню, однако, лицо матеріализованнаго духа, его красивыя, тонкія черты, волнистые, черные волосы и мягкіе длинные усы. Когда мы послѣ сеанса сравнивали съ баронессой Пейронъ (ближе всѣхъ его видѣвшей) наши наблюденія, они оказались вполнѣ тождественными.

Г жа фонъ-Билле-Даль была несомнѣнно глубоко счастлива, и хотя она всѣмъ намъ чужая, не было никого, кто-бы ей не симпатизировалъ.

Мои же ощущенія послѣ сеанса были далеко не пріятны, что я приписываю морфину, употребляемому двумя, а можетъ, и нѣсколькими лицами изъ числа присутствующихъ, исключить которыхъ, какъ приглашенныхъ нами, казалось неловко, да мы и не были увѣрены, что они будутъ въ состояніи принять участіе въ нашемъ засѣданіи. По окончаніи сеанса между 11-ю и 12-ю часами, я тотчасъ же легла спать, а проснулась я на слѣдующій вечеръ въ восемь часовъ, проспавъ безъ малаго сутки. Затѣмъ часа два я пробыла на ногахъ, а потомъ легла спать и опять проспала до половины слѣдущаго дня; по пробужденіи меня нѣкоторое время мучило непріятное ощущеніе тошноты; такъ что этотъ опытъ не прошелъ даромъ и многому научилъ меня.

Замѣтки А. Н. Аксакова.

Прежде всего, я съ величайшимъ удовольствіемъ привѣтствую возвратившуюся въ полномъ ея объемѣ медіумическую силу миссисъ Эсперансъ, послѣ двухлѣтняго перерыва, причиненнаго случаемъ въ Гельсингфорсѣ (см. выше стр. 114—235 и особенно стр. 197—201). Потребовалось цѣлыхъ два года, чтобы испытанное ею первое потрясеніе улеглось и здоровье,—это первое и глав-

нѣйшее условіе ея медіумичности,—настолько возстановилось, чтобы явленія матеріализаціи могли вновь происходить во всей своей полнотѣ. Благодаря полному спокойствію и заботамъ одного преданнаго друга, миссисъ д'Эсперансъ возвращена тому дѣлу, посвятить себя которому она считаетъ своимъ долгомъ, не смотря на всѣ трудности и испытанія, такъ часто ее удручавшія.

Къ сожалѣнію, однако, мы должны прибавить, что изъ того необыкновеннаго сеанса, подробности котораго мы только что сообщили, нельзя вывести заключеніе о полномъ выздоровленіи миссисъ д'Эсперансъ. Какъ она мнѣ говорила при нашемъ свиданіи въ Парижѣ, лѣтомъ 1896 г. силы ея, послѣ того сеанса, окончательно надломились и даже въ самомъ интимномъ кружкѣ ей удавались только нѣкоторые опыты безъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ. Не смотря на это, я думаю, мы можемъ надѣяться на лучшее въ будущемъ, ожидать, что медіумическая карьера миссисъ д'Эсперансъ не кончится такъ, какъ кончилась карьера Юма, послѣ смерти котораго серьезные изслѣдователи психизма воскликнули: «Ахъ, если-бъ онъ теперь еще былъ живъ, мы сумѣли-бы его изучить; мы не потеряли-бы этого рѣдкаго случая!» и т. д.

Перехожу, однако, къ моему предмету. Сеансъ 25-го ноября 1895 года, только что нами изложенный въ четырехъ отчетахъ присутствовавшихъ лицъ, представляетъ собою замѣчательныя особенности, отмѣтить которыя очень важно. Я останавливаюсь лишь на случаѣ съ г-жею фонъ-Билле-Даль, хотя съ точки зрѣнія феноменализма и другія явленія, засвидѣтельствованныя присутствующими, могутъ считаться очень интересными фактами; но они не представляютъ собою тѣхъ особенностей, которыя мы находимъ нужнымъ отмѣтить.

1) Проявленіе, черезъ матеріализацію, покойнаго мужа г-жи фонъ-Билле-Даль, можно назвать *настоящимъ свиданіемъ изъ того міра* по обѣщанію, раньше данному г-жѣ Билле-Даль ея супругомъ на сеансѣ въ Кёльнѣ, гдѣ онъ обѣщалъ ей матеріализоваться черезъ миссисъ д'Эсперансъ. И сеансъ этотъ, спеціально устроенный для этой цѣли, увѣнчался полнымъ успѣхомъ,—что составляетъ весьма рѣдкое явленіе, ибо даваемыя на сеансахъ обѣщанія исполняются далеко не всегда. Такъ мало ожидали успѣха, что г-жу Билле-Даль посадили вдали отъ медіума.

2) Что же, однако, при этомъ случилось? Согласно своему обѣщанію, отшедшій тотчасъ же вполнѣ матеріализуется и появляется съ открытымъ лицомъ,—явленіе очень рѣдкое! Самъ медіумъ и его сосѣди: баронесса Пейронъ, Лили Фидлеръ и г-жа Фидлеръ, хорошо видѣвшія черты его лица на освѣщенномъ фонѣ матоваго стекла, подробно ихъ описываютъ, но, конечно, не знаютъ кто это былъ.

3) Фигура идетъ съ протянутыми руками къ г-жѣ Билле-Даль, но вскорѣ силы покидаютъ ее и она возвращается въ кабинетъ, чтобы запастись новыми силами. Чувствуя свою слабость, фигура пытается приблизить къ себѣ г-жу Билле-Даль и два раза слабо произноситъ ея имя: «Тони, Тони»! Г-жа Билле-Даль спѣшитъ тогда къ фигурѣ, стоящей въ отверстіи кабинета, но у фигуры *не только нѣтъ больше силы двигаться впередъ, но даже удержать матеріализованными черты лица и она закрываетъ себѣ голову.*

Поэтому г-жа Билле-Даль не могла видѣть ясно лицо фигуры, закрытое, по ея словамъ, вуалью. Этимъ объясняется очевидное противорѣчіе между показаніемъ г-жи Билле-Даль и другихъ лицъ, увѣряющихъ, что они ясно

видѣли лицо фигуры, тогда открытое. Что голова не была уже достаточно матеріализована, видно еще изъ того, что фигура не могла больше говорить.

4) Здѣсь намъ представляется одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ случаевъ. Г-жа Билле-Даль чувствуетъ, какъ двѣ, вполнѣ матеріализованныя, руки берутъ ее за обѣ щеки,—одна изъ обычныхъ ласкъ ея покойнаго мужа,—длинные и тонкіе пальцы котораго она сейчасъ же узнаетъ. Она хочетъ отвѣтить той же лаской, но когда ея руки, проникая подъ покрывало, дотрагиваются до лица мужа, она ощущаетъ нѣчто «такое особенное», что испуганно отдергиваетъ руки и обвиваетъ ими шею фигуры. Фактъ таковъ, что лицо, какъ я говорилъ раньше, не было вполнѣ матеріализовано и что руки г-жи Билле-Даль встрѣчаютъ «лицо безъ бороды» и слишкомъ мало опредѣленное, чтобы узнать какія-либо черты.

Здѣсь, въ первый разъ въ лѣтописяхъ спиритизма, констатируется прикосновеніемъ голова, представляющая собою не что иное, какъ плохо матеріализованныя части мышцъ и костей, но сидящая на хорошо матеріализованномъ туловищѣ.

Въ параллель къ этому я могу привести только тѣ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ Кэти Кингъ забавлялась тѣмъ, что являлась плохо матеріализованная, иногда *«безъ костей въ лучезапястномъ суставѣ»*, иногда *«съ костяной трупообразной головой въ половину меньше чѣмъ голова медіума»*, и т. д. (См. «Анимизмъ и Спир-тизмъ» или же «Psychische Studien», февраль 1890 г. стр. 744).

Со словъ матеріализовавшихся извѣстно, что труд всего матеріализовать лицо. Здѣсь мы видимъ тому казательство.

По всей вѣроятности, это же и служитъ причиной по которой матеріализованныя фигуры обыкновенно являются съ закрытой головой.

Еще одно соображеніе съ точки зрѣнія скептика, для котораго вся матеріализація есть не что иное, какъ самъ медіумъ или его помощникъ. Это внезапное исчезновеніе естественнаго лица при существованіи остального тѣла и хорошо матеріализованныхъ рукъ, съ точки зрѣнія объективной реальности явленія, несравненно убѣдительнѣе для наблюдателей, чѣмъ присутствіе какого-нибудь лица, особенно если эта голова вмѣстѣ съ волосами и лицомъ за минуту передъ тѣмъ была ясно видима нѣсколькими особами.

5) Мы приближаемся къ неслыханному въ лѣтописяхъ спиритизма факту. Въ то время какъ передъ глазами близсидящихъ происходитъ трогательная встрѣча г-жи Билле-Даль съ ея покойнымъ мужемъ, всѣ совершенно забываютъ о медіумѣ, который находится въ сторонѣ, и нисколько не заботятся о томъ, что съ нимъ происходитъ, и онъ долженъ самъ требовать помощи. Обезсиленная двухкратной матеріализаціей, душевнымъ потрясеніемъ, сопровождавшимъ этотъ сеансъ, и страшнымъ усиліемъ фигуры удержаться все время на ногахъ, миссисъ д'Эсперансъ доходитъ до полнаго изнеможенія; она чувствуетъ какъ слабѣетъ,— «растворяется», по ея словамъ, — пугается и, собравши остатокъ силъ, вскрикиваетъ: «Уведите ее»!

Услыхавъ ея крикъ, г-жу Билле-Даль удаляютъ изъ объятій мужа и медіумъ оправляется. Никогда еще не было столь доказательнаго случая одновременнаго присутствія медіума и фигуры!

Много разъ я просилъ миссисъ д'Эсперансъ произнести хотя-бы одно слово во время появленія матеріа-

лизованной фигуры, но матеріализація такъ обезсиливаетъ и парализуетъ медіума, что онъ не въ состояніи говорить. Здѣсь же, въ ужасѣ, слова у миссисъ д'Эсперансъ вырываются какъ-бы сами собою.

6) Отъ чуда мы переходимъ къ чуду! Когда г-нъ Фидлеръ, по просьбѣ медіума, вырываетъ г-жу Билле-Даль изъ объятій мужа, тотъ даетъ ей на прощаніе три поцѣлуя въ губы ладонью и исчезаетъ. Г-жа Билле-Даль бросается за исчезающей фигурой, какъ-бы желая ее удержать, но ея уже нѣтъ, все исчезло! Тогда г-жа Билле-Даль спѣшитъ въ кабинетъ, въ надеждѣ увидать горячо любимаго человѣка, но и тамъ никого уже не находитъ!

Объ этомъ пунктѣ я разспрашивалъ г. Фидлера, какъ ближайшаго свидѣтеля, и онъ удостовѣрилъ меня, что дѣйствительно г-жа Билле-Даль проникала въ кабинетъ.

Замѣтимъ, что съ исчезновеніемъ фигуры исчезаетъ и тотъ странный запахъ *«тлѣнія и фіалокъ»*, который ощущался все время г-жею Билле-Даль.

Мнѣ знакомъ этотъ запахъ; во время сеансовъ въ Готтенбургѣ въ 1890 году я очень часто подвергалъ изслѣдованію покрывала Іоланды; они обладали совершенно особеннымъ острымъ запахомъ, который я могу сравнить съ запахомъ какого-нибудь тропическаго, душистаго дерева.

Въ лѣтописяхъ спиритизма никогда еще не констатировался фактъ внезапнаго исчезновенія матеріализованной фигуры вблизи, почти въ объятіяхъ рукъ живого человѣка и къ тому же не при полной темнотѣ. Намъ, дѣйствительно, извѣстны нѣсколько очень рѣдкихъ случаевъ матеріализованныхъ рукъ, таявшихъ въ схватившей ихъ рукѣ (см. свидѣтельство Крукса въ его

«Notizen» [1]) и недавнее свидѣтельство г-на Монторгёль во франц. журналѣ «La Chronique médicale» отъ 15-го марта 1897 г.). Во время моего пребыванія въ Парижѣ г-нъ Монторгёль самъ мнѣ разсказывалъ описанный имъ случай. Но подобнаго, какъ съ миссисъ д'Эсперансъ, мы не знаемъ. Кэти Кингъ исчезала тоже внезапно, но всегда за занавѣской.

Все вышеизложенное относится къ объективному значенію явленія. Съ точки же зрѣнія *тождественности личности* мы можемъ отмѣтить слѣдующіе пункты:

1) *Ласкательное имя*, которымъ мужъ г-жи Билле-Даль имѣлъ привычку называть ее. Допустимъ даже, что въ письмѣ къ миссисъ д'Эсперансъ г-жа Билле-Даль подписалась своимъ именемъ «Антонія», но это еще не доказываетъ, что миссисъ д'Эсперансъ знала уменьшительное имя «Тони». Кромѣ того, какъ могла она знать, что фигура была именно господиномъ фонъ-Билле-Даль?

2) *Черты лица*. Г-жа Билле-Даль ихъ не видѣла, но мы имѣемъ вполнѣ согласныя показанія нѣсколькихъ другихъ свидѣтелей, видѣвшихъ и описавшихъ ихъ вполнѣ согласно съ дѣйствительностью.

3) *Сходство рукъ*, которыя г-жа Билле-Даль видѣла и чувствовала и узнала въ нихъ руки своего мужа.

4) *Замѣчательная индивидуальная черта*,—это манера, какъ были взяты щеки г-жи Билле-Даль обѣими руками фигуры, — ласка, по которой она тотчасъ же узнала своего мужа! Вѣдь это нѣчто очень интимное и разумно нельзя допустить такую ласку со стороны чужой фигуры, а еще меньше со стороны помощника.

5) Но высшую степень интимной фамильярности мы

[1]) См. «Psych. Stud.» Апрѣль 1894 г., стр. 58.

находимъ въ томъ способѣ, которымъ фигура простилась съ г-жею Билле-Даль. Такъ какъ она не могла поцѣловать ее въ губы, то она троекратно прижала свою ладонь къ губамъ г-жи Билле-Даль.

Въ другомъ письмѣ своемъ г-жа Билле-Даль мнѣ пишетъ: «Онъ (т. е., мой супругъ) хотѣлъ меня поцѣловать; я поняла это намѣреніе, но его лицо не было достаточно матеріализовано, чтобы поцѣловать губами. Ладонной поверхностью своей руки онъ вполнѣ исполнилъ свое желаніе». Бросается въ глаза, что только очень близкія отношенія могутъ дать право къ такому прощанію.

Изъ всего вышесказаннаго, на мой взглядъ, съ поразительной ясностью слѣдуетъ, что случай матеріализаціи, о которомъ я здѣсь собралъ свидѣтельства,—одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ.

Александръ Аксаковъ.

С.-Петербургъ. 12/24 марта 1897 г.

Письмо А. Н. Аксакова къ г-жѣ д'Эсперансъ

ПО ПОВОДУ ЕЯ КНИГИ: „МІРЪ ПРИЗРАЧНЫЙ"[1]),

НАПЕЧАТАННОЕ ПРИ ЭТОЙ КНИГѢ ВМѢСТО „ПРЕДИСЛОВІЯ".

Дорогой другъ!

Вы были столь добры, прислали мнѣ оттиски вашей книги и спрашиваете мое мнѣніе о ней. Съ большимъ удовольствіемъ исполняю ваше желаніе. Трудъ, который вы предприняли былъ не легокъ, но вы успѣшно выполнили его и достигли желанной цѣли. Вамъ все время приходилось опасаться, что вы скажете или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Если-бы вы захотѣли сообщить слишкомъ много, вы были-бы подавлены подробностями и потребовалось-бы десять томовъ и даже болѣе, чтобы дать полный, обстоятельный отчетъ о вашемъ медіумизмѣ и притомъ же, въ концѣ концовъ, это могло бы показаться самовосхваленіемъ. Сказавъ же слишкомъ мало, вы могли бы быть не поняты. Вы избрали средній путь, который привелъ къ тому, что получается полное и удовлетворительно впечатлѣніе. Я говорю о своемъ впечатлѣніи, потому что для другихъ, можетъ,

[1]) «Shadow Land or Light from the other side» by E. d'Espérance. London. Redway. 1898. («Міръ призрачный или свѣтъ изъ другого міра»). Французское изданіе «Au Pays de l'Ombre». Paris, Leymarie. 1899. — Книга эта представляетъ собой автобіографію автора.

быть даже и теперь вы остаетесь непонятной; но я слѣдилъ за вашей медіумической карьерой во всѣхъ ея подробностяхъ въ теченіи болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ и потому могу понимать васъ лучше чѣмъ многіе другіе.

Отъ рожденія одаренная роковымъ даромъ «сенситивности», вы вопреки вашему желанію, сдѣлались медіумомъ. Движимая исключительно чувствомъ долга по отношенію къ истинѣ, вы не отказывали въ вашей помощи тѣмъ, кто желалъ подвинуть впередъ изученіе дѣла, которымъ и вы сами все болѣе и болѣе интересовались. Вскорѣ вы стали получать весьма замѣчательныя явленія и увлеклись мыслью, что возможно имѣть столь осязательныя доказательства великой истины безсмертія! Какое утѣшеніе для бѣднаго, темнаго человѣчества! Какая новая область для науки! Васъ одушевлялъ духъ пропаганды и вы готовы были на всякую жертву ради торжества истины ученія объ общеніи съ духовнымъ міромъ.

Уже довольно давно, когда я только впервые ознакомился со спиритизмомъ, я часто думалъ, что если бы я былъ сильнымъ медіумомъ, я охотно посвятилъ бы всю мою жизнь, всѣ мои силы и средства для доказательства всѣмъ и каждому, что существуетъ духовный міръ и что общеніе съ нимъ возможно. По счастью являюсь медіумомъ не я, а вы, одушевленная тѣми же принципами, которые руководили бы и мною, если бы я обладалъ вашимъ даромъ. По вашей жизни я вижу каковы были бы результаты, если бы я находился на вашемъ мѣстѣ. Ваша жизнь является доказательствомъ того, что при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, при полнѣйшей искренности, достигаемые результаты не соотвѣтствуютъ принесеннымъ нами жертвамъ и надеждамъ, которыя мы питали. Я могу поэтому утѣшаться мыслью, что мои

судьба была бы не лучше вашей. И что же тому причиной? Незнакомство съ явленіями, съ ихъ законами и условіями. Новыя истины не могутъ быть навязаны нашему уму. Піонеры идеи осуждены работать для нея въ одиночку, не находя помощи и совѣта у другихъ, которые, по правдѣ сказать, до сихъ поръ столь же невѣжественны какъ и они сами. Истину можно найти только мало-по-малу.

Вы стали разочаровываться съ той минуты, когда движимая духомъ пропаганды, вы попытались давать первому пришлому и всякому постороннему осязательное доказательство (см. стр. 188 ориг.) духовныхъ проявленій. Тогда-то вы открыли то, что «казалось должно было разбить всѣ ваши проекты перерожденія міра»; вы увидѣли, что явленія, такъ легко получавшіяся въ вашемъ частномъ кружкѣ, не получались при постороннихъ, такъ какъ явленія находились въ зависимости отъ той духовной среды, въ которой они должны были совершиться.

Но самое горькое разочарованіе явилось, когда вы вступили неизбѣжно на скользкій путь матеріализацій, являвшихся тогда неразгаданной тайной. Опытамъ матеріализаціи вы отдались съ готовностью и преданностью, достойными васъ. Сидя неусыпленной въ трансъ внутри кабинета, сохраняя полное сознаніе, казалось, чего бы могли вы опасаться? Какъ хорошо было, что Іоланда, которую вы сами такъ часто видѣли и трогали, появлялась внѣ кабинета. Что могло быть болѣе убѣдительнаго и успокоительнаго для васъ? И, однако, неожиданное приключеніе повергло васъ съ неба на землю!

Вы были убѣждены, что остаетесь на мѣстѣ въ полномъ обладаніи вашихъ чувствъ, и, однако, ваше тѣло находилось во власти постороннихъ вліяній.

*

Вы пали жертвой тайны внушенія. Эта тайна была тогда совершенно неизвѣстна намъ и въ данномъ случаѣ дѣло усложнялось вопросомъ: «Отъ кого же исходило внушеніе?»

Всѣ обстоятельства, повидимому, складывались противъ васъ. Вы однѣ могли знать, что ваша воля была тутъ не причемъ, но вы были уничтожены этой тайной. Весьма естественно, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ вы не хотѣли даже слышать самого слова «спиритуализмъ» [1]).

Прошло десять лѣтъ. Я думалъ уже, что вы совсѣмъ погибли для нашего дѣла. Но время лучшій цѣлитель и нѣкоторые добрые друзья вновь уговорили васъ приняться за сеансы. Была устроена цѣлая серія новыхъ опытовъ фотографированія матеріализованныхъ фигуръ. Получились блестящіе результаты и новое горькое разочарованіе. Снова васъ обвинили, когда вы знали, что вы ни въ чемъ иномъ не виноваты, какъ въ томъ, что ради другихъ согласились участвовать въ сеансахъ.

Это было повтореніемъ той же тайны, которую вы не могли разрѣшить, опять по причинѣ полнаго невѣдѣнія въ чемъ тутъ дѣло.

Въ это-то время я пріѣхалъ въ Готенбургъ, чтобы возобновить опыты съ фотографированіемъ. Хотя вы никогда не подвергали себя мѣрамъ контроля, къ которымъ прибѣгали съ профессіональными медіумами, вы дозволили мнѣ, однако, вести дѣло съ вами какъ бы съ

---

[1]) На сеансахъ, которые г-жа д'Эсперансъ давала въ Нью-Кастлѣ въ 1880 г. и на которыхъ матеріализовалась Іоланда, эта фигура, вслѣдствіе сходства съ медіумомъ, возбудила подозрѣнія и была схвачена. Вмѣсто Іоланды оказался самъ медіумъ. Иначе и быть не можетъ, см. выше мое разъясненіе на стр. 223: «Дальнѣйшія теоретическія соображенія и выводы» п. 2 (стр. 224).

обманщицей, подчиняясь всѣмъ мѣрамъ предосторожности, которыя я находилъ бы нужнымъ примѣнять. Никогда вы не дѣлали мнѣ ни малѣйшаго возраженія. Я могу удостовѣрить, что вы были столь же заинтересованы, какъ и я, добиться истины.

Послѣ длиннаго ряда опытовъ и немалаго труда, мы пришли къ двумъ заключеніямъ. Во-первыхъ, что не смотря на полное сознаніе вами, что вы остаетесь неподвижной въ кабинетѣ, тѣло ваше или подобіе вашего тѣла являлось послушнымъ таинственной силѣ, внѣ кабинета. Даже вашъ спиритическій другъ Вальтеръ заявилъ, написавъ это вашей же рукой, что могло бы случиться, что ничего видимаго отъ васъ не останется внутри кабинета. Это было для васъ возмутительнымъ откровеніемъ. Во-вторыхъ, установлено было, и это весьма важно, что сомнѣнія и подозрѣнія лицъ, сидящихъ внѣ кабинета, весьма извинительны и являются, повидимому, болѣе основательными, чѣмъ когда-либо вы могли это думать.

Все это было до крайности тяжело.

Это же привело васъ къ рѣшенію: «Если я въ какой-либо степени причастна къ воспроизведенію матеріализованной фигуры, я должна это знать» (см. стр. 353 оригинала) и вы рѣшили, что не будете впередъ сидѣть за занавѣской.

При этихъ новыхъ условіяхъ вы получили самые благопріятные результаты; и тогда-то произошелъ замѣчательный случай, описанный вами въ главѣ XXIV «Являюсь ли я Анной или Анна—это я?» Я опасался, что вы не упомянете объ этомъ опытѣ и очень радъ, что вы разсказали о немъ подробно [1]). Вы имѣли въ этомъ фактѣ осязательное доказательство раздвоенія человѣческаго организма. Это явленіе лежитъ въ основѣ всѣхъ мате-

[1]) См. выше стр. 221 «Дополнительное примѣчаніе».

ріализацій и было причиной многихъ, такъ называемыхъ «поимокъ» медіумовъ.

Но въ какое новое смущеніе это васъ повергло!

Я помню самъ хорошо то время, когда, мучаясь сильными тяжелыми сомнѣніями, вы писали мнѣ: «Не ошибка-ли вся моя жизнь? Не была-ли я введена въ заблужденіе? Не была-ли я обманута и не обманывала-ли я другихъ? Какъ могу я исправить то зло, которое я натворила?»

Изъ глубины того міра, который былъ такъ близокъ къ вамъ съ самаго дня вашего рожденія и ради котораго вы потрудились такъ серьезно и безкорыстно, пришелъ тотъ свѣтъ, о которомъ вы такъ горячо молились, и вы получили отвѣтъ на сомнѣнія, столь угнетавшія васъ. Я радъ, что вижу насъ вновь за плугомъ.

Въ вашихъ самыхъ послѣднихъ опытахъ фотографированія вамъ удалось развить новую сторону вашего медіумизма, которая, какъ я всегда предполагалъ, должна была быть присуща вамъ, но которая въ бытность мою въ Готенбургѣ не выяснилась болѣе того, какъ это описано въ случаѣ, приведенномъ на стр. 389. ориг. Послѣдніе достигнутые вами результаты дополняютъ прежніе опыты по матеріализаціи и согласуются съ чуднымъ видѣніемъ, которое пояснило вамъ эту тайну. Мы не можемъ видѣть духа, но мы хотимъ его видѣть. Мы не можемъ представить себѣ духа иначе, какъ въ человѣческомъ образѣ; поэтому такъ называемые «духи» дѣлаютъ все возможное для воспроизведенія этого образа. Таковы были человѣческія фигуры и головы, которыя вы видѣли и рисовали въ темнотѣ (см. стр. 151 оригинала); таковы же были, совсѣмъ недавно, невидимыя человѣческія фигуры, которыя вы фотографировали при дневномъ свѣтѣ или при магніи. Я расположенъ думать, что если бы вы сидѣли въ темнотѣ, вы также видѣли бы эти фи-

гуры. Наконецъ, таковы же были матеріализованныя видимыя фигуры, которыя были фотографированы въ Готенбургѣ, и образецъ которыхъ вы даете подъ именемъ Лейлы на стр. 310 и 312. Всѣ они являются лишь попытками дать намъ нѣчто для воспринятія нашими чувствами; попытками, доказывающими то, что за этими фигурами дѣйствуютъ духовныя силы. Съ самаго начала намъ было сказано, что эти фигуры не должно принимать за образы «духовъ» [1]).

[1]) Къ нѣмецкому переводу этого письма, помѣщенному въ февральскомъ выпускѣ журнала «Die Psychische Studien» за 1898 г. авторъ его присовокупилъ слѣдующее примѣчаніе:

Помянутые три вида явленій человѣческихъ фигуръ, а именно: 1) трансцендентное явленіе — когда фигура невидима для всѣхъ; 2) полутрасцендентное—когда фигура видима только медіуму и 3) матеріализованное—когда фигура видима всѣмъ, представляются мнѣ какъ три типа основного феномена матеріализаціи. Въ видѣ исключенія въ данномъ случаѣ всѣ эти три типа наблюдаются у одного и того же медіума. Это даетъ намъ достаточно основанія для признанія всѣхъ этихъ трехъ типовъ родственными между собой. Въ книгѣ у г-жи д'Эсперансъ приведены лишь нѣсколько такихъ фигуръ, у меня же ихъ имѣется множество; сравнивая и сопоставляя ихъ, я прихожу къ особой точкѣ зрѣнія на явленіе матеріализаціи и позволю себѣ дать о немъ слѣдующее опредѣленіе: мы можемъ допустить, что матеріализація какъ цѣлыхъ человѣческихъ фигуръ, такъ и головъ и лицъ является только болѣе или менѣе искусно исполненной работой или произведеніемъ какого-либо дѣятеля или неизвѣстной силы — произведеніемъ болѣе или менѣе удавшимся по отношенію къ жизненности фигуры. Впрочемъ, эта мысль не новая, но здѣсь высказана она, какъ мнѣ кажется, точнѣе.

Нельзя также не обратить вниманія на то, что подтверждается и опытомъ и что съ этой точки зрѣнія объясняется легко, а именно, что эти «искусственныя произведенія» въ ихъ грубѣйшихъ проявленіяхъ, обращаются иногда, къ невыгодѣ медіума, въ настоящій маскарадъ, ослѣпляющій еще только неопытнаго наблюдателя, который воображаетъ, что имѣетъ дѣло съ чудесной матеріализаціей, тогда какъ передъ нимъ проходятъ фигуры, сфа-

Если вы будете продолжать работать въ этомъ направленіи и достигнете господства надъ условіями, при которыхъ это происходитъ, то нельзя впередъ сказать, гдѣ вы остановитесь и къ какимъ прекраснымъ результатамъ вы можете придти.

Таковы были мои впечатлѣнія, дорогой другъ, при чтеніи вашей книги.—Она единственная въ своемъ родѣ. Это не исповѣдь, не отреченіе и не самооправданіе медіума, но это откровенная и печальная исторія разочарованій души, ищущей истину и преданной истинѣ, находящейся во власти неизвѣстныхъ, но много обѣщающихъ силъ.

Покидая нашъ міръ земной, этотъ міръ «призрачный», я говорю вамъ: «Продолжайте! Продолжайте! «Fais ce que dois advienne que pourra»—это хорошее правило, котораго вы держитесь. Я не увижу вашихъ будущихъ дѣяній, но ваша миссія далеко не исчерпана, я въ этомъ убѣжденъ. Придетъ день, когда вы найдете вашего Крукса, который постигнетъ тонкія свойства вашего медіумизма и пойметъ, какъ надо обращаться съ вашими разнообразными психическими способностями, и какъ развивать ихъ на пользу науки и человѣчества.

Преданный вамъ А. Аксаковъ.

Реньевка, Пензенской губ., 5/17 сентября 1897 года.

брикованныя при помощи приноса одеждъ, париковъ, бородъ и масокъ, исчезающихъ въ одно мгновеніе необъяснимымъ путемъ. Не надо забывать, что мистификація, доводимая съ «той стороны» до этой степени, является однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ спиритизма, какъ я уже это объяснилъ въ другихъ случаяхъ (см. «Psychische Studien» ноябрь 1895 г., стр. 481 и слѣд., и предисловіе къ 1-му нѣмецкому изданію моей книги «Анимизмъ и Спиритизмъ», стр. XXXIX и слѣд.). Настоящая и полная матеріализація человѣческой фигуры—явленіе необычайной рѣдкости.

6/18 января 1898 г. *А. Аксаковъ.*

РУССКІЯ ИЗДАНІЯ А. Н. АКСАКОВА:

Круксъ. Опытныя изслѣдованія надъ психической силой съ 16 рисунками. Съ англійскаго. 1872. Цѣна 1 р. 25 к.

А. Аксаковъ. Разоблаченія. Исторія медіумической коммисіи. 1883. Ц. 2 р.

Гелленбахъ. Индивидуализмъ въ свѣтѣ біологіи и современной философіи. Съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ Вл. С. Соловьева. 1884. Ц. 2 р.

Гелленбахъ. Человѣкъ, его сущность и назначеніе съ точки зрѣнія индивидуализма. Съ нѣмецкаго. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

А. Аксаковъ. Позитивизмъ въ области спиритизма. По поводу книги Дассьэ «О посмертномъ человѣчествѣ». 1884. Ц. 1 р.

Э. ф. Гартманъ. Спиритизмъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Бутлерова. 1887. Ц. 1 р.

А. М. Бутлеровъ. Статьи по медіумизму. Съ портретомъ автора. 1889. Ц. 2 р.

Геръ, Профессоръ Робертъ. Опытное изслѣдованіе спиритическихъ явленій. Съ англійскаго, съ 4 рисунками снарядовъ. 1889. Ц. 75 к.

А. Н. Аксаковъ. Анимизмъ и спиритизмъ. Критическое изслѣдованіе медіумическихъ явленій и ихъ объясненія гипотезами «нервной силы», «галлюцинаціи» и «безсознательнаго». Въ отвѣтъ Э. ф. Гартману. Съ 8 фототипіями. 1893. Цѣна за обѣ части 3 р. Готовится 2-е изданіе.

А. Н. Аксаковъ. Предвѣстники спиритизма за послѣдніе 250 лѣтъ. Выдающіеся случаи самопроизвольныхъ медіумическихъ явленій съ 1661 года и переходъ къ экспериментальнымъ въ 1848 г. Отчетъ Миланской коммисіи о наблюденіяхъ произведенныхъ въ 1892 году надъ медіумическими явленіями вызываемыми Евзапіей Паладино. Тожество ихъ съ самопроизвольными. Ц. 2 р.

А. Н. Аксаковъ. Воспоминанія очевидца загадочныхъ явленій въ слободѣ Липцахъ въ 1852—1853 гг. Необходимое дополненіе къ «Предвѣстникамъ спиритизма». Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Гёрней, Майерсъ и Подморъ. Прижизненные призраки и другія телепатическія явленія. Сокращенный переводъ съ англійскаго, подъ редакціею Вл. Соловьева. 1893. Ц. 2 р.

Д-ръ Карлъ дю-Прель. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Переводъ съ нѣмецкаго М. С. Аксенова. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 октября 1899 г.

DATE DUE			

